

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАТРОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песоцкимъ.

XIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 14-го Іюля, 1842 года.

Ценсоръ: *П. Корсаковъ*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

НАСТЕНЬКА.

Провинціалныя сцены въ трехъ картинахъ, съ куплетами.

Соч. Н. А. Коровкина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Дружба.

Марья Ивановна.

Тарасъ Ивановичъ.

Дуняша.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дѣтъ невѣсты.

Марья Ивановна.

Тарасъ Ивановичъ.

Настенька, дочь его.

Лолій Марковичъ Волчокъ.

Дуняша.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Честь мнѣю поздравить!

Марья Ивановна.

Тарасъ Ивановичъ.

Настенька, его дочь.

Лолій Марковичъ Волчокъ.

Хуторскій, прітѣжій,

Дуняша, горничная Марьи Ивановны.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городкѣ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ДРУЖБА.

Театръ представляетъ комнату въ нижнемъ этажѣ; на первомъ планѣ, въ лѣвой кулисѣ отъ актеровъ, окно на улицу; направо дверь на черное крыльцо. Въ комнату простая мебель, шкафъ съ посудою, и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна одна, потомъ, Дуняша и Тарасъ Ивановичъ.

Марья Ивановна (въ ночномъ чепцѣ, въ старомъ спальномъ капотѣ, стоитъ выснувшись въ окно. На столѣ самоваръ, на немъ кофейникъ. Кричитъ въ окно).

Поди сюда!.. Эй! (громче.) Слышишь!..

Эй!.. (еще громче.) Раки!.. Слышь, раки!..
Поди! (Затворивъ окно.) Дуняша!.. (сердльсь.) Дуняшка! (изъ всѣхъ силъ.) Дуняшка! (Горничной, которая вошла съ молочникомъ.) Что, мнѣ горло надсадить, что ли?.. Кличешь, не докличешься!

Дуняша.

Сливки кипятила!

Кн. XIV.—1

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Сливки!.. Бѣги, догони раковъ, возьми сотню! Смотри, бери покрупнѣе... (дастъ ей деньги.) Что это я тебѣ дала?

Дуняша.

Четвертакъ изволили пожаловать.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ четвертакъ?.. Подай сюда!.. На, двугривенный, да чтобъ сдача была...

(Дуняша уходитъ. Марья Ивановна наливаетъ кофе, и пьетъ. Тарасъ Ивановичъ стучитъ въ окно съ улицы. Марья Ивановна всматривается, потомъ встаетъ и отворяетъ окно).

Тарасъ Ивановичъ! Какъ же это: въ городъ, а не у меня пристали?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (въ измятой шляпѣ, въ гороховой шинели съ нѣсколькими воротниками; съ большимъ зонтикомъ; подъ окномъ).

Сейчасъ изъ деревни; скакалъ сломя голову... Здравствуйте, матушка; здоровы ли?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Покорно благодарю... Слава Богу! Въ ряды что ли зачѣмъ прѣехали? Такъ пойдемте вмѣстѣ: день торговый, и мнѣ кое-что закупить кстати...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (все еще подъ окномъ).

Какіе ряды, матушка! До рядовъ ли теперь? Чуть съ ума не схожу!.. (съ таинственностію.) Мнѣ надо вамъ сообщить одну новость: дѣло не шуточное, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (скоро).

Что, что такое? До меня, что ли?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

До насъ обоихъ, матушка!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (съ притворною ласкою).

Ахъ, Тарасъ Ивановичъ, что же вы это на улицѣ? Пожалуйте, милости прошу.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (съ безпокойствомъ).

Боюсь, увидить ктонибудь, что я такъ рано... Пойдутъ толки: нашъ городской народецъ — знаетъ! Какъ мнѣ поразказалъ вчера Лолій Маркычъ, что про насъ съ вами говорятъ...

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Э, батюшка! глупыя рѣчи не переслушаешь! А про меня никто сказать ничего не можетъ. Да пусть себѣ лаютъ. Плюю я на всѣхъ! А случись кому нужда, эти голодные собаки всѣ ко мнѣ...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (все еще подъ окномъ).

Я сейчасъ къ вамъ войду, Марья Ивановна. (Отходитъ отъ окна).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (про себя).

Чтобы это такое? Тарасъ старая лисица, не даромъ зачѣмънибудь.. Ну, да денегъ не дамъ!.. А если... Ну, ужъ своего не упустимъ!

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (входя на сцену).

Не видалъ ли кто изъ окошекъ? Мордочкинъ живеть у окна денно и ночью: увѣряетъ, что спазмы душать, не можетъ уснуть! Помилуйте, пятый годъ спазмы душать, пора бы удушить.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Бросьте его, Тарасъ Ивановичъ!.. Такъ, что же за новость?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (притворно горячася).

Да, какъ можно! Я молчу, молчу, а ужъ зажму когданибудь ротъ. Вѣдь вы ни что иное, матушка, Марья Ивановна, какъ добродѣтель, а этотъ уродъ — прости Господи — зоветъ васъ трактирщицей! Если вы переносите по добротѣ души, такъ я не снесу: вѣрите ли, какъ за себя поеть

сердце. Развѣ это безчеститъ благородную женщину отдавать въ наймы комнаты для прѣзжающихъ? Охъ! охъ ти-ти-ти!.. Истинно такъ, что въ здѣшней юдоли добродѣтель въ печали.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Такой вѣкъ, Тарасъ Ивановичъ... Да, вы хотѣли сказать важную новость...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Сейчасъ, сейчасъ, матушка. Дайте, прійти въ себя... шинель скинуть... (Снимаетъ шинель и садится.) Что это у насъ за лѣто, Марья Ивановна, никто не проѣзжаетъ... Я думаю, чего вамъ стоитъ поддерживать домъ?... А поддержекъ-то ни какихъ нѣтъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Трудно, Тарасъ Ивановичъ, очень трудно!... Конечно... кабы хозяинъ былъ въ домъ, а то дѣло вдовье... сиротское.... (утираетъ слезы.) Такъ какая же новость?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что вы скажете, почтеннѣйшая Марья Ивановна, если я вамъ доставлю сегодня вечеромъ постояльца, который найметъ, можетъ быть, весь этажъ... и... (лукаво.) отъ васъ будетъ зависѣть, чтобъ онъ пожилъ по дольше... да!... (улыбался.) Что вы на это скажете?

МАРЬЯ ИВАНОВНА (скрывая радость).

Что тутъ говорить? Скажу, что у меня никогда не было такого истиннаго друга, какъ вы, Тарасъ Ивановичъ.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (цѣлуя у нея руку).

Роднаго брата, матушка, Марья Ивановна. Такъ вы можете сію же минуту готовить комнаты и заказать столъ: у васъ будетъ стоять молодой человекъ... У него процессъ о двухъ стахъ душахъ въ Калугѣ, да дядю, богача, разбилъ параличъ...

МАРЬЯ ИВАНОВНА (суетится, вскакиваетъ и бѣгаетъ ко вѣстамъ дверямъ).

Дуняша! Дуняша! Гаврило!.. Гаврило!.. Дуня!.. Цѣлый часъ ждать!.. (бѣжитъ къ окну, отворяетъ его и высунувшись кричитъ на улицу.) Дуняша! Ступай скорѣе! Что? Ступай, говорить!

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (тихо останавливая ее).

Что вы это, Марья Ивановна, бѣда — услышать! Я съ тѣмъ и говорю вамъ, чтобъ никто не зналъ, пожалуйста!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (тихо).

Отъ кого же вы узнали?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (вынимая изъ кармана письмо).

А вотъ прислушайте: (читаетъ.) «Дорогой мой Тарасъ Ивановичъ! На письмо, писанное мною отъ 10-го Іюня, не имѣю ни какого отвѣта до сей поры. Уповательно, что вы его не получили. Спѣшу теперь увѣдомить, что у насъ, проѣздомъ, былъ Г. Хуторскій, который имѣетъ процессъ о двухъ стахъ душахъ, который онъ долженъ выиграть, и дядю богача, котораго разбилъ параличъ, который ѣдетъ къ вамъ въ городъ, должно быть, покупать имѣніе, которому я и рекомендовалъ домъ Марьи Ивановны, которую вы мнѣ такъ рекомендуете...»

МАРЬЯ ИВАНОВНА (ильжно).

Ахъ, Тарасъ Ивановичъ!

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (цѣлуя руку).

Помилуйте — обязанность! (продолжаетъ читать.) «О себѣ скажу, что мы всѣ, слава Богу, здоровы. Жена не довольна моимъ мѣстомъ: выгоды почти нѣтъ. Мука у насъ почти 22 р. Цѣлую заочно васъ и вашихъ дочекъ; овесъ 14 съ полтиной. Желаю вамъ здоровья и благополучія. Жена свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе, равно и все мое семей-

ство. Сейчасъ пріѣхалъ нашъ стряпчій, сказываетъ, мука 23 рубля. Присемъ съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ и всегдашнюю преданностію,

Имѣю честь быть,
готовый къ услугамъ:

Дмитрій Кукушкинъ!

Марья Ивановна.

Кукушкинъ, о которомъ вы говорили?

Тарасъ Ивановичъ (*въ низкомъ искательствомъ*).

Марья Ивановна! Такъ ужъ я надѣюсь... Вы не откажете... по этому случаю... у меня есть до васъ просьбца... (*кланяется*).

Марья Ивановна (*въ сторону*).

Вѣрно, дай денегъ въ займы. Нелегкая принесла — много васъ ходитъ (*вслухъ*). Я бы со всѣмъ моимъ удовольствіемъ, Тарасъ Ивановичъ, рада... готова бы... если бы можно... Вы знаете, я сама теперь въ такомъ положеніи...

Тарасъ Ивановичъ.

(*Ловитъ ея руку, чтобъ поцѣловать*.)

Ужъ позвольте надѣяться...

Марья Ивановна (*отодвигаясь*).

Я, конечно, душевно бы рада... Но... (*съ хитростію*) Ахъ, вы слышали, Тарасъ Ивановичъ, Кузьма Егоровичъ выигралъ процессъ, и говорятъ, такъ обрадовался, что всѣмъ даетъ въ займы; скажите, какой добрый!

Тарасъ Ивановичъ.

Ну, Богъ съ ними, съ деньгами! Если мой планъ удастся, мы съ вами безъ него обойдемся....

Марья Ивановна (*перемываетъ тонъ, и говоритъ дружески*).

Боже мой! Да скажите же скорѣе, не мучьте. Вы знаете, я для васъ, Тарасъ

Ивановичъ, на все готова... Ахъ! я васъ, просто, иначе не зову, какъ другомъ.

Тарасъ Ивановичъ.

Матушка, Марья Ивановна, (*цѣлуетъ руку*) я всегда былъ въ васъ такъ увѣренъ... Будьте увѣрены, по гробъ свой не переменяю въ своихъ чувствахъ...

Марья Ивановна.

Ахъ, Тарасъ Ивановичъ, да когда же вы скажете; мы одни!

Тарасъ Ивановичъ (*осматриваясь*).

Знаете, Марья Ивановна, какъ бы хорошо, выдать за него мою Настеньку.

Марья Ивановна.

Мудрено, Тарасъ Ивановичъ.. Она, конечно, дѣвочка хорошенькая... Да.. знаете, вѣдь онъ человѣкъ богатый.

Тарасъ Ивановичъ.

Это и хорошо!... Онъ не станетъ рассчитывать на состояніе, и вѣрно захочетъ жениться по страсти. Надо только, чтобы она ему понравилась!... А ужъ если вы возьмете на себя, Марья Ивановна... Умная женщина, всегда можетъ это уладить... Задержите только его у себя подольше... Я Настеньку отпущу погостить къ вамъ... Надо чѣмъ нибудь вознаграждать мои хлопоты. Вѣдь чего мнѣ стоило ея воспитаніе. Какъ меня стало? съ Голубовскими шесть лѣтъ былъ въ ссорѣ, видѣть ихъ не могъ; встрѣчусь, такъ всю душеньку такъ и ворочаетъ, а у нихъ нанятъ былъ фортепанный учитель, мало помирлся, ѣздилъ каждый Божій день; Асюта ихъ и полюбила мою Настю, и выучила семь штукъ играть на фортепанный. У Лодкиныхъ собирались на танцы, и съ тѣми помирлся: тоже года два не встрѣчались. Хуже денегъ, Марья Ивановна, знаю, что сижу у аспидовъ, а цѣлюсь; Что дѣлать! для дѣтей, кажется, ничего не жаль! Къ Потопиной подѣхалъ, а та и въ Москву взяла Настеньку. Вѣдь въ Москвѣ цѣлый мѣсяцъ выжила — какъ же!

Горько подумать, что все это не пошло на пользу... У насъ въ городѣ никто ее не возьметъ: Богъ ее знаетъ! Одѣнется проще всѣхъ... Люди говорятъ—молчать, какъ дура! Зачѣмъ мнѣ мѣшаться, судить другихъ... и все не по ней... Отъ всѣхъ отдалается... А вѣдь, дитя родное, хочется тоже повыгоднѣе, а главное на зло моимъ аспидамъ... Знаю, что и вы ее не очень любите, да надѣюсь, что по дружбѣ ко мнѣ...

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да и со мной всегда не деликатно.... Не знаю, Тарасъ Ивановичъ... Я рада бы стараться.... Только грѣшно выдать Настеньку; Машенька ваша и умнѣй, и пятью годами старше....

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ужъ это мое дѣло, Марья Ивановна. Я вамъ скажу по секрету: у Взяткина на именинахъ, ротный командиръ десять разъ протанцовалъ съ Машей, почти объяснился, да я нарочно, пока, показываю затрудненія: чѣмъ менѣе надежды, тѣмъ сильнѣе любовь... А Лиза почти навѣрное сдѣлаетъ партію: Чижиковыхъ Соношка при смерти — какъ же! Александръ Сергѣичъ сказалъ, что недѣди не проживетъ, нѣтъ ни какой надежды — какъ же!

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Какая жалость, скажите! Послушайте, да что же, если Соня умретъ, я не вижу...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Эхъ, Марья Ивановна, вы не были отцемъ, не знаете, какія это чувства отцовскія! Какъ же вы не понимаете? Соночка умереть, останется ея мужъ, молодой вдовецъ: и 25-ти еще нѣтъ! Онъ и теперь все къ намъ ходитъ да плачетъ: ну, и я заплачу — не могу, ужъ у меня правъ такой чувствительный, а Лиза не можетъ видѣть меня въ слезахъ, тоже заплачетъ. Ну, будутъ плакать все вмѣстѣ, да и утѣшаться!.. Марья Ивановна! На счетъ Настеньки-то теперь.... Ужъ

поз ольте, я привезу ее къ вамъ гостить на недѣльку... А?..

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Если Богомъ опредѣлено, Тарасъ Ивановичъ, судьбы своей не минетъ!.. Конечно, я буду стараться... Вѣдь и замужство вестъ за собой горести. *(Плачетъ)* Какъ лишишься мужа, останешься вдовой.. Не видали ли вы Лолія Марковича? Что, какъ его дѣла?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Того и смотри все опишутъ!..

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(вздыхая)*.

Ужасно остаться сиротой!.. Вѣрите ли, какъ мнѣ его жаль.... Прекрасный такой человекъ... Онъ у васъ, кажется, часто бываетъ: онъ такъ васъ любитъ...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да, уважаетъ: онъ мнѣ тоже долженъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Чтобы вамъ ему не помочь?... Присовѣтовали бы что нибудь... да что онъ не женится, право?... За такого добраго человекъ, какъ, кажется, не найдись невѣстъ?..!

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, ужъ не молодъ, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да что жъ, ему съ небольшимъ за 40... Ну, и невѣста бы нашлась средственныхъ лѣтъ...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Вѣрно ему въ умъ этого не приходитъ... Марья Ивановна! Такъ ужъ позвольте Настеньку-то... я буду надѣяться... *(цѣлуетъ руку)*.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вы бы ему намѣкнули, взяли бы на себя... Такой прекрасный человекъ.... Тяжело жить безъ друга!... *(плачетъ)* Тарасъ Ивановичъ! Такъ ужъ я буду стараться для Настеньки... Авось, услугу вамъ. Если увидитесь съ Лоліемъ Марковичемъ, поклонитесь ему отъ меня.

Тарасъ Ивановичъ.

Вѣкъ не забуду вашей дружбы, вѣдь я васъ иначе и не зову, какъ добродѣтель Ивановна.. *(встаетъ и одѣвается, чтобъ идти)* Какъ я у васъ засидѣлся!...

Марья Ивановна.

Куда же торопитесь. Хоть полчасака.

Тарасъ Ивановичъ.

Некогда, некогда, Марья Ивановна!

Марья Ивановна.

Не подойдетъ ли Лолій Марковичъ, мы бы посидѣли...

Тарасъ Ивановичъ.

Извините, право, тороплюсь.... Хотѣлъ, единственно, узнать о вашемъ здоровьѣ.... *(цѣлуя руки.)* Ужъ я надѣюсь!... Прощайте, Марья Ивановна.

Марья Ивановна *(проводя).*

Боже мой! Я что-то хотѣла сказать!...

Да!... Такъ ужъ не забудьте.... Посовѣтуйте Лолію Марковичу.... то, о чемъ мы говорили....

Тарасъ Ивановичъ *(въ сторону).*

Вотъ дѣло-то въ чемъ!... Гмъ!... *(вслушавъ.)* Непременно, употреблю все!...

Марья Ивановна.

И я для васъ все сдѣлаю! Желаю вамъ всякаго успѣха!... Прощайте, Тарасъ Ивановичъ!

Тарасъ Ивановичъ.

Прощайте, Марья Ивановна! *(Уходитъ.)*

Марья Ивановна *(въ окно).*

Прощайте, Тарасъ Ивановичъ!

Тарасъ Ивановичъ *(за кулисами).*

Прощайте, Марья Ивановна!

(Марья Ивановна, предъ открытымъ окномъ, прощается знаками, прись- даетъ, дѣлаетъ ручкой.)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ДВѢ НЕВѢСТЫ.

Театръ представляетъ гостиную въ домѣ Марья Ивановны. У задней стѣны диванъ, передъ нимъ круглый столъ, около котораго стоятъ полукругомъ кресла. У одной стѣны фортепьяно, у другой трюмо.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна сидитъ въ креслѣ, разодѣтая, подрумянена, въ огромномъ чепцѣ. Настенька, въ простомъ капотѣ, въ большомъ платкѣ, стоитъ на колымажѣ на маленькой скамейкѣ, голова ея въ папилюткахъ. Тарасъ Ивановичъ, тоже разодѣтый, около нихъ. Дуняша, сзади, простуживаетъ щипцы.

Настенька.

Ахъ, папаша, увѣрю васъ, что я и не думаю объ этомъ женихѣ.

Тарасъ Ивановичъ.

Ну, дура!

Настенька.

Вѣдь вы его и сами еще не видали? *(Марья Ивановна во все это время припекаетъ Настеньку папилютки щипцами; Дуняша простуживаетъ другіе щипцы.)*

Тарасъ Ивановичъ.

Не видалъ, не видалъ, да знаю!

НАСТЕНЬКА.

Какъ же можно, не выдавши... Что вы со мной дѣлаете?...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Полно пустяки-то молоть! Марья Ивановна, вы ей ужъ хоть при немъ не дайте говорить — осрамить!... (Марья Ивановна.) Въ чемъ онъ прѣхалъ, въ коляскѣ?...

НАСТЕНЬКА.

Ай, ай! обожгли, Марья Ивановна!

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ что же ты вертишься: эдакъ я и совсѣмъ припеку.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ворочается, сама не знаетъ чего!... Ты должна ручку цѣловать у нашей благодѣтельницы, сама и чѣмъ занимается... Марья Ивановна, я уже не знаю чѣмъ отблагодарить васъ.... Что?... Онъ съ вами говорил?... Спрашивалъ про когонибудь?... А хороша коляска?

НАСТЕНЬКА.

Больно, Марья Ивановна, потише! ...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да не ворчи, говорятъ!...

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну, совсѣмъ!... Покажись-ка!... Хорошо, Тарасъ Ивановичъ?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Благодарю!... экая.... (Настенька припадаетъ; онъ цѣлуетъ руку.) Мило! очень мило!

НАСТЕНЬКА.

Чтобъ онъ не испугался!

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что же онъ сталъ дѣлать, какъ прѣхалъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Прелестень, прелестень! Я никого лучше его не видала!... Чудо!...

НАСТЕНЬКА.

Папенька, Марья Ивановна за то его хвалить, что онъ богатъ.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Замолчи!

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Не правда, не правда! прелестень, потому что вѣжливъ.... Ахъ, какъ вѣжливъ: не торгуется за квартиру ни сколько, нанялъ цѣлый этажъ; видно, что изъ самаго лучшаго общества.... (Настенька съ улыбкою недовѣрчивости качаетъ головой.)

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

А какъ хорошъ собой! Не самаго большаго и не самаго маленькаго роста, черные глаза... весело ужъ и говорить-то про него.

НАСТЕНЬКА.

А какъ грустно слушать!...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, вотъ, подите съ ней!

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Хорошъ, ну.... точь въ точь какъ обыкновенно представляютъ любовниковъ на картинкахъ.... Говорить такъ приятно. Я говорю, позвольте просить васъ сдѣлать мнѣ честь чаю откушать. У меня, говорю, будутъ короткіе знакомые, Тарасъ Ивановичъ, говорю, съ дочерью, прекрасной музыкантшей....

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (перебивая).

Сказали, что музыкантша?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да, да! и Лолій Марковичъ Волчогъ, здѣшній помѣщикъ, а онъ такъ это учтиво поклонился, и говоритъ: очень-съ приятно, очень приятно!

НАСТЕНЬКА.

Да какая же я музыкантша, Марья Ивановна? Не грѣши ли вамъ? Знаю три кадрили, да четыре романса. Что же я заиграю:

«Я любилъ какъ можно только.»

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Не твое дѣло, сударыня! Затрещить, ничѣмъ не уймешь.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Нѣтъ, Настенька, это будетъ такой муженекъ, что всѣ позавидуютъ.

НАСТЕНЬКА.

Онъ вчера прѣѣхалъ, и вы такъ хорошо его узнали...

Но 1.

Чтобы узнать такъ надо срокъ.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Кто знали, тѣ о немъ писали...

НАСТЕНЬКА.

И описали комелекъ!

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Послушай, помолчать нельзя ли?

НАСТЕНЬКА.

Бываетъ съ золотомъ, порой,

Горячка въ этомъ окологкѣ.

(Указываетъ на голову.)

Все чувства сердца въ водяной,

А совѣсть съ честію въ чахоткѣ.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (Марья Ивановна).

Вотъ такъ-то мучусь съ нею вѣкъ:

Сболтнуть аза въ глаза не знаю.

НАСТЕНЬКА.

Мнѣ нуженъ, просто, человекъ,

А не статуя золотая!

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ахъ, дура, дура записная!

НАСТЕНЬКА.

Да я не про него говорю: я его не знаю! А можно ли судить о человекѣ по деньгамъ и по лицу. Вотъ если у него и душа такая, какъ вы выхваляете его наружность....

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ, поди же! Все у ней какая-то душа....

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Полно, Настенька, ступай одѣваться... Дуняша! Смотри же, по аккуратнѣе: я найду сама посмотреть.

НАСТЕНЬКА.

Пожалуйста, только не очень меня рьядите....

Но 2.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Чтобъ быть наряднѣй и милѣй,

Скажи, кто можетъ отказаться?

НАСТЕНЬКА.

Но я хотѣла бы скорѣй

Такою какъ я есть остаться.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Я показать хочу себя,

Что наряжаю дочь по модамъ.

НАСТЕНЬКА (уходя).

По этимъ модамъ выйду я,

Того смотри, уродь уродомъ!..

(Настенька и Дуняша уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ и МАРЬЯ ИВАНОВНА.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (оправляется предъ трюмо).

Увидите, какъ я вамъ ее наряжу: настоящую невѣстой....

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да ужъ что и говорить: стоитъ на васъ самихъ взглянуть. У кого столько вкуса и....

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

А Лолій Марковичъ будетъ непременно?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Непремѣнно, матушка! Какъ не быть.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ ужъ вы его примите, Тарасъ Ивановичъ. Займите его.... (лукаво.) Поговорите.... а мнѣ надо еще похлопотать... Что, это платье на мнѣ, кажется, не очень хорошо сидитъ?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ (осматривая).

Помилуйте, какъ же еще?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Или я очень пополнила?...

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Въ ваши средственные годы полнота даже уважительна....

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Или я не здорова.... кажется, я блѣдна что-то?

ТАРАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

Помилуйте, цвѣтъ лица разпрекрасный....

я васъ никогда лучше и свѣжее не видывалъ. (*Взглянувъ съ окно.*) Да вотъ мы, пожалуй, и Лолія Марковича возьмемъ въ свидѣтели....

Марья Ивановна (*взглянувъ тоже съ окно.*)

Ахъ, что вы это, Тарасъ Ивановичъ.... Такъ ужъ я надѣюсь, что вы займете ихъ.... А я пойду взглянуть на Настеньку.... вѣрите ли, по васъ-то и ее люблю какъ родную....

Тарасъ Ивановичъ (*цѣлуетъ руку и провожаетъ ее.*)

Матушка, Марья Ивановна, чѣмъ и за-служить не знаю.... (*Марья Ивановна уходитъ*). Что станешь дѣлать, будешь услуживать.... Охъ!...

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Тарасъ Ивановичъ и Волчокъ.

Тарасъ Ивановичъ.

А! Лоліи Марковичъ!

Волчокъ (*подходя*).

Мое почтеніе-съ, мое почтеніе-съ, Тарасъ Ивановичъ! Я слышалъ, слышалъ.... слышалъ, Тарасъ Ивановичъ, Тарасъ Ивановичъ, что къ вамъ гости.... къ вамъ, къ вамъ, къ вамъ, Лизавета Прокофьевна и съ мужемъ, съ мужемъ собираются.

Тарасъ Ивановичъ.

Напрасно прогуляются. Да кто вамъ сказывалъ?

Волчокъ.

А человекъ, человекъ ихъ, Михайло, Михайло.... встрѣтилъ я, я, я въ лавкѣ Чайникова, кислые щи, кислые щи беретъ!... А я заносилъ должокъ....

Тарасъ Ивановичъ.

Ахъ, Лоліи Марковичъ, я хочу васъ просить: не можете ли теперь мнѣ отдать хоть половину....

Волчокъ.

Тарасъ Ивановичъ, Богомъ, Богомъ, Богомъ клянусь, клянусь, ей Богу, ей Богу,

вѣрите честному, честному слову.... только, только и въ помышленіи, какъ бы вамъ заплатить, заплатить.... Потерпите хоть немножко, немножко.... Богомъ клянусь клянусь, пріятно быть должнымъ такимъ благороднымъ, такимъ, такимъ людямъ, какъ вы, какъ вы! Всякій день за васъ Бога молю, молю!.. Истинно говорю, говорю!... Вы не похожи, вы на этихъ, на этихъ.... Ну, ну, ну, да ужъ, да ужъ заплачу, тогда, тогда узнаетъ меня.

Тарасъ Ивановичъ.

А что такое?... Про кого это вы?

Волчокъ.

Да, какъ же, какъ же, сами посудите, посудите! Я долженъ Петру Герасимовичу три, три, три тысячи рублей, рублей, ну и онъ шутить когда встрѣтится, говорить, говорить: а здравствуйте три тысячи!... Вотъ точно такимъ манеромъ, ну, ну, и ничего, ничего: мнѣ, мнѣ пріятно, что такой, такой благородный человекъ шутить со мной, со мной! А Мордочкинъ тоже вздумалъ, вздумалъ; я не позволю! не позволю! Иду я, и онъ, и онъ тоже, тоже идетъ. Я, я и поклонился, шляпу, шляпу еще снялъ, какъ теперь помню, и кричу еще, кричу еще: Давыдъ Павловичъ! Вотъ точно такимъ манеромъ: «Давыдъ Павловичъ!» Какъ теперь помню, теперь помню, а онъ, а онъ: «Здорово, говорить, четыре цѣлковыхъ.» Точно такимъ манеромъ.... Такъ это обидно, обидно.... Онъ не Петръ Герасимовичъ.... Я не позволю, не позволю!... Сами, сами посудите!

Тарасъ Ивановичъ.

Вотъ то-то и есть; не хорошо, Лоліи Марковичъ!... вѣдь въ долгу, какъ въ шелку!

Волчокъ.

Что же, что же дѣлать, Тарасъ Ивановичъ! Видно предопредѣленіе такое, предопредѣленіе!

Тарасъ Ивановичъ.

Ну, хорошо, я, другой, третій тер-

пятъ, а вѣдь другіе-то подадутъ ко взысканію: послѣднее опишутъ.

Волчокъ.

Хоть въ тюрьму, въ тюрьму, самъ иди, пока не посадили. Что же, что же дѣлать, Тарасъ Ивановичъ! Знать опредѣленіе свыше, свыше!

Тарасъ Ивановичъ.

Платишь ли проценты хоть въ Опекунскій Совѣтъ?

Волчокъ.

Не плачу, не плачу!... А все родители виноваты, виноваты: могъ жениться, взять, взять съ состояніемъ, а они, они: женись, женись на Аннѣ Павловнѣ.... Вотъ, вотъ, вотъ... и, и... пошло не такъ, не такъ....

Но 3.

Женись по волю всехъ родныхъ,
Я чистъ душою передъ Богомъ,
И двадцать душъ ей родовыхъ
Принесъ души моей залогомъ.
Они теперь заложены,
Да что въ нихъ; ихъ и такъ не много,
И если будутъ проданы
Туда мнѣ и дорога!

А теперь, теперь.... Я одинъ одинъ....

Тарасъ Ивановичъ.

Ахъ, Лолій Марковичъ, съ твоимъ умомъ не найти, что дѣлать? Что ты это?... Ну, женись опять!...

Волчокъ.

Не будь долговъ, долговъ... за меня бы пошла, пошла одна дѣвушка... состояннице-то у ней не большое... а ужъ клянусь, клянусь истиннымъ Богомъ, не сталъ бы занимать, занимать....

Тарасъ Ивановичъ.

Знаю я про кого говоришь!... И, брось!... ея имѣнія и на уплату не хватить!...

Волчокъ.

Такъ что же дѣлать: на комъ, на комъ, Тарасъ Ивановичъ.

Тарасъ Ивановичъ.

Ну, хочешь, я тебя какъ разъ сосватаю. А ужъ все за тебя заплатитъ, хоть

поручиться готовъ: женись-ка на Марьѣ Ивановнѣ.

Волчокъ.

На Марьѣ, на Марьѣ Ивановнѣ?

Тарасъ Ивановичъ.

Конечно, она постарѣе тебя годовъ пятнадцать....

Волчокъ.

Это ничего, ничего.... Пятнадцать! Что пятнадцать?

Тарасъ Ивановичъ.

А я знаю: ты ей нравишься.

Волчокъ.

И я знаю: правлюсь, правлюсь!

Тарасъ Ивановичъ.

Такъ, что же? ась? Хуже будетъ если....

Волчокъ.

Если въ тюрьму посадятъ? То, то, то, то, не знаю, не знаю! Я и думаю гдѣ, гдѣ лучше? Въ тюрьмѣ, въ тюрьмѣ, или у нее? Расчитываешь такъ, такъ, такъ расчитываешь: въ тюрьмѣ можетъ подѣ манифестъ подойдешь, подойдешь.

Тарасъ Ивановичъ.

Что ты это? Не только въ тюрьму: и имѣнія опишутъ, такъ сраму сколько!... Право, любя тебя....

Волчокъ.

Чувствую, чувствую, ей Богу, чувствую всѣ ваши, ваши милости.

Тарасъ Ивановичъ *(лукаво)*.

Я, конечно, не стану тебя беспокоить, могу подождать.

Волчокъ.

То есть, истинно не знаю такихъ, такихъ благородныхъ людей, какъ вы, вы, вы. Извольте спросить, вездѣ вамъ, вамъ скажутъ, какъ я, какъ я, васъ почитаю за ваши добродѣтели.

Тарасъ Ивановичъ.

Спасибо, спасибо!... Ужъ мнѣ ли быть добродѣтельнымъ. Иногда и точно желаешь сдѣлать добро, ну, некогда! Чувствую, что великій грѣшникъ; какъ милосердый Т рець еще терпитъ меня за беззаконія.

Волчокъ.

Ну, вотъ, вотъ, вотъ; развѣ беззаконіе станетъ говорить такъ, такъ....

Тарасъ Ивановичъ (*перемѣняя тонъ*).

Ты не видалъ еще Хуторскаго?

Волчокъ.

Хуторскій?... Какой это, это.... это Хуторскій?

Тарасъ Ивановичъ.

Развѣ знаешь?

Волчокъ.

Да, я былъ, былъ долженъ одному Хуторскому.

Тарасъ Ивановичъ.

Бога ты не боишься: кому ты не долженъ?

Волчокъ.

Что же, что же дѣлать, Тарасъ Ивановичъ? Опредѣленіе, обстоятельства!

Тарасъ Ивановичъ (*таинственно*).

Знаешь, онъ нарочно пріѣхалъ видѣть мою Настю, какъ же!

Волчокъ.

Не ужели-съ?...

Тарасъ Ивановичъ.

Только, пожалуйста, никому не говори. Я надѣюсь?..

Волчокъ.

Помилуйте, помилуйте, могу ли? Не приказываете, такъ, такъ могу ли? Смѣю ли, смѣю ли! И живу только, только для васъ, смѣю ли? Дождаться бы свадьбы Настасьи Тарасевны, да уплатить вамъ долгъ, а тамъ, тамъ хоть и въ могилу, истиннымъ Богомъ говорю!

Тарасъ Ивановичъ.

И, полно о долгахъ... не беспокойся! Послушай, Лолій Марковичъ, только я увѣренъ, что это между нами, Настенька останется гостить у Марьи Ивановны; ну, она иногда занята, да и мужчины между собою откровеннѣе....

Волчокъ.

Понимаю, понимаю! Всякій день съ утра буду являться... являться. Кажется

радъ, радъ, радъ и въ мысли, въ мысли его влѣзть, чтобы васъ успокоить.

Тарасъ Ивановичъ.

А тамъ и самъ! Что думать-то? Вѣдь мнѣ за тебя стыдно: ты знаешь, я люблю тебя...

Волчокъ.

Если, если, вамъ угодно, угодно, готовъ! Оно конечно, конечно — лучше бы кабы, кабы можно... да знать, знать, знать ужъ мое опредѣленіе

Тарасъ Ивановичъ.

И вѣрное счастье!... Скорѣй усомнюсь въ Настенькиномъ счастьи. Конечно: женитьба—лоттерея! Изъ ста человѣкъ девятисто девяти не узнаешь послѣ вѣнца.

Н. 4.

Тотъ былъ богатъ, пошелъ съ сумою,

Тотъ бѣденъ былъ, разбогатѣлъ;

Иной умнѣе сталъ съ женою...

Волчокъ.

А тотъ ужасно поглупѣлъ!

Тарасъ Ивановичъ.

Другой шалуиъ остепенился,

Другой за шалости взялся;

Тотъ чрезъ жену друзей лишился...

Волчокъ.

А тотъ друзьями завелся!

Тарасъ Ивановичъ.

Съ женою тотъ по службѣ сбился,

Тому обиліе награды;

Тотъ жизнь узналъ когда женился..

Волчокъ.

А тотъ повѣсится бы радъ!

Тарасъ Ивановичъ.

О ней скажу же, безъ пристрастья,

Добра и сколько есть добра!

Ты не жену возьмешь, а счастье.

Волчокъ (*колически*).

Убью, бобра! убью... бобра!

Тарасъ Ивановичъ.

А ужъ только женись, всѣ эти молодчики, что надъ тобою-то тѣшатся — поклонятся, да еще какъ? (*Уходя*). Умница, умница, Лолій Марковичъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Волчокъ (одинъ).

А, что, что, что ты думаешь? А? А?
Да для того, для того — такъ, такъ по-
стой же — для того только, чтобъ Мор-
дочкинъ, Мордочкинъ шанку мнѣ ломалъ,
ломалъ первый, первый — готовъ женить-
ся!...

N. 5.

Чтобъ только не сойти съ ума —

А умъ, по мнѣ, всего дороже —

Жена-старуха и тюрьма,

Да чуть ли не одно и тоже!

Нѣтъ, правда, разность тутъ пидна,

И если ждуть съ судьбою ссоры:

Пускай ужъ лучше съѣсть жена,

Чѣмъ сложаютъ волки-кредиторы!

Ну, вотъ она, она!... Боже, Боже,
Боже мой!... Кромѣ меня, меня — исти-
нымъ Богомъ, говорю, говорю, никто
не согласится... никто... и я, и я, ста-
ну въичаться замурысь... замурысь....
вотъ точно такимъ манеромъ, вотъ за-
мурысь....

ЯВЛЕНІЕ V.

Волчокъ, Марья Ивановна сконфу-
женная. Тарасъ Ивановичъ, обо-
дряетъ ее).

Тарасъ Ивановичъ (тихо
Марья Ивановнѣ).

По уши, матушка, по уши... Я васъ
оставлю. (Хочетъ что-то сказать Волч-
ку, не находится. Улыбается, жметъ
ему руку и уходитъ).

Марья Ивановна (съ любез-
ностію).

Здоровы ли вы, Лолій Марковичъ?

Волчокъ.

По, по немногу; слава Богу-съ! Какъ
вы, какъ вы.... какъ вы въ своемъ здо-
ровьѣ?....

Марья Ивановна.

Насморкъ сдѣлался вчера вечеромъ!

Волчокъ.

Я очень, очень сожалею!

Марья Ивановна.

Садитесь, прошу покорно!

Волчокъ.

Благодарю, благодарю покорно-съ!...

Марья Ивановна.

Не мудрено: говорятъ, въ цѣломъ го-
родѣ эта болѣзнь.... погода стоитъ такая
непостоянная.

Волчокъ.

Да-съ, точно, точно.

Марья Ивановна.

Что сегодня, какъ?

Волчокъ.

Ничего-съ, сегодня, ничего!...

Марья Ивановна.

Съ утра было, кажется, такъ сѣро.

Волчокъ.

Теперь прочистилось!.... Надо думать,
что вечеръ, вечеръ будетъ хорошъ: въ-
теръ съ этой стороны, тучи, тучи идутъ
туда!

Марья Ивановна.

Вчера былъ какой прекрасный вечеръ!

Волчокъ.

А ночью, ночью громъ былъ!

Марья Ивановна.

Неужели былъ громъ?... Скажите, я
и не слыхала....

Волчокъ (въ сторону).

Гдѣ ее разбудить, разбудить громомъ!...
(вслухъ) Какъ же, былъ громъ, былъ!...

Марья Ивановна.

Въ особенности, теперь неприятно
дурное время: сънокось! Хозяева доро-
жатъ каждою минутой.... Какъ у васъ
хлѣба, Лолій Марковичъ, въ вашемъ мѣ-
нѣнѣ?

Волчокъ.

Плохи, плохи, Марья Ивановна! Рожь
вымерзла, должно быть.... и соломы ка-
жется не будетъ! Неприятно, неприятно!

Марья Ивановна.

А овсы, хороши?

Волчокъ.

Овсы порядочны, порядочны....

Марья Ивановна.

Вы любите заниматься хозяйствомъ?

Волчокъ,

Да не стоитъ, не стоитъ, Марья Ивановна! Нечѣмъ заниматься!...

Марья Ивановна.

Что же вы дѣлаете въ деревнѣ?

Волчокъ.

А вотъ, вотъ, я такъ примѣрно раздѣлилъ день на четыре, на четыре части: завтракъ, обѣдъ, чай и ужинъ. И называю день періодомъ, называю вотъ точно такимъ манеромъ: завтракъ, это запятая; обѣдъ, обѣдъ двоеточіе; чай точка, точка съ запятой, а ужинъ точка.... точка, конецъ періода... Встану утромъ, напьюсь чаю, чаю.... Ну, поговорю съ скворцемъ: у меня скворецъ, отлично, отлично говоритъ и поетъ: я самъ учу, самъ, такой органчикъ досталъ, досталъ нарочно. Позавтракаю, пройду въ городъ или, или къ Прасковьи Андреевнѣ; у нихъ пообѣдаю, напьюсь чаю у нихъ и поужинаю, у нихъ, да и домой... Двѣ версты ничего не значать.... Скворинька ужъ спитъ. Ну, поучу собаку скакать черезъ палку.... лягавая отличная.... Староста прійдетъ, ну да ужъ тутъ когда же, когда же?... Спать надо.

Марья Ивановна (помолчавъ).

Такое время: только и слышишь вездѣ одно неприятное. (Конфузясь) Ахъ, Лолій Марковичъ!... Я желала поговорить съ вами откровенно... Тарасъ Ивановичъ сказывалъ мнѣ....

Волчокъ (въ сторону).

Ну, подѣзжаетъ, подѣзжаетъ....

Марья Ивановна.

Меня это такъ удивило... Я не знаю...

думаю: почему же Лолію Марковичу самому....

Волчокъ (потерявшись, въ сторону).

Ну, ну, ну!... Что будетъ, то будетъ!.. Спредѣленіе!... (вслушъ) Марья Ивановна... я не знаю, о чемъ вы изволите...

Марья Ивановна.

Мнѣ такъ сказывали... а я не знаю...

Волчокъ (въ сторону).

Языкъ не ворочается....

Марья Ивановна.

Вы такъ нерѣшительны.... Но будьте увѣрены.... ваши намѣренія... Если вы только пожелаете....

Волчокъ (совсѣмъ растерялся).

Попалъ, попалъ въ петлю!

Дуняша (вбѣгаетъ).

Александръ Васильевичъ сейчасъ идутъ!..

Марья Ивановна (вскочивъ).

Чай неси, Дуняша! (бѣжитъ къ дверямъ.) Тарасъ Ивановичъ, пожалуйста. Идетъ, идетъ!... (оправляется передъ зеркаломъ.)

Волчокъ (тоже охорашиваясь).

Ужъ про него не скажу, не скажу: не во время гость хуже Татарина!...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Настенька и Тарасъ Ивановичъ.

Настенька (плача).

Спросите, кого угодно, папаша, на кого я похожа въ этихъ букляхъ?...

Тарасъ Ивановичъ.

Ступай, ступай!... Нѣтъ еще, Марья Ивановна?

Марья Ивановна.

Сейчасъ будетъ!... Садитесь, Тарасъ Ивановичъ, на диванъ! Сдѣлайте милость! (сажаетъ его.) Лолій Марковичъ!... Сюда, сдѣлайте милость... (Сажаетъ его на кресла, сама садится съ другой сто-

роны.) Настя! А ты намъ сыграешь, или споешь, мой дружочекъ!

Настенька (плача).

Что мнѣ, срамится, что ли?

Тарасъ Ивановичъ.

Садись къ фортепіанамъ!

Настенька (невольно подходитъ къ фортепіанамъ, и садится).

У меня силъ не станетъ сыграть.

Тарасъ Ивановичъ.

Пустяки, пустяки.... Изволь сейчасъ.... (Настенька сидитъ и не знаетъ что дѣлать.) Играй сейчасъ!

Марья Ивановна.

Да она будетъ, я знаю; она у васъ умница!... Настенька, душенька, какъ же ты не хочешь сдѣлать намъ всѣмъ удовольствіе.

Настенька (начинаетъ играть кадрили. Фальшивитъ на каждой нотѣ и вдругъ останавливается).

Ну, я и забыла!... Ахъ, Боже мой, Боже мой!...

Тарасъ Ивановичъ.

Не дура ли? (Настенька начинаетъ снова и также останавливается, начинаетъ другой, и то же.) Вѣдь говорилъ протверди! Что ты дѣлала?

Настенька.

Да и фортепіано-то, слышите, какъ разстроено.... воть пять косточекъ только стучать.... (показываетъ съ сердцемъ.)

Тарасъ Ивановичъ.

Такъ тебѣ хочется и достальные доколотить.... Пой, что вчера пѣла....

Настенька.

Нѣтъ ужъ пѣть ни за что не стану...

Дуняша (отворяя дверь).

Марья Ивановна! Александръ Васильевичъ!...

Тарасъ Ивановичъ (шопотомъ, сердито).

Настенька!

Настенька (удерживаясь отъ слезъ, начинаетъ играть, и поетъ фальшиво).

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ;
Не входи, родная,
Попусту въ изъяснъ!
Рано мою косынку,
На двѣ расплетать;
Прикажи мнѣ русую
Въ ленты убирать!...

(Въ это время входитъ Хуторскій, раскланивается дамамъ. Всѣ встаютъ и кланяются. Тарасъ Ивановичъ важно приподнимается съ дивана. Волчокъ, неловко зацѣпляясь, стучитъ кресломъ. У Настеньки прерывается голосъ, едва слышны слова. Дуняша несетъ на подносѣ чай).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ЧЕСТЬ ИМЬЮ ПОЗДРАВИТЬ!

Театръ представляет сѣбѣ. На первомъ планѣ съ лѣвой стороны отъ актеровъ, задній фасадъ дома Мар. Ив., съ слуховымъ окномъ чердака. Несколько стѣблѣвыхъ кустовъ разбросано по саду; на правой сторонѣ кустъ розъ и возлѣ него деревянная скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Волчокъ въ раздумьѣ ходитъ по саду, напѣвая про себя: «Во саду ли въ огородѣ.» Дуняша развѣшиваетъ бѣлье.)

Дуняша.

Позвольте васъ спросить, Лолій Марковичъ, правда ли, батюшка, что изволите жениться на Марьѣ Ивановнѣ?

Волчокъ.

А кто, кто тебѣ сказывалъ? Ась? ась?... Нѣшто говорить, говорить?

Дуняша.

Ну, да какъ же-съ!... Давно поговариваютъ.

Волчокъ.

Я еще думаю, думаю!... (ходитъ напѣвая.) Должно быть, что женюсь, ты не рассказывай покуда: зачѣмъ, зачѣмъ! Не надо рассказывать.

Дуняша.

Наше дѣло людское, какъ мы можемъ судить о барахъ.

Волчокъ.

Оно конечно, для чего не жениться, когда, когда ужъ такъ пришлось.... Женитесь оно выходитъ, выходитъ, не то что страшно, а какъ бы тебѣ сказать.... то есть....

Дуняша.

Да отчего же-съ страшно: Марья Ивановна такая у насъ....

Волчокъ.

Съ характеромъ.

Дуняша.

Такая добрая, милостивая...

Волчокъ.

Только говорить, говорить все съ жѣстами.... Съ ней всегда надо говорить издалека.

Дуняша.

Конечно, подъ часъ и прогнѣвается.

Марья Ивановна (показываетъ въ слуховомъ окнѣ въ очкахъ, съ чулкомъ; изъ окна).

Дуняша! Дуняшенька!... А, Дуня! Не видала ли Лолія Марковича?

Дуняша.

Здѣсь, сударыня!

Марья Ивановна.

Гдѣ здѣсь?

Волчокъ.

Здѣсь, Марья Ивановна! (съ стороны.) Не дасть отдохнуть?

Марья Ивановна.

Что же вы тамъ одни? Пожалуйте сюда: Настенька сейчасъ выйдетъ въ садъ; Хуторскій навѣрно нынче сдѣластъ предложеніе: надо послушать, а мнѣ некогда, ужъ посидите.

(Дуняша въ это время развѣсила бѣлье и вошла въ домъ.)

Волчокъ (уходя).

Опять на чердакъ, въ караулъ! Что дѣлать, предопредѣленіе! Марья Ивановна, я и такъ, и такъ часа по три всякій, всякій день сижу; хорошо какъ заснешь, а то вѣдь одурь, одурь возьметъ.

Марья Ивановна.

Заснешь! Стало вы совсѣмъ безчувственны.... можно ли заснуть, когда видишь два нѣжно любящія сердца.... Ахъ, вы никогда не любили, Лолій Марковичъ; вы не знаете, какія это чувства.... Если бы вы могли раздѣлить.... Если бы поняли.... Если бы.... Ахъ, я не могу говорить.... Это надо чувствовать.... Его нѣтъ въ саду?

Волчокъ (въ окнѣ).

Не видать-сь, не видать-сь! (увидя) Въ саду, въ саду! (смотритъ изъ окна.)

Марья Ивановна.

Такъ я сейчасъ вышлю Настеньку.

(Скрывается изъ окна.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Хуторскій, *входитъ читая книгу*, Волчокъ *въ окнѣ*.

Хуторскій.

Я скоро потеряю терпѣніе!... Третій разъ начинаю читать одну и ту же страницу, и ничего не помню! Неужели все это она!...

Волчокъ (про себя въ окнѣ).

Дай, дай Богъ! Она, она такая прекрасная, добрая.... добрая!...

Хуторскій.

Впрочемъ, это натурально: я привыкъ всякій день проводить съ нею время.... Однако, мнѣ тяжело, грустно безъ нее!..

Волчокъ (также).

Ужъ скорѣе, скорѣе бы!... Истиннымъ Богомъ, онъ третій день говоритъ точно такимъ манеромъ.

Хуторскій.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе покоя и уединенія?... Дальше моря — меньше горя, говорятъ люди, и они правы! Да! деревня, книги и добрая подруга.... Что замѣнитъ вашу прелесть?

Волчокъ (также).

Ничто, ничто! можетъ и мнѣ помогутъ, одолжатъ, одолжатъ заммообразно.

Хуторскій.

И въ провинціи дѣвушка, право, милѣе: откровенность, простота, дѣтское сердце.... Напримѣръ, Настенька: это прелестный цвѣтокъ не на своей почвѣ: годъ жизни въ хорошемъ обществѣ, и она будетъ его украшеніемъ.... (Ищетъ въ книгѣ). Гдѣ я остановился?... (Осматривается идя бы спсть). Здѣсь солнце!... Въ кусты? Боюсь, не проглядѣтъ бы ее?... Да, нѣтъ, услышу! (Ложится въ кустахъ такъ, что зрители его видятъ, и читаетъ. Волчокъ, дремлетъ въ окнѣ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Настенька (*въ простомъ платьѣ выходитъ изъ дома съ лейкою, и подходитъ къ розовому кусту*).

Настенька.

Но 6.

Какъ розой садъ весь оживался
Здѣсь мой родимый уголокъ!
Вотъ и красавчикъ распустился
Его замѣченный шипокъ!
А то мнѣ ночью вдругъ приснилось,
Что будто ихъ свесло грозой:
Ужасно сердце какъ забилось....
И я проснулась съ слезой!

И здѣсь сколько распустилось: разъ, два, три, четыре.... Здравствуйте, мои красавицы.... Гдѣ же мой шипокъ? (Съ досадой). Вѣрно Марья Ивановна.... Она всякій день срываетъ для Лоліа Марковича.... (Ставитъ лейку). Мнѣ такъ жал каждую изъ нихъ:

№ 7.

Мы здесь так часто говоримъ;
 Мы какъ родилъ эти розы:
 Я доверяю только имъ
 И чувства радости, и слезы.
 Я съ ними вместе стала жить,
 И вѣрно розы понимаютъ,
 Что мнѣ нельзя ихъ не любить:
 Онъ его напоминаютъ!

(Настенька садится на скамью и задумывается; Хуторскій выходитъ изъ за кустовъ, приближается къ ней и такъ засматривается, что рохнетъ книгу, Настенька вздрагиваетъ).

Хуторскій.

Я васъ испугалъ?

Настенька (встаетъ смъшавшись).

Да-съ.... Вы меня очень испугали.... Я совсѣмъ не ожидала.... думала, что я одна въ саду....

Хуторскій.

И вы давно въ саду?

Настенька.

Я ужъ полила цвѣты.

Хуторскій.

Неужели, я такъ зачитался?

Настенька (подбывая къ кусту).

Ахъ, Александръ Васильевичъ, вашъ щипокъ распустился.... Посмотрите.... какой миленькій! А мой кто-то сорвалъ: это дурная примѣта....

Хуторскій.

Какъ вамъ не стыдно, полноте! А знаете, я собираюсь сдѣлать вамъ выговоръ.

Настенька (простодушно).

За что?

Хуторскій.

Вы неглижируете музыкой: съ тѣхъ поръ какъ вы здѣсь, я не слышу, чтобы вы играли.

Настенька.

За что вы надо мной смѣетесь? Грѣшно вамъ! Я не виновата, что такъ дурно играю.

Хуторскій.

Кто? я смѣюсь?

Настенька.

Да какъ-же? Цѣлую недѣлю молчали, а теперь вспомнили: вѣрно не безъ намѣренія.

Хуторскій.

Я себѣ никогда не прощу, что могъ неумышленно оскорбить васъ. Простите меня, я виновата!

Настенька.

О нѣтъ, я вижу, что я виновата: я не такъ поняла.... Я знаю, что вы точно такой добрый, какъ мнѣ показались.... Если бъ вы знали, что я тогда вытерпѣла?...

Хуторскій.

Будьте увѣрены, я это тогда же понималъ.

№ 8.

Настенька.

Нѣтъ, вы не можете понять;
 А мнѣ была такая мука....

Хуторскій.

Я васъ не думалъ оскорблять,
 И въ этомъ честь мой порука!
 Не вспомню больше никогда.

Настенька.

Не вспоминайте я исправлюсь....

(Наивно).

Ужъ какъ боллала я тогда,
 Что вамъ, пожалуй, не поправлюсь!

Хуторскій (сконфузясь).

Помилуйте!...

Настенька.

Вы никого не видали изъ нашихъ дѣвицъ, и пожалуй, стали бы судить обо всѣхъ по мнѣ.

Хуторскій.

Судить по васъ! какая же рекомендація лучше?

НАСТЕНЬКА (приспдая).

Покорно васъ благодарю.... Только вы этого никогда не говорите. Лучше относитесь обо всѣхъ худо, но со мною не сравнивайте: здѣсь всѣ меня не любятъ, и знаете какъ называютъ? Дурочкой.... (Улыбаясь). Да, да, да, дурочкой!

ХУТОРСКІЙ.

Кто же эти люди?

НАСТЕНЬКА.

Я не люблю судить другихъ, Богъ съ нами! А вамъ не могу не сказать.... Впрочемъ, они, по своему, правы.

№ 9.

И гордость совѣсь не понимаю,
Пересуждать не смѣю и другихъ,
Но золоту людей не уважаю,
И всѣхъ люблю какъ будто бы родныхъ.
Обидитъ кто—я повинтъ зла не въ силахъ;
Но обвиню еще скорѣй себя,
И не ропщу на тѣхъ ужъ кто въ могилахъ;
Судите же: не дурочка ли я?

Не рождена съ зачатливой душою,
Но если Богъ поможетъ одному
Спасти кого, пожертвовать собою,
Я, признаюсь, завидую тому;
И если бѣдъ и горестей дорога
Пазначена въ семь мѣртъ для меня:
Я все любить и помнить буду Бога;
Судите же: не дурочка ли я?

ХУТОРСКІЙ (въ восторгѣ).

Вы чистый ангель!

НАСТЕНЬКА.

Ахъ, что вы, что вы? Не назовите меня, пожалуйста, хвастульей... а я, право, такъ думаю.... Здѣсь же, у насъ, все это глупо и странно.

ХУТОРСКІЙ.

Каждое ваше слово очищаетъ душу.

НАСТЕНЬКА.

Ну, вотъ, вы ужъ и захвалите.... (Желая перемѣнить разговоръ). Да! что же, Александръ Васильевичъ! Пойдете вы съ нами на бульваръ?

ХУТОРСКІЙ.

Признаюсь вамъ.... Вы меня извините.... а мнѣ бы....

НАСТЕНЬКА.

Вы вчера обѣщали.

ХУТОРСКІЙ.

Точно, и долженъ исполнить; но если можно.... позвольте мнѣ остаться.

НАСТЕНЬКА.

Я замѣтила, вы любите уединеніе: не помѣшала ли я вамъ?

ХУТОРСКІЙ.

Какъ вамъ не грѣшно? Вотъ вы меня оскорбляете.

НАСТЕНЬКА.

Простите меня.... я не знаю сама, что говорю.... Да вы не дали ли какого обѣщанія нигуда не выходить?

ХУТОРСКІЙ.

О, нѣтъ; но для меня въ этомъ саду гораздо пріятнѣе... Къ тому же, я не совсемъ здоровъ.

НАСТЕНЬКА.

Ахъ, Боже мой!... Въ самомъ дѣлѣ, вы поблѣднѣли!... Ахъ, Александръ Васильевичъ, что съ вами?...

ХУТОРСКІЙ (садясь на скамью).

Извините меня.... вѣрно я, какъ ни будь, простудился: ужасно горитъ голова....

НАСТЕНЬКА (невольна кладетъ ему руку на голову).

Какой у васъ жаръ!... Вы должны быть очень нездоровы.... (Хуторскій отъ этого движенія растерялся).

НАСТЕНЬКА.

Не пугайте меня, скажите: вѣрно вамъ еще стало хуже?

ХУТОРСКІЙ (стараясь казаться спокойнымъ).

Ничего, это пройдетъ.... Сдѣлайте милость, не беспокойтесь!... (Въ сторону).

Я съ ума сойду!... (Вслухъ). Я думаю, вамъ пора на гулянье?

НАСТЕНЬКА (наивно).

На гулянье? Вы не здоровы, а я пойду веселиться?... Нѣтъ, ни за что на свѣтъ: я тамъ все буду думать о васъ: не случилось ли чего съ вами... я бы не стояла вашей дружбы... У меня не такое злое сердце.

ХУТОРСКІЙ (въ восторгъ).

Не во снѣ ли я!... Вы ли это говорите?... (Въ сторону.)

Но 10.

Что слышу я, но верить все не смѣю...

(взглянувъ на нее.)

Но почему жь, она теперь въ слезахъ! Спросить боюсь... невольно я робью. Хотя отвѣтъ готовъ въ ся глазахъ!

(вслухъ, съ робостію.)

Скажите мнѣ: ошутанъ я мечтами, Или и впрямь счастливецъ на землѣ? Скажите мнѣ... ужъ ли любима я вамъ?

НАСТЕНЬКА (сквозь слезы).

И вы давно замѣтить не могли! (Какъ бы опомнясь.) Боже мой! Что я надѣлала. (Не можетъ на него смотрѣть.)

ХУТОРСКІЙ (беретъ ея обѣ руки и цѣлуетъ).

Вы изрѣкли мое счастье... другъ мой!... Прелестъ, любовь моя! (Настенька испуганная хочетъ освободиться, Хуторскій ее удерживаетъ.) Одно слово, одно слово: хотите ли вы быть моею!... эта минута разгадала мое сердце, пускай она и рѣшитъ судьбу его.

НАСТЕНЬКА (потерявшись).

Позвольте, оставьте меня... Ахъ, оставьте!... (Бѣжитъ въ розовый кустъ и щиплетъ листь.)

ХУТОРСКІЙ (голосомъ грусти).

Такъ я ошибся!... жестоко ошибся! (Настенька молча составляетъ букетъ.)

Сейчасъ, когда я былъ счастливъ, я не чувствовалъ своей боли...

НАСТЕНЬКА (улыбаясь это, подходитъ).

Простите, что я надѣлала вамъ столько безпокойства. Право, я такъ тогда испугалась... Научите, что мнѣ вамъ сказать, чтобъ вы были счастливы?

ХУТОРСКІЙ.

Скажите только, что это была не мечта, не сонъ!... Что я назову васъ своимъ другомъ... Если только вашъ батюшка будетъ согласенъ...

НАСТЕНЬКА (не можетъ скрыть своей радости, въ одно время смѣется и плачетъ).

Александръ Васильевичъ... я не... стою... такого... счастья... я не... смѣю... и думать...

ХУТОРСКІЙ (цѣлуя ея руку).

Другъ мой!... буду ли я умѣть оцѣнить васъ... (Въ это время Марья Ивановна подошла къ окну и будитъ Лолію Марковича.)

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Лолію Марковичъ! Что вы заснули?... Какъ не стыдно, не видите развѣ? Ахъ, Господи!... (вбѣгаетъ на сцену.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, МАРЬЯ ИВАНОВНА, Волчокъ зѣбаетъ въ окнѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (тономъ матери).

Настасья Тарасьевна, что это вы? Опомнитесь! Что это?

НАСТЕНЬКА (наивно).

А то, что мы любимъ другъ друга, и что я буду его жена!

Марья Ивановна (*перемѣна тона*).

А! это другое дѣло! Я всегда была увѣрена, что Александръ Васильевичъ не употребить во зло неопытность дѣвушки.... Извините, что я приняла это за нескромность.... (*Хуторскому*.) Какъ же вы думаете назначить свадьбу? Я увѣрена, что вы наймете для свадьбы мой домъ, я весь очиню.

Хуторскій.

Если я буду такъ счастливъ, что получу согласіе ихъ батюшки, это будетъ зависѣть совершенно отъ нихъ!

Марья Ивановна.

На счетъ согласія Тараса Ивановича, ха, ха, ха!...

Настенька (*желая ее остановить, въ сторону*).

Она меня убьетъ, если чтонибудь скажетъ.... (*вслухъ*.) Марья Ивановна! Вашъ котенокъ перелезъ черезъ заборъ на улицу....

Марья Ивановна (*бросаясь въ калитку*).

Куда, куда, куда? Гдѣ... ахъ онъ воръ! такой воръ! (*Уходитъ*.)

Настенька (*въ сторону*).

Чуть было я не сгорѣла... Ахъ, скоро ли будетъ папенька!

Хуторскій (*смотря на часы*).

Первый часъ! Что мнѣ дѣлать? Мы должны разстаться.... (*Настенька смотритъ на него съ удивленіемъ. Хуторскій замѣтивъ это*.) На полчаса.... Я долженъ кончить одно важное дѣло.... вы мнѣ позволите?

Настенька (*грустно*).

Да, но только не больше....

Но 11.

На полчаса.... но все ужасно, еще просрочите, божь....

Хуторскій (*шутя*).

Что жъ будетъ?

Настенька (*тоже*).

Что? Ну, вотъ прескрасно! Пожалуй я и побранюсь!

Хуторскій,

Такъ васъ мнѣ надобно бояться!

Настенька.

Черезъ полчаса...

Хуторскій.

Сюда, сюда!...

Чтобъ никогда не разлучаться,

Настенька (*грозя ему съ улыбкой*).

Прошу припомнить: никогда!

Хуторскій.

Никогда, никогда!.. (*шутя*.) А можетъ быть вѣдь и придется?...

Настенька.

А зачѣмъ же вы говорили? Нѣтъ, ужъ нѣтъ, нѣтъ!.. (*Хуторскій уходитъ прощается нѣсколько разъ знаками*.) Ахъ, Боже мой! За что я такъ счастлива! (*Увидя Марью Ивановну, бѣжитъ къ ней и бросается на шею*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Настенька, Марья Ивановна, Волчокъ, выходитъ заспанный, потомъ

Тарасъ Ивановичъ.

Марья Ивановна.

Я вѣдь не нашла котенка....

Настенька.

Марья Ивановна, голу... (*Увидя отца бросается къ нему; Волчокъ не можетъ еще понять*.) Папенька! душечка! папаша! Если бы вы знали, какъ я счастлива!

Тарасъ Ивановичъ (*отталкиваетъ Настеньку и*

говоритъ грубо).

Полно, полно вѣшаться на шею! Отвернись-ка, да поѣдемъ домой!

Марья Ивановна.

Тарасъ Ивановичъ! Что вы? Какъ теперь можно?

Тарасъ Ивановичъ (*не слушала ее*).

Некогда мнѣ толковать! Я велю ей одѣваться и ѣхать. Кажется она должна дѣлать, что я приказываю...

Волчокъ (*въ сторону, звая*).

Что? Что такое, такое?

Марья Ивановна.

Вы вѣрно не знаете: Хуторскій совѣмъ ужъ посватался и ждетъ вашего согласія.

Тарасъ Ивановичъ.

Посватался? Да съ чего онъ взялъ?... Экая невидаль! Съ чего взялъ? Пусть убирается свататься куда угодно. (*Часть*.) Надѣвай, надѣвай шляку.

(*Настенька бросается на скамью и плачетъ*).

Марья Ивановна.

Тарасъ Ивановичъ! я ума не приложу.... Вы сами желали, а теперь... Отказать такому жениху: молодъ, хорошъ, богатъ....

Тарасъ Ивановичъ.

Богатъ! богатъ? Да что, вы считали его богатство? Ну, Марья Ивановна, отъ васъ я никакъ не ожидалъ.

Марья Ивановна.

Да что такое?... Хоть не кричите, Тарасъ Ивановичъ.

Тарасъ Ивановичъ.

Да, сударыня, вамъ хотѣлось сыграть со мною шутку, да не удастся, нѣтъ! (*Настенькѣ*.) Что ты тамъ хнычешь? Надѣвай шляпку, говорить. Обмануть отца... искать погубели.

Марья Ивановна (*выходя изъ себя*).

Ужъ не я хотѣла погубить васъ?... Вы съ ума сошли! Лолій Марковичъ, вы здѣсь были все это время, что же вы молчите? Вы слышите, меня чуть не ругаютъ!

Волчокъ (*хладнокровно*).

Я сторона, сторона, Марья Ивановна.... (*въ сторону*.) Двѣ собаки грызутся, чужая, чужая не приставай!...

Тарасъ Ивановичъ.

Онъ у васъ три недѣли живетъ, какъ вамъ было не узнать. Процессъ его давнымъ давно проигранъ.... Дядю парализъ не разбивалъ; Кукушкины сами не знали, что писали, душъ у него ни какихъ нѣтъ. Онъ у васъ три недѣли живетъ, какъ вамъ было не узнать?

Марья Ивановна.

Я знаю, что это такое! У меня цѣлую недѣлю живетъ ваша дочка.... я задаю обѣды, нанимаю отвозить къ вамъ письма.... хочется вывести ссору, чтобъ не пришлось заплатить.... А ужъ молчать не стану: буду рассказывать встрѣчному переречному, какъ вы со мною поступили.

Тарасъ Ивановичъ.

Я самъ всему городу расскажу про васъ, Марья Ивановна!... Взять къ себѣ молоденькую дѣвочку и ничего не сморѣть.... До чего вы ее довели?... Въ васъ стыда нѣтъ!

Марья Ивановна.

Не у васъ ли занять!... Какъ же редную дочь вѣшать на шею первому встрѣчному... Очернить себя никому не позволю....

Тарасъ Ивановичъ (*горячась, машетъ ужасно руками*).

Я вамъ поручилъ дочь, а вы что надѣлали? У васъ просто развратъ въ домѣ!... Стерплю ли я это.... Ноги моей здѣсь не будетъ... Что я нуждаюсь, что ли! Я найду людей!

Марья Ивановна (*тоже неуступаетъ*).

День и ночь глазъ не смыкала!... Что? У меня развратъ? У меня?... Тарасъ Ивановичъ... прошу васъ!... Я не позволю... Вы наносите безчестіе моему дому... Но-

ги не будетъ?... Клянутся не стану!... Не стану, не стану клянуться!.. Клянутся не стану!... Ищите! Не стану, не стану клянуться... Не стану!

Тарасъ Ивановичъ (*видя, что не перекричитъ Марью Ивановну, принимаетъ хладнокровный видъ и садится подлѣ Насти, стараясь говорить хладнокровно*).

Последнее слово, Марья Ивановна. Вы знали, что онъ совсѣмъ не богатъ, вы это знали?

Марья Ивановна (*тоже хладнокровно*).

Тарасъ Ивановичъ, я дворянка, я благородная! Честью шутить не стану... Какъ благородная дворянка говорю и божусь, что ничего не знала.

Настенька (*утирая слезы*).

Папенька! Вы сами ошиблись!... Вѣдь онъ не подъ чужимъ именемъ пріѣхалъ, а вы же называли и говорили про Хуторскаго. Чѣмъ онъ виноватъ?

Тарасъ Ивановичъ.

А тѣмъ, что ты дура!

Настенька (*плача*).

За что вы насъ обоихъ погубите!

Марья Ивановна.

Предложеніе его было здѣсь скромно и благоразумно... Вамъ, Тарасъ Ивановичъ, хотѣлось зятя Хуторскаго. Ну, онъ и есть Хуторскій.

Тарасъ Ивановичъ (*выйдя изъ себя*).

Да будь онъ хоть дьяволъ, если вамъ надо!... Знаю только, что у него такого состоянія нѣтъ, и вы это знали, знали, знали, знали! А если и не знали, такъ можно было догадаться... И ваше дѣло было меня увѣдомить. Вамъ просто хотѣлось, чтобъ онъ побольше задолжалъ, чтобъ дольше пожилъ, и для этого вы старались, чтобъ ему понравилась моя

дочь... Оставляли ее съ негодяемъ... Она вышла изъ моихъ правилъ!

Марья Ивановна (*тоже выйдя изъ себя*).

Срамъ, стыдъ!... Оскорбленіе!... Неблагопристойность!... Я дворянка! я благородная!... Чортъ меня дернулъ вмѣшаться... Благородному человѣку съ вами нельзя быть знакому!... Только зачернишь себя!

Настенька (*становясь между ими, говоритъ умоляющимъ голосомъ*).

Папенька, успокойтесь!... Марья Ивановна!.. Папенька, ради Бога! Пожалѣйте меня!... Я не вынесу! Онъ достоинъ вашего уваженія! Если про него сказали дурно—это не правда! Не правда, папенька!... Кто разъ его видѣлъ, всякій скажетъ, что онъ честный человѣкъ! Папенька! увѣрю васъ... Я помню... Ты самъ, папаша, говорилъ, чтобы я любила его..

Марья Ивановна (*смотритъ на Волчка, тотъ не знаетъ съ кѣмъ соглашаться*).

Правда!...

Настенька.

Всѣ мы дѣлали, что вамъ было угодно!

Марья Ивановна.

Правда! (*тоже смотритъ на Волчка*).

Настенька.

Слышишь, папаша! Клянусь тебѣ, что одна смерть можетъ теперь заставить позабыть его...

Тарасъ Ивановичъ.

Какъ заговорила!

Марья Ивановна.

Онъ себя и не выдавалъ за богача!

Тарасъ Ивановичъ.

Не бывать его женой Настенькѣ.

Настенька (*рпшительно*).

Если это ваша воля, я не смѣю противиться, но клянусь вамъ, что не буду женою другаго...

Тарасъ Ивановичъ.
Молчать!... Неблагодарная!... Хотѣ бы чинъ былъ у него порядочный... Спросить: за кого выдалъ дочь? Сказать стыдно!

Марья Ивановна.

Полно, Тарасъ Ивановичъ, не лучше ли согласиться!

Настенька (*цѣлуя у него руку*).

Да, папаша!... Согласись! Ну, у сестрицъ будутъ мужья лучше!...

Марья Ивановна.

И конечно, у Маши будетъ...

Тарасъ Ивановичъ (*перебивая*).

Кто?... Ротный командиръ-то? Такой же видно ужъ сосваталъ...

Марья Ивановна.

Ну, Лизанька выйдетъ...

Тарасъ Ивановичъ (*также*).

За кого? Чижикова ожила! Здоровехонька! Проживетъ, прости Господи, Маеусановы вѣки... Каково же послѣ такихъ надеждъ...

Марья Ивановна.

Кто же этому виновать? Я, что ли? Что же вы шумите у меня въ домѣ. Вѣкъ не прощу, что связалась...

Тарасъ Ивановичъ (*вышедъ изъ себя, стараясь перекричать Марью Ивановну*).

Да и меня кто дернулъ? Впродъ ноги моей здѣсь не будетъ: и безъ васъ сыщу, сыщу... Много на себя берете... Да что мнѣ дворянка? Я самъ дворянинъ, не хуже васъ!...

Марья Ивановна (*тоже вышедъ изъ себя, стараясь перекричать Тараса Ивановича*) (*)

Вѣкъ не прощу, и просить не стану — не стану... Что вы кричите... Кто я вамъ досталась?... У меня у самой горло слава Богу... Кричать у себя въ домѣ не позволю, я дворянка!

(*) Марья Ивановна говоритъ эти слова въ одно время съ Тарасомъ Ивановичемъ.

(Во время самой ссоры входитъ Хуторскій, такъ что Тарасъ Ивановичъ и Марья Ивановна, увидавъ его, терпятъ и не договариваютъ послѣднихъ словъ, и стараются принять спокойный видъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тарасъ Ивановичъ, Марья Ивановна, Настя, растерянная, въ слезахъ, Волчокъ, около нее, и Хуторскій.

Хуторскій (*входя*).

Боюсь, не опоздалъ ли?... Гдѣ же...

Ахъ, Тарасъ Ивановичъ! (*Марья Ивановна*) Поздравьте меня, совсѣмъ кончили съ Григорьемъ Ивановичемъ; купилъ его Новинское за 200 тысячъ.

Тарасъ Ивановичъ (*пораженный*). Новинское! Григорія Ивановича!

Волчокъ (*вскрикивая*).

Но... Новинское!

Марья Ивановна (*тоже*). Новинское!

Волчокъ (*подбывая*).

Позвольте, позвольте снова отрекомендовать себя.. Я долженъ, долженъ, Григорію Ивановичу три, три тысячи...

Хуторскій (*улыбался*).

Теперь вы мой должникъ... (*Тарасу Ив.*) Тарасъ Ивановичъ, вѣроятно вамъ извѣстно уже мое намѣреніе...

Марья Ивановна.

Я Тарасу Ивановичу говорила, но...

Тарасъ Ивановичъ (*проворно перебивая*).

Я право никакъ не ожидалъ... Это такая честь... Милости просимъ къ намъ. Я въ трехъ верстахъ отъ города.

Марья Ивановна (*почтительно*). Имѣю честь поздравить.

Настенька (*отъ слезъ переходя въ радость, бросается обнимать то отца, то Марью Ивановну*).

Марья Ивановна! Душенька! Голубъ-

чикъ; папаша! Марья Ивановна! Лолій Марковичъ... (вдругъ останавливается, сконфузясь). Ахъ, что я?...

Волчокъ.

Ничего, ничего, истиннымъ Богомъ... Позвольте, позвольте поздравить (целуетъ руку).

Настенька (задумывается, потомъ говоритъ).

Александръ Васильевичъ! У меня есть просьба, извините если она нескромна.

Хуторскій.

Приказывайте!... (Настя говоритъ ему на ухо). О, непременно!... Лолій Марковичъ! Зная ваши обстоятельства, позвольте мнѣ предложить вамъ сколько нужно, и быть вашимъ терпѣливымъ кредиторомъ одному.

(Въ продолженіе этой сцены Тарасъ Ивановичъ старается отдалить Марью Ивановну, и какъ только она хочетъ что нибудь сказать, онъ ее не допускаетъ).

Тарасъ Ивановичъ (въ сторону).

Ахъ, дура! (вслухъ) къ намъ милости просимъ, въ трехъ верстахъ.

Волчокъ (не опомнясь).

Александръ Васильевичъ! Истиннымъ... Настасья Тарасевна, по гробъ мой, то есть... (прослезясь) благодетели вы мои!..

Тарасъ Ивановичъ.

Александръ Васильевичъ, сдѣлайте мнѣ честь, позвольте просить переѣхать къ намъ... Моя коляска здѣсь... Въ трехъ верстахъ...

Марья Ивановна.

Я надѣюсь, что ваша свадьба будетъ въ моемъ домѣ?... У Тараса Ивановича кажется негдѣ...

Тарасъ Ивановичъ.

Помѣстимся, матушка, къ чему лишніе убытки... Александръ Васильевичъ! Милости просимъ, съ невістою-то!...

(Настя не можетъ скрыть своей ра-

достии: Хуторскій беретъ ее подъ руку; Волчокъ съ умиленіемъ на нихъ смотритъ; Марья Ивановна въ досаду).

Марья Ивановна (не можетъ скрыть досады, останавливается Тараса Ивановича).

По крайности, позвольте получать за квартиру... (Хуторскій съ презрѣніемъ отдаетъ ей и уходитъ съ Настей). Тарасъ Ивановичъ! Ваша дочь три недѣли жила у меня на всемъ на готовомъ. Я увѣрена... Вы знаете, мое состояніе не такое, чтобы...

Тарасъ Ивановичъ (дерзко).

Счетъ напишите. (Уходитъ).

(Хуторскій уводитъ Настю; Тарасъ Ивановичъ за ними уходитъ; Волчокъ тоже собирается).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья Ивановна, Волчокъ.

Волчокъ.

Что, что съ вами, Марья Ивановна?

Марья Ивановна (притворно нѣжничая).

Ахъ, я не могу равнодушно видѣть два нѣжнолюбящія сердца... Я бы могла разстроить, но знаю по себѣ каково это страданіе... Лолій Марковичъ!... Теперь и мы можемъ быть счастливы... Когда же наша свадьба?...

Волчокъ.

Какъ-съ... то есть... Да-съ, свадьба... Мое почтеніе-съ!.. (Убѣгаетъ).

Марья Ивановна (вся вспыхнула, ломаетъ руки, кусаетъ губы, почти со злости и бормочетъ про себя).

Я отплачу... И все черезъ эту дѣв-

чонку... Долги уплатила... (Со злости хо-
хочетъ) Богачка....

(Дуняша въ это время вышла изъ дому,
не знаетъ еще что случилось, подхо-
дитъ къ Марья Ивановнѣ и радушно се
поздравляетъ).

Дуняша (хочетъ поцѣло-
вать у ней ручку).

Имѣю честь поздравить, матушка, Марья

Ивановна, съ вступленіемъ во второй за-
конный бракъ....

(Марья Ивановна въ бѣшенствѣ даетъ
ей пощечину. Разъяренная хочетъ что-
то говорить, но не можетъ задыха-
ясь отъ злости, и бѣжитъ въ домъ).

(Дуняша, одна среди сцены).

ОДНА ЗА ДРУГУЮ.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СОЧ. ПРОСПЕРА ПУАТИВНА.

(Играна на Парижскомъ Театрѣ Одеона, въ 1842 году).

Переводъ съ Французскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бернаръ, богатый Парижскій банкиръ.

Г-жа Бернаръ, жена его.

Г-жа Сюрвиль, сестра Бернара, молодая вдова.

Сень-Ламберъ.

Артуръ.

Слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

Театръ представляетъ богатую комнату. Средняя дверь и два кабинета. Левый ведетъ на половину Г-жи Бернаръ и Г-жи Сюрвиль, а правый къ Г. Бернару. На правой же стороне окно. Столъ со всѣмъ письменнымъ приборомъ. Большое зеркало на ножкахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Сюрвиль, одна у стола.

Боже мой, Боже мой! Вотъ ужъ почти полгода, какъ Сень-Ламберъ не показывается! И онъ могъ меня оставить! Вотъ любовь мужчинъ!.. Однако жъ, я увѣрена, что онъ меня любитъ! Только одно пустое подозрѣніе... ревность... И все таки онъ виноватъ... Онъ долженъ былъ имѣть ко мнѣ больше довѣренности... онъ долженъ былъ знать мое сердце... Онъ долженъ былъ отгадать то, чего я не могла ему сказать... И вчера еще мы встрѣтились въ театрѣ... Онъ и не посмотрѣлъ на меня... Я, однако же, видѣла,

что онъ непримѣтно послѣ шель за мною, и старался уловить каждый взглядъ, каждое движеніе, чтобъ удостовѣриться, люблю ли я Артура, или нѣтъ?.. Боже мой! Какое положеніе! Какую трудную обязанность, какую жестокою роль взяла я на себя! И все это для любезнаго моего брата, который, право, не стоитъ такой жертвы... Онъ такъ довѣрчивъ, такъ легковѣренъ, такъ самолюбивъ, что никогда не догадается о своемъ опасномъ положеніи... Хорошо еще, что этотъ Артуръ до того робокъ и застѣнчивъ, что въ полгода не смѣлъ открыться... а то всѣ мои хитрости не послужили бы ни къ чему...

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-жа Бернаръ и Г-жа Сюрвилль.

Г-жа Бернаръ.

Что это ты тутъ дѣлаешь, одна оди-
нешенька, милая Адель?

Г-жа Сюрвилль.

Ничего .. задумалась...

Г-жа Бернаръ.

О чемъ же это?.. Ужъ нѣтъ ли у те-
бя сердечной тайны?..

Г-жа Сюрвилль.

О! совсѣмъ нѣтъ!.. а особенно отъ те-
бя .. отъ сестры...

Г-жа Бернаръ.

Да! мы точно живемъ и любимъ другъ
друга, какъ родныя сестры...

Г-жа Сюрвилль.

Кажется иначе и нельзя... Мы съ то-
бою и въ дѣтствѣ, когда были въ пан-
сіонѣ, служили для всѣхъ примѣромъ
дружбы...

Г-жа Бернаръ.

Ах! прекрасное, веселое было это вре-
мя!.. Мы тогда и Богъ знаетъ какіе пла-
ны съ тобою составляли.... Мы думали,
что свѣтъ точно таковъ, какъ рисовало
намъ дѣтское наше воображеніе, а на по-
вѣрку вышло, что онъ во сто разъ хуже
и скучнѣе, нежели наша жизнь въ пан-
сіонѣ... Ты первая кажется испытала это...
Ты вышла за мужъ, и не можешь похва-
стать, чтобъ замужство твое...

Г-жа Сюрвилль.

Что говорить о прошедшемъ... Я была
ребенокъ, и слово мужъ казалось для
меня какимъ - то Эльдорато... Я поторо-
пилась своимъ выборомъ... но не хочу ни
въ чемъ упрекать покойнаго моего му-
жа... Теперь я вдова въ 24 года, и по-
стараюсь быть осторожнѣе при второмъ
выборѣ...

Г-жа Бернаръ.

И не объ этомъ ли ты такъ серьезно
думала здѣсь одна?..

Г-жа Сюрвилль.

Совсѣмъ нѣтъ! Ты меня вѣдь знаешь...
Я всегда любила мечтать въ уединеніи,
задумываться...

Г-жа Бернаръ.

Самая дурная привычка,.. по крайней
мѣрѣ, самая скучная...

Г-жа Сюрвилль.

Конечно... однако иногда очень полез-
ная...

Г-жа Бернаръ.

Напротивъ, самая вредная... Мнѣ ка-
жется, что если бъ я на минуту задума-
лась, я бы умерла со скуки, или, по край-
ней мѣрѣ, на цѣлую бы недѣлю была раз-
строена. Нѣтъ, милая Адель! Я только о
томъ и забочусь, чтобъ забавляться, за-
бываться. Когда я проснусь поутру,
первая моя мысль: какъ бы сокра-
тить время и убить день? Придумы-
ваю прогулки безъ цѣли, визиты безъ
малѣйшей пользы, дѣла, которыя ни къ
чему не ведутъ, и, благодаря моей изо-
брѣтательности, нахожусь въ какомъ-
то вѣчномъ движеніи, и мнѣ удастся
избѣгать скуку.

Г-жа Сюрвилль.

Едва ли, милая Каролина, стоитъ изъ
за этого такъ хлопотать...

Г-жа Бернаръ.

И это можетъ быть!.. Только за нек-
мѣишемъ лучшаго, и это годится.

Г-жа Сюрвилль.

Бѣдная Каролина! Ты этакъ меня заста-
вишь расказывать, что я такъ усердно
дѣйствовала, чтобъ выдать тебя за моего
брата...

Г-жа Бернаръ.

О, нѣтъ, милая Адель! Напротивъ, я
тебѣ чрезвычайно обязана... Братъ твой
самый милый и любезный мужъ... Конеч-
но, я не была въ него влюблена, но это
еще прійдетъ... Онъ немножко разсѣянъ,
самолюбивъ... ну, да кто изъ мужчинъ
безъ недостатковъ?.. Если бъ онъ захо-

тѣмъ, онъ бы могъ быть образцовымъ мужемъ... и теперь чрезвычайно счастлива... Могло ль быть что нибудь скучиве состоянія дѣвушки и сироты... Нельзя куда ѣздить, ничего видѣть, ни съ кѣмъ говорить, ни о чемъ разсуждать... Ты была моею спасительницею... Ты взяла меня къ себѣ... Тутъ я всякій день видѣла твоего брата, и твоя дружба составила мое счастье...

Г-жа Сюрвиль.

А все таки, какъ кажется, скучаешь...

Г-жа Бернаръ.

Право, нѣтъ, милая Адель... Миѣ очень весело... Но я вѣдь не виновата, что дни и часы такъ длинны... Я стараюсь ихъ сократить, убить, забыть... Напримѣръ, знаешь ли, чѣмъ я теперь занималась цѣлые два часа... Сидѣла передъ зеркаломъ и одну за другою надѣвала всѣ свое бриллиантовыя вещи... Это, конечно, дѣтство, ребячество... но это меня заняло... миѣ было весело... а спроси меня, какія вещи я надѣну сегодня на балъ къ Г-жѣ Дерфѣль, право не знаю...

Г-жа Сюрвиль (улыбаясь).

Ну, такъ это было потерянное время...

Г-жа Бернаръ.

Нѣтъ, милая Адель! Выигранное время!... Я была одна... Ты тутъ сидѣла и занималась мечтами... Артуръ сегодня еще не приходилъ, а мужъ мой... вѣдь мы съ нимъ видимся только за обѣдомъ, да иногда на балахъ... Безъ моей ребяческой выдумки миѣ бы падо было со скуки умереть... Вотъ вчера, напримѣръ... миѣ нечего было дѣлать... я и придумала ссориться со всѣми людьми... разбранила горничную, слугъ, кучера, швейцара... Миѣ было очень ихъ жаль, ну, да вѣдь надо же было чѣмъ нибудь заняться...

Г-жа Сюрвиль.

Вотъ новое средство противъ скуки!

Г-жа Бернаръ.

Да! его изрѣдка только можно употреб-

лять, и то ужъ если нѣтъ ни какого другаго... Ты смѣешься...

Г-жа Сюрвиль.

Да, но миѣ право не смѣшно... Я вижу, что ты несчастна...

Г-жа Бернаръ.

Что ты, Адель? съ чего взяла? Помилуй! да миѣ всѣ завидуютъ... Вотъ тебѣ, такъ я увѣрена, что скучно... Вдова въ твои лѣта!.. Это едва ли не хуже чѣмъ быть дѣвушкою... И я право не понимаю... Ты такъ хороша собою, богата, у тебя бездна обожателей, а ты не хочешь взять на себя труда, привязать къ себѣ котораго нибудь изъ нихъ... Сенъ-Ламберъ былъ такъ влюбленъ въ тебя... и я думала, что ты рѣшишься пожертвовать своею свободою... Вдругъ онъ исчезъ, пропалъ безъ вѣсти... Что съ нимъ дѣлалось?

Г-жа Сюрвиль.

Я его объ этомъ не спрашивала...

Г-жа Бернаръ.

А теперь этотъ Артуръ... Богъ его знаетъ, что это за человѣкъ... Всѣ въ городѣ увѣряютъ, что онъ влюбленъ въ тебя, а я между вами не только не вижу ни малѣйшаго признака любви, но даже... право смѣшно...

Г-жа Сюрвиль.

Что смѣшно?..

Г-жа Бернаръ.

Да то, что онъ около обѣихъ насъ увиждается, и хоть я увѣрена, что онъ ищетъ твоей любви, а все таки по его глазамъ и полусловамъ подумаешь, что онъ влюбленъ въ меня... Да что это его сегодня не видать? Скоро три часа, а онъ всегда аккуратно является къ намъ съ утреннимъ визитомъ...

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Артуръ, Г-жа Бернаръ, Бернаръ
и Г-жа Сюрвиль.

Бернаръ (*въ дверяхъ Ар-
тура*).

Э, Боже мой, ступайте! онъ объ до-
ма...

Г-жа Бернаръ (*Г-жѣ Сюр-
виль*).

Вотъ и онъ съ моимъ мужемъ...

Г-жа Сюрвиль (*про себя*).

И самъ же братъ мой привелъ его...

Артуръ (*кланяясь да-
мамъ*).

Мое почтеніе...

Бернаръ (*Г-жѣ Сюрвиль*).

Вотъ, сестра, не брани меня... Видишь
какой я услужливый... Знаю, что моло-
дымъ женщинамъ скучно безъ кавалеровъ,
и на дорогѣ я подхватилъ и привелъ вамъ
Артура... Вообразите: онъ собирался въ
Министерство.... Молодой человѣкъ...
сверхъ штатный чиновникъ... хочетъ ра-
ботать... за что? что за глупость?.. Я его
насплошно схватилъ подъ руку и потащилъ
сюда... Довольны ли вы?

Г-жа Сюрвиль.

Твои выдумки всегда очень милы и у-
дачны...

Г-жа Бернаръ.

И мы вамъ объ благодарны...

Артуръ.

Я одинъ долженъ благодарить Г-на Бер-
нара за счастье, которое онъ мнѣ доста-
вилъ...

Г-жа Сюрвиль.

Скажите пожалуйста... вы обыкновенно
въ это время ходите въ должность?..

Артуръ.

Всякій день въ одиннадцать часовъ, не
позже...

Г-жа Сюрвиль.

А теперь три...

Бернаръ.

Даже половина четвертаго...

Артуръ.

Да! я сегодня немножко опоздалъ...
Поутру почувствовалъ небольшую го-
ловную боль...

Г-жа Бернаръ.

Такъ вы съ нами и на балъ не поведе-
те?...

Артуръ.

Помилуйте... это давно прошло...

Г-жа Сюрвиль.

Однако же, проведя цѣлую ночь на ба-
лѣ... вамъ можетъ сдѣлаться хуже... мы
были бы въ отчаяніи, если бъ изъ-за
насъ...

Бернаръ (*про себя*).

Какая заботливость о его здоровьѣ!...
она безъ ума отъ него...

Г-жа Бернаръ.

А я такъ скорѣе думаю, что балъ васъ
вылечитъ, разсѣетъ...

Г-жа Сюрвиль (*про себя*).

Ей хочется ѣхать на балъ... понимаю...

Бернаръ.

Я думаю то же, что жена... для моло-
даго человѣка, балъ самое лучшее лекар-
ство... У васъ голова болятъ отъ того,
что вы много работаете... Вы ужъ слиш-
комъ усердны на службѣ...

Артуръ.

Иначе служить и нельзя...

Бернаръ.

Но вѣдь вы служите не изъ денегъ, не
изъ хлѣба... а васъ заставляютъ работать,
какъ какого нибудь бѣдняка.. Не знаю,
что это за расчетъ у нашихъ Француз-
скихъ Министровъ... Этакъ всѣ порядоч-
ные люди должны будутъ уступить свои
мѣста бѣднымъ писцамъ...

Г-жа Сюрвиль.

Они очень будутъ рады... а богатые
молодые люди очень мало выиграютъ че-

резь это... если они ищут не денег, такъ ихъ манить честолюбіе...

Артуръ.

Или долгъ отечеству...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и слуга.

Слуга.

Модистка съ платьемъ пришла...

Г-жа Бернаръ.

Я сейчасъ приѣду... *(слушаетъ)* *(идетъ къ Артуру)* На послѣднемъ балѣ вамъ такъ понравился нарядъ Адель, что я на другое же утро заказала себѣ точно такое платье. Сегодня мы будемъ, какъ пансіонерка, обѣ одѣты одинаково...

Артуръ.

Васъ и безъ того принимаютъ всегда за сестеръ.

Бернаръ.

И если обѣ доволѣны этимъ названіемъ, такъ значить обѣ хороши собою, иначе которая нибудь обидѣлась бы...

Г-жа Бернаръ.

Позвольте спросить васъ: вы ужъ не комплиментъ ли хотѣли сказать намъ?

Г-жа Сюрвиль.

А это была бы большая рѣдкость для мужа и для брата.

Бернаръ.

Вотъ мило! Какъ будто мужъ и братъ должны быть слѣпы и безчувственны? Вы ошибаетесь... я, конечно, не буду отпустить вамъ милыхъ фразъ, на которыя молодые люди такъ щедры, но почемужъ мнѣ не сказать, что у меня и жена, и сестра, обѣ равно прелестны...

Г-жа Бернаръ и Г-жа Сюрвиль

(взявъ другъ друга за руки, подходятъ къ нему и дѣлаютъ очень серьезный реверансъ).

Покорно васъ благодарю...

Бернаръ.

Не стоитъ благодарности... *(идетъ къ столу)* А гдѣ-то сегодняшнія газеты?... что новаго на биржѣ?..

Г-жа Бернаръ *(Артуру)*.

Мы еще съ вами увидимся... пойдѣмъ же Адель, къ модисткѣ...

Бернаръ *(читал)*.

Что я вижу? Баронъ Сень-Ламберъ назначенъ въ Министры Иностранныхъ Дѣлъ.. Вы это слышали, Артуръ?...

Артуръ.

Да!.. говорили что-то такое... но это еще не вѣрно...

Бернаръ.

Какъ не вѣрно!.. вотъ ужъ напечатано...

Г-жа Сюрвиль *(остановилась при первомъ словѣ Бернара, про себя)*.

Дядя Сень-Ламбера... возможно ли!

Г-жа Бернаръ.

Что жъ, Адель? Неужели тебя занимаютъ министерскія дѣла? Пойдемъ, пожалуйста... наши гораздо важнѣе... посмотримъ новыя бальныя платья... *(уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Бернаръ и Артуръ.

Бернаръ.

Вы ужъ извините жену мою, любезный Артуръ... Эта женщина никакъ не понимаетъ вашего сердца... Вотъ я такъ догадлива ее... и если бъ отъ меня зависѣло, я бы съ удовольствіемъ доставляла вамъ безпрестанно случаи видѣться съ моею сестрою...

Артуръ.

Я конечно такъ привязанъ къ Г-жѣ Сюрвиль... но мое уваженіе...

Бернаръ.

Уваженіе!.. Ужъ не думаете ли вы со-

мною скрытничать? Молодой человек! я вас насквозь вижу... Вы влюблены... вы страстно влюблены... я самъ былъ молодъ и испыталъ дѣйствіе страстей... Къ счастью, я теперь у берега, въ тихой пристани... А вы!.. вы доведете себя до отчаяннаго положенія, за которымъ знаете ли что васъ ожидаетъ!..

Артуръ.

Вы меня пугаете? Чтожъ можетъ со мною случиться...

Бернаръ.

Что вамъ и говорить? развѣ вы меня поймете?... Что съ вами случится, спрашиваете вы? Женитьба!

Артуръ.

И только?

Бернаръ.

Въ ваши дѣта?... Ну, да я молчу... Не мое дѣло пугать васъ... Но прошу васъ со мною не секретничать.. я давно все понялъ и знаю...

Артуръ (про себя).

Хорош! много же онъ понялъ...

Бернаръ.

Послушайте... хорошо ли вы вникли въ характеръ сестры моей...

Артуръ.

Я увѣренъ, у нее...

Бернаръ.

Самый прекрасный, самый любезный характеръ...

Артуръ.

Сердце у нее...

Бернаръ.

Самое доброе, чувствительное, благородное...

Артуръ.

Слѣдственно...

Бернаръ.

Вы и думаете, что этого довольно.... Вотъ тутъ-то вы и ошибаетесь... Знаете

ли какой у ней недостатокъ, какой ужасный порокъ...

Артуръ.

Вы шутите...

Бернаръ.

Совсѣмъ пѣтъ! Напротивъ, любя васъ искренно, я не хочу, чтобъ вы могли когда нибудь упрекнуть меня, что я отъ васъ скрылъ подобныя вещи...

Артуръ.

Что жъ такое?..

Бернаръ.

А то, что если вы женитесь, и женитьба, какъ водится по натурѣ человеческой, успокоитъ ваши восторги и вашу страсть, и если вы, какъ всѣ мужья на свѣтѣ, пуститесь охотиться въ чужихъ лѣсахъ.... то, предупреждаю васъ.... сестра моя такого ужаснаго характера среднихъ вѣковъ, что она будетъ требовать отъ васъ вѣрности и любви на всю жизнь.... Она захочетъ владѣть и управлять вами съ исключительнымъ правомъ.... Она заставитъ васъ.... Ну, да я замолчу.... Вы только чувствуете, что для молодаго человека это не совсѣмъ привлекательная перспектива... Принужденное исполненіе своихъ обязанностей, монотонное удовольствіе, которое можетъ испугать самаго храбраго человека.

Артуръ.

Какую мрачную картину вы мнѣ представили....

Бернаръ.

Это мой долгъ.... Я хочу всеобщаго счастья, и мои супружескія правила состоятъ въ томъ, что маленькія постороннія шалости, которыя прикрываются приличіемъ и взаимною дружбою, доставляютъ гораздо больше удовольствія и семейнаго счастья, нежели строгіе законы Ликурговъ и Солоновъ....

Артуръ.

По согласны ли будутъ съ этими пра-

вилами всѣ женщины? Я самъ признаюсь....

Бернаръ.

Вотъ въ этомъ-то и бѣда! Это одна изъ тѣхъ домашнихъ тайнъ, противъ которыхъ ваша молодость и неопытность готова возстать... Вы теперь въ лучшихъ лѣтахъ очарованій....

Артуръ.

Я и не сожалею объ этомъ....

Бернаръ.

Да!... разумеется... Только повѣрьте мнѣ, что мнимая вѣчность первой любви, самая пустая въ свѣтѣ идея молодыхъ людей. Начинать свою жизнь съ серьезной страсти, это все равно, что читать романъ съ послѣдней страницы. Зачѣмъ спѣшить такъ безрасчетно къ развязкѣ? Зачѣмъ торопиться? Не лучше ли слѣдовать съ безпечною за всѣми своеправными эпизодами нашего сердца? Прежде чѣмъ пожертвовать всѣмъ своимъ существованіемъ одной женщинѣ, не лучше ли пожить для удовольствія тысячи другихъ? Насладитесь сперва своею молодостию и свободою, а пожертвовать ими всегда еще успеете....

Артуръ.

Вы объясняетесь съ большимъ жаромъ....

Бернаръ.

Я васъ люблю, милый Артуръ, и привыкъ говорить откровенно въ подобныхъ дѣлахъ.... Вы не одинаковаго характера съ моею сестрою... Сень-Ламберъ, который до васъ былъ ея обожателемъ, гораздо лучше васъ походилъ на жертву супружескаго долга. Онъ былъ чувствителенъ, вѣренъ, вѣженъ, и былъ бы именно такой мужъ, о какихъ всегда мечтаютъ женщины, подобныя сестрѣ моей... Но вы... вы теперь побѣдили своего соперника, а право мнѣ васъ жаль.... Вы веселы, безпечны, немножко легкомысленны... однимъ словомъ вы созданы, чтобъ

жить холостякомъ. Вамъ надо удовольствіе съ независимостью.... Вы должны пользоваться своею молодостью и богатствомъ.... Ну, а со временемъ.... когда устанете отъ свѣта и побѣдъ, когда вамъ все надоѣстъ и наскучитъ.... О, тогда если вы обратитесь къ сестрѣ моей, будетъ другое дѣло.... Женитесь себѣ, если вамъ это угодно; будьте счастливы, если можете... я вовсе не буду этому противиться. Все дѣло только въ томъ, что надобно жениться тогда, какъ по сердцу и по разуму мы убѣждены, что должны уже отказаться отъ всѣхъ прочихъ женщинъ.

Артуръ.

Ваши слова меня удивляютъ.... Я не думаю, чтобъ вы сами, женившись, отказались отъ всѣхъ побѣдъ....

Бернаръ.

О! вовсе нѣтъ....

Артуръ.

Такъ почему же?...

Бернаръ.

Эхъ! это совсѣмъ другое. Моя женитьба совершенное исключеніе изъ общаго правила... Я женился, во-первыхъ, вовсе не по страсти... Каролина мнѣ очень нравилась, я ей говорилъ разныя вѣжности, какъ и всѣмъ... Но отъ этого еще далеко было до женитьбы... Моя сестра вмѣшалась въ это дѣло... Я вовсе не думалъ... однимъ словомъ, я женился не самъ для себя...

Артуръ.

А для кого же?

Бернаръ.

Все для сестры... Она овдовѣла, и перѣехала жить ко мнѣ... Ну я, разумеется, былъ очень радъ... Какъ модный холостякъ, я видалъ до тѣхъ поръ женщинъ только въ условномъ свѣтѣ и отношеніи... Тутъ же стали ѣздить къ сестрѣ ея знакомыя, ея прежнія подруги... Одна изъ нихъ совсѣмъ къ ней перѣехала, и

я вдругъ очутился подъ женскимъ управленіемъ....

Артуръ.

То есть сдѣлался женатымъ человѣкомъ....

Бернаръ.

Да, почти! съ тою только разницею, что видѣлъ всё неудобства этого состоянія, не имѣя ни одного удовольствія супружеской жизни.

Артуръ.

Это должно быть очень скучно....

Бернаръ.

И потому-то я, по милости сестры моей; рѣшился жениться....

Артуръ.

Вы однако же пожертвовали своею свободою, которою такъ дорожите....

Бернаръ.

Извините! вотъ тутъ-то и былъ геніальный расчетъ съ моей стороны.... Я видѣлъ, что двѣ женщины овладѣли моимъ домомъ и управляли моею волею.... Я женился и требовалъ, чтобъ онѣ остались попрежнему жить вмѣстѣ. Онѣ были рады, потому что съ малолѣтства любили другъ друга, какъ сестры. Онѣ занялись хозяйствомъ, знакомствами, балами, спектаклями. Двоемъ онѣ могли вездѣ ѣздить, а я черезъ это сдѣлался свободнымъ.... У меня много дѣлъ на Биржѣ, въ Министерствѣ Финансовъ, и потому я предоставилъ имъ полную волю развѣзжать куда имъ вздумается, а самъ... Ну, да я помолчу.... мы вѣдь съ вами не здѣсь познакомились....

Артуръ.

И вы не любилъ своей супруги?...

Бернаръ.

Да право еще некогда было.... Впрочемъ, это еще прійдетъ... Дни два, три угожденія, любезности, и она въ меня по уши влюбится; но для этого надо, чтобъ я рѣшительно былъ настроенъ, приготовленъ....

Артуръ.

То есть свободны отъ другихъ занятій....

Бернаръ.

Ну, да! вѣдь я ужъ сказалъ, жена моя будетъ моею послѣднею страстію.... это даже очень морально.... Но я еще подожду. Успѣю....

Артуръ.

Конечно.... чѣмъ позже, тѣмъ лучше....

Бернаръ.

Ну, да!.. Вотъ видите ли, какъ вы хорошо понимаете все дѣло.... Я очень радъ.

Артуръ.

Признаюсь.... Этотъ разговоръ совершенно переобразовалъ меня....

Бернаръ.

Оттого, что хорошіе совѣты всякому понятны.... У васъ же очень много природнаго соображенія.... Стоитъ только слушаться меня, и я изъ васъ сдѣлаю самага блистательнаго молодаго человѣка.

Артуръ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Бернаръ.

Клянусь вамъ....

Артуръ.

Вотъ вамъ рука моя.... Я совершенно предаюсь вашему руководству.

Бернаръ.

Безподобно!..

Артуръ.

Съ чего же мы начнемъ....

Бернаръ.

Съ того, что вы на время оставите свои идеи о женитьбѣ....

Артуръ.

Согласенъ.... Я даже чувствую, что въ состояніи разлюбить Г-жу Сюрвилъ....

Бернаръ.

Прекрасно!.. Но, чтобъ совершенно отвлечь васъ отъ этой опасности, вамъ бы надо заняться, хоть на время, другою.... Нѣтъ ли у васъ на примѣть?..

Артуръ (вздыхаетъ).
Ахъ, есть!

Бернаръ.

Э! въ самомъ дѣлѣ?

Артуръ.

Прежде этого я часто встрѣчался въ обществѣ съ женщиною, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе... Мнѣ и тогда еще очень хотѣлось объяснить ей мой чувства, но я не смѣлъ...

Бернаръ.

Что за вздоръ! почему же не смѣли?...

Артуръ.

Она была замужняя....

Бернаръ.

Ну, такъ что жъ за бѣда?

Артуръ.

Какъ же можно!... волочиться за женою чловѣка, съ которымъ я... тогда былъ друженъ!...

Бернаръ.

Это самое лучшее средство, чтобъ еще лучше съ нимъ подружиться.

Артуръ.

Вы думаете?

Бернаръ.

Безъ сомнѣнія! Нѣтъ, милый Артуръ, вы право еще слишкомъ молоды.

Артуръ.

Научите же, что надо дѣлать?

Бернаръ.

А вотъ мой дружескій совѣтъ.... Какъ скоро вы опять сойдетесь съ этою женщиною.... вы должны непременно при первомъ же свиданіи объяснить ей въ любви.... и Боже васъ сохрани пугаться или конфузиться, если она изумится, или разсердится.... Не вѣрьте никогда первому женскому отвѣту.... У нихъ уже всегда одно условное начало: «Что вы сударь, съ ума сошли! За кого вы меня принимаете? Какъ вы смѣли?» — и тому подобное.... Ваше дѣло продолжать смѣлѣе и нѣжнѣе.... Тутъ помаленьку гнѣвъ проходитъ, начинается смущеніе, по-

томъ слѣдуютъ упреки, недовѣрчивость, нѣжные вздохи, слезы... а потомъ... Ну, да ужъ что и говорить... вы догадаетесь...

Артуръ.

Каждое ваше слово умножаетъ мою смѣлость.... Мнѣ кажется, что я въ самомъ дѣлѣ былъ неправъ, сохраняя до сихъ поръ почтительное молчаніе...! Сегодня же я постараюсь послѣдовать вашему дружескому совѣту....

Бернаръ.

Вотъ это прекрасно!...

Артуръ.

На балѣ у Г-жи Дерфель, я ее вѣрно, сегодня встрѣчу....

Бернаръ.

И прекрасно! Не давайте простывать своему жару.... Будьте только смѣлѣе.... Вы ее часто видите?...

Артуръ.

Не такъ часто, какъ бы хотѣлось...

Бернаръ.

И хорошенькая?

Артуръ.

Прелестъ!

Бернаръ.

Замужняя?...

Артуръ.

Да.... Къ несчастію!...

Бернаръ.

Напротивъ.... это-то и хорошо.... Какъ жаль, что мнѣ нельзя будетъ вѣхать съ вами на балъ.... Вы бы мнѣ показали....

Артуръ.

Кого? Эту хорошенькую?...

Бернаръ.

Нѣтъ! мужа!... вѣрно какой нибудь уродъ....

Артуръ.

Какъ можно!

Бернаръ.

Хоть скажите мнѣ: кто онъ?

Артуръ.

Невозможно!...

БЕРНАРЪ.

Скрытность со мною? Это не хорошо!.. Впрочемъ, какъ хотите... Я при первомъ же случаѣ узнаю, отгадаю его.... У меня на это чудесная провицательность....

АРТУРЪ.

Такъ вы не пойдете съ нами? Вѣрно важныя дѣла?

БЕРНАРЪ.

Да! въ десять часовъ надо быть въ одномъ мѣстѣ....

АРТУРЪ.

У хорошенькой?..

БЕРНАРЪ.

Тсъ! молчите....

АРТУРЪ.

Я угадалъ....

БЕРНАРЪ.

Ну, да! Премиленькая танцовка.... У ней собираются всѣ наши львы и авторы.... Всѣ пишутъ въ честь ея куплеты.... а какъ я не писатель.... Ахъ! послушайте, любезный Артуръ.... Вы вѣдь поэтъ.... Что, если бъ вы мнѣ написали что нибудь....

АРТУРЪ.

Очень радъ....

БЕРНАРЪ.

Вотъ истинное-то одолженіе! Когда же? Завтра? сегодня?... Да, ну, что бы сейчасъ приняться. Вамъ это ничего не стоитъ.... Я пойду теперь къ женѣ, и скажу ей, что не пойду съ нею на балъ.... Давеча, при сестрѣ, мнѣ не хотѣлось сказать этого.... Сестра тотчасъ же принялась бы за меня.... Вотъ садитесь.... (Указывая на стулъ).

АРТУРЪ.

Попробую....

БЕРНАРЪ.

Это будетъ самымъ лучшимъ доказательствомъ вашей ко мнѣ дружбы.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АРТУРЪ (одино).

АРТУРЪ.

Писать стихи!.. До того мнѣ теперь!.. Вотъ чудакъ-то! Какъ онъ старался побѣдить мою робость! И послѣ этого могу ль я его не послушаться?! Нтъ! онъ можетъ быть увѣренъ, что я воспользуюсь его уроками!.. Онъ точно правъ... Что я выиграю, если буду продолжать молчать... Ужъ больше полгода, а я все еще на первой страницѣ романа... Хоть я и увѣренъ, что Каролина знаетъ, что я ее люблю... да я-то ничего не знаю.... Рѣшено... Напишу къ ней любовное письмо... Съ чего начать... У меня столько идей... а словъ, кажется, ни одного... Впрочемъ, дѣло не въ томъ, чтобъ дѣлать фразы... Вѣдь мужъ же училъ, что надобно только быть смѣлѣе... (Пишетъ въ это время). Увѣрить, убѣдить... должно собственное ея сердце... а мнѣ нуженъ только отвѣтъ... прочтемъ-ка... Да! все это конечно немножко безтолково, но страсть вѣдь иначе не говорить...

ЯВЛЕНІЕ VII.

БЕРНАРЪ и АРТУРЪ.

БЕРНАРЪ (про себя).

Жена моя преумная женщина... Тотчасъ повѣрила, что у меня въ самомъ дѣлѣ преважныя дѣла...

АРТУРЪ (глядя на свое письмо).

Однако жъ много жара... А это-то и нравится женщинамъ...

БЕРНАРЪ (вырываетъ у него письмо).

Разумѣется, милый Артуръ... Жаръ всего нужнѣе...

АРТУРЪ.

Ахъ, Боже мой!

БЕРНАРЪ.

Какъ я вамъ благодаренъ! Такъ скоро готово....

А РТУРЪ.

Но позвольте.... Это не то....

БЕРНАРЪ.

Напротивъ... первое ввухеніе самое лучшее....

А РТУРЪ.

Нѣтъ! ради Бога отдайте мнѣ эту записку...

БЕРНАРЪ.

Зачѣмъ?

А РТУРЪ.

Мнѣ очень нужно....

БЕРНАРЪ.

Что еще? вѣрно переправки?...

А РТУРЪ.

Да, конечно! надо просмотрѣть....

БЕРНАРЪ.

Къ чему? Танцовщицы наши не очень сильны въ литературѣ....

А РТУРЪ.

Но, право... нельзя... сдѣлайте милость, отдайте....

БЕРНАРЪ.

Ни за что!... мнѣ скоро ѣхать надо, а ваши авторскія переправки всего длиннѣе....

А РТУРЪ (про себя).

Я погибъ, если онъ прочтетъ....

БЕРНАРЪ.

Посмотримъ однако.... каково-то и говорю чужимъ умомъ? (читаетъ.) «Милостивая государыня!» Что за странное начало!... «Долго скрывалъ я признаніе въ страсти, которая....» Что это за чепуха!... «Долго скрывалъ я признаніе....» (сердито.) Что это значитъ? Да это просто злодѣйство....

А РТУРЪ (про себя).

Онъ теперь все узнаетъ....

БЕРНАРЪ.

Прекрасно, Артуръ... Такъ-то вы съ друзьями поступаете....

А РТУРЪ (про себя).

Что мнѣ отвѣчать!...

БЕРНАРЪ.

Не ожидалъ я такой измѣны. . Возможно ли... Да это проза, а не стихи....

А РТУРЪ.

Ну, такъ что жъ?

БЕРНАРЪ.

Какъ, что жъ? Да это ужасная обманъ....

А РТУРЪ.

Помилуйте!... почему же?...

БЕРНАРЪ.

Да это и не къ моему танцоркѣ.... Да, да! я теперь вижу... прекрасно! Въсто того, чтобъ написать что нибудь для меня, вы между тѣмъ сочинили сами для себя письмо....

А РТУРЪ.

Виновать.... я только хотѣлъ....

БЕРНАРЪ.

Впрочемъ, я не имѣю ни какого права сердиться.... Вы совершенно властны въ своихъ поступкахъ.... (читаетъ про себя письмо.) Прекрасно! я вижу что все это значитъ.... Вы все таки влюблены.... и это письмо... такое нѣжное, такое почтительное.... вѣрно къ сестрѣ моей?...

А РТУРЪ.

Вы думаете?...

БЕРНАРЪ.

Что тутъ думать!... Это ясно!.. Ну, дѣлайте что хотите... Женитесь и довершите всѣ свои глупости....

А РТУРЪ.

Но съ чего вы взяли?

БЕРНАРЪ.

Послѣ всѣхъ моихъ совѣтовъ и вашихъ обещаній....

А РТУРЪ.

Но я увѣрю васъ....

Бернаръ (*отдаетъ ему письмо*).

Возьмите.... Богъ съ вами!... Если ужъ вы такъ влюблены, то.... вотъ и сестра идетъ....

Артуръ.

Но, ради Бога....

Бернаръ.

Будьте спокойны.... я за васъ все дѣло объясню, и безъ письма.

Артуръ.

Умоляю васъ.... не говорите ей ничего.... я даю вамъ слово, что образумлюсь....

Бернаръ.

Послѣ этого письма?... Нѣтъ! вы влюблены, и дѣлу конецъ....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Г-жа Сюрвиль.

Г-жа Сюрвиль.

А! ты здѣсь еще, братецъ.... очень рада....

Бернаръ.

А тебѣ развѣ нужно со мною говорить о чемъ нибудь?...

Г-жа Сюрвиль.

Да! нѣсколько словъ....

Бернаръ.

Ну, такъ это очень кстати... мнѣ то же....

Артуръ (*тихо ему*).

Ради Бога! не говорите, не спѣшите....

Бернаръ (*также*).

Будьте спокойны.... ступайте.... вы увидите, что я усерднѣе васъ готовъ помогать своимъ друзьямъ....

Артуръ (*про себя*).

Судьба моя виситъ на волоскѣ.... Г-жа Сюрвиль знаетъ все, и одно слово ея можетъ погубить меня.... Пойду къ Каролинѣ. (*Кланяется и уходитъ къ Г-жѣ Бернаръ*.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г-жа Сюрвиль и Бернаръ.

Бернаръ.

Ну, вотъ мы и одни.... Что же тебѣ надо....

Г-жа Сюрвиль.

Сядемъ лучше....

Бернаръ.

Пожалуй.... (*про себя*.) Значитъ проповѣдь будетъ длинная.

Г-жа Сюрвиль.

Что же ты хотѣлъ мнѣ сказать?

Бернаръ.

Да вѣдь ты сама хотѣла.... Впрочемъ, мнѣ все равно.... Пожалуй, и я начну.... мнѣ хотѣлось сдѣлать тебѣ одинъ вопросецъ....

Г-жа Сюрвиль.

Не много же!... а у меня готово нѣсколько вопросовъ....

Бернаръ.

И ты будешь отвѣчать мнѣ искренно, не по-женски?

Г-жа Сюрвиль.

А ты, скажешь мнѣ всю правду!

Бернаръ.

О! я клянусь....

Г-жа Сюрвиль.

И я даю слово.... Ну, спрашивай.

Бернаръ.

Долго ли ты еще намѣрена пребыть вдовою?

Г-жа Сюрвиль.

Какъ можно меньше.

Бернаръ.

Теперь я вижу, что ты говоришь искренно.

Г-жа Сюрвиль.

Я хочу тебѣ подать примѣръ.

Бернаръ.

Ну, а въ числѣ твоихъ обожателей, кого ты предпочитаешь всѣмъ прочимъ?

Г-жа Сюрвиль.

А! такъ вотъ этотъ вопросъ....

Бернаръ.

Что жь? тутъ ужъ искренность кончилась?

Г-жа Сюрвиль.

Потому только, что женщины открываютъ эту тайну только тому, до кого она касается.

Бернаръ.

Развѣ твои дѣла до меня не касаются....

Г-жа Сюрвиль.

Напротивъ, ты мой лучший другъ... Но вы мужчины ужасно нескромны.... а сказать тебѣ этотъ секретъ, значило бы, что я первая открылась въ любви.... ну, а ты знаешь, что это неприлично.

Бернаръ.

Конечно.... Но если твой обожатель такой скромный и робкій человекъ, что никогда не рѣшится сказать тебѣ ни слова о любви....

Г-жа Сюрвиль.

Это бы очень было жаль.... потому что я все таки буду ждать, покуда онъ рѣшится....

Бернаръ.

Мы сейчасъ только говорили о тебѣ.... съ Артуромъ.... Что ты о немъ думаешь?

Г-жа Сюрвиль.

Что онъ очень милый молодой человекъ.

Бернаръ (про себя).

Отвѣтъ хорошъ.... (ей.) И жена моя того же о немъ мнѣнія....

Г-жа Сюрвиль.

А ты, братецъ?

Бернаръ.

Ты знаешь, что я во всемъ согласенъ съ женою.

Г-жа Сюрвиль.

Это должно быть очень лестно для Артура.

Бернаръ.

Конечно.... но между нами.... я скажу тебѣ, что пзъ насъ троицъ, мнѣние одной особы для него всего важнѣе и нужнѣе....

Г-жа Сюрвиль.

Не мудрено.... я это даже почти замѣтила.

Бернаръ.

А я такъ давно это знаю.

Г-жа Сюрвиль.

Твоя пронизательность ужасаетъ меня.

Бернаръ.

Да, отъ меня ни что не скроется.

Г-жа Сюрвиль.

И что жь... ты кажется хлопчешь о томъ, чтобъ предпріятіе Артура удалось?

Бернаръ.

Отъ всего сердца.... Если онъ до сихъ поръ еще не успѣлъ, такъ это, право, не моя вина.

Г-жа Сюрвиль.

Я это вижу.

Бернаръ.

Теперь надо знать, въ чемъ и отъ кого встрѣтятся ему препятствія?

Г-жа Сюрвиль.

Вѣрно отъ тѣхъ людей, которые ему желаютъ добра.

Бернаръ.

Что же? отъ тебя?

Г-жа Сюрвиль.

Почему же ты это думаешь?

Бернаръ.

Отвѣчай однако....

Г-жа Сюрвиль.

Что мнѣ сказать? мы врядъ ли понимаемъ другъ друга.... но если въ самомъ дѣлѣ ты хлопчешь объ успѣхъ въ дѣлахъ Артура, и если всѣ вы согласны на это,

такъ я не вижу причины, почему бы мнѣ одной препятствовать ему....

БЕРНАРЪ.

Ну вотъ и дѣло кончено! Теперь я все знаю, и вѣроятно даже больше, нежели ты мнѣ сказать хотѣла....

Г-жа Сюрвилль.

То есть, что ты не знаешь ничего.

БЕРНАРЪ.

Я — не знаю?

Г-жа Сюрвилль.

Да! ровно ничего.... Но что и говорить объ этомъ.... (встаетъ.) Я слышала, что ты сегодня не ѣдешь съ нами на балъ?

БЕРНАРЪ.

Да! мнѣ никакъ нельзя.... очень важное дѣло....

Г-жа Сюрвилль.

Такое же, какъ вчера....

БЕРНАРЪ.

Это правда.... Я вчера дѣлалъ вечеръ бѣгалъ....

Г-жа Сюрвилль.

Такъ же какъ и всякій день....

БЕРНАРЪ.

Что ты хочешь сказать?

Г-жа Сюрвилль.

Ты меня очень хорошо понимаешь....

БЕРНАРЪ.

Однако жъ....

Г-жа Сюрвилль.

А то, что у тебя вѣчно дѣла, и что ты почти не живешь дома.

БЕРНАРЪ (про себя).

Да съ нею просто бѣда.... (ей.) Послушай, сестра! Ты монхъ дѣлъ не можешь знать и не должна въ нихъ мѣшаться. Мы съ тобою всегда дружно жили, и я прошу тебя не ссориться со мною и на будущее время.... я живу какъ хочу и какъ мнѣ нравится; ни для кого въ свѣтѣ не перемѣню образа жизни.... раз-

въ самъ увижу, что въ этомъ предстоитъ особенная надобность....

Г-жа Сюрвилль.

Ну, такъ эта-та надобность теперь и наступила.

БЕРНАРЪ.

Какая? въ чемъ? Ты меня обвиняешь безъ малѣйшихъ доказательствъ. Ты знаешь, что я банкиръ, и ссорокъ того имѣю финансовыя дѣла съ самими Правительствомъ.... Мудрено ли же, что я всякій день долженъ быть въ обществѣ тѣхъ людей, которые мнѣ могутъ быть полезны?...

Г-жа Сюрвилль.

Развѣ ты щещь себя мѣста?

БЕРНАРЪ.

Очень можетъ быть.... Я, конечно, богатъ... но почему же не возвыситься и съ политической стороны.... если не для себя, такъ для своего потомства.

Г-жа Сюрвилль.

У тебя нѣтъ дѣтей.

БЕРНАРЪ.

Такъ еще могутъ быть и будутъ.

Г-жа Сюрвилль.

Очень дальновидная заботливость отеческаго сердца!... Въ такомъ случаѣ, надобно подумать и о приличномъ союзѣ для дѣтей твоихъ.... Напримеръ, что ты скажешь о дочери Г-жи Дерфель?

БЕРНАРЪ.

Какой дочери? у нея и дѣтей нѣтъ....

Г-жа Сюрвилль.

Ну, такъ я думаю, что старшаго твоего сына можно бы женить на ея будущей дочери....

БЕРНАРЪ.

Э, сестра! Какая пустая шутка....

Г-жа Сюрвилль.

Ты ее заслуживаешь.... Напрасно ты мнѣ насказала тутъ множество фразъ, которыя ровно не доказываютъ ничего....

Меня не легко обмануть.... я все вижу.... и откровенно скажу тебѣ, что если твой образъ жизни тебѣ очень нравится, то послѣдствія не совсѣмъ тебѣ будутъ пріятны.

БЕРНАРЬ.

Какія? Что это значить?

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Съ тѣмъ, кто живетъ внѣ своего семейства, рано или поздно должно случиться несчастье.... Женщины вовсе не такъ слабы, какъ ихъ описываютъ, однако же, чтобъ противиться всѣмъ обольщеніямъ большаго свѣта, ихъ непременно должно поддерживать, ободрять... Для этого созданы мужья. Ихъ долгъ именно въ томъ и состоитъ, чтобъ самую обязанность женщинъ сдѣлать для нихъ пріятною.... Иначе онѣ должны ожидать *всего*.... и не удивляться *ничему*.

БЕРНАРЬ.

Если я тутъ что нибудь понимаю...

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Подумай однако .. Ты вѣдь такъ прощителевъ....

БЕРНАРЬ.

Да я и понять-то не смѣю...

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Напрасно...

БЕРНАРЬ.

Послушай.... Твои слова ужъ не шутка.... Развѣ жена моя?...

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Кто тебѣ говорить объ этомъ? Я указываю только на опасность, а существуетъ ли она?...

БЕРНАРЬ.

Нѣтъ! говори ясно и откровенно...

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Я дала слово, и никогда съ тобою иначе не говорю....

БЕРНАРЬ.

Увѣрена ли ты... что... что опасности нѣтъ ни какой?

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Теперь еще нѣтъ....

БЕРНАРЬ.

Такъ она близка?

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Можетъ быть.

БЕРНАРЬ.

Ради Бога! скажи, открой мнѣ все. Лучше самая ужасная истина, нежели печальная неизвѣстность.... Что ты замѣтила? Что узнала? Кто осмѣлился?...

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Въ особенности еще никто.... но есть много....

БЕРНАРЬ.

Много?

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Это-то и должно успокоить тебя. Покуда у женщины много обожателей, до тѣхъ поръ она безопасна... Но какъ скоро *одинъ*...

БЕРНАРЬ.

И тожъ! этотъ *одинъ*?

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Покуда еще скрывается... по берегись... ты самъ будешь виноватъ, если изъ всей толпы обожателей отдѣлится одинъ и непримѣтно овладѣетъ сердцемъ...

БЕРНАРЬ.

Да это ужасно!

Г-жа СЮРВИЛЬ.

А кто виноватъ?

БЕРНАРЬ.

Ужъ вѣрно не я! развѣ я подаю чѣмъ нибудь поводъ?...

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА.

Письма съ городской почты...

Кн. XIV — 6

Бернаръ.

Хорошо... Ступай... *(слуга уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Г-жа Сюрвилль и Бернаръ.

Г-жа Сюрвилль.

Мы, кажется, остановились на томъ, что ты, съ своей стороны, не подалъ ни малѣйшаго повода...

Бернаръ.

Разумѣется, и готовъ сдѣлать все, чтобъ убѣдить тебя въ этомъ...

Г-жа Сюрвилль.

Въ самомъ дѣлѣ?

Бернаръ.

Какое же тутъ сомнѣніе?

Г-жа Сюрвилль.

Берегись, чтобъ не отказаться...

Бернаръ.

Что за вздоръ!

Г-жа Сюрвилль.

Ну, да хочешь ли, я предложу тебѣ самое назначущее испытаніе.. Вотъ у тебя съ полдюжины писемъ съ городской почты... Дай мнѣ одно, изъ нихъ.. на удачу, безъ выбора...

Бернаръ.

Что за мысль...

Г-жа Сюрвилль.

Развѣ оно для тебя опасно?...

Бернаръ.

Ни чуть... но это все дѣловыя письма...

Г-жа Сюрвилль.

Тѣмъ лучше для тебя...

Бернаръ *(прячетъ одно письмо, про себя)*.

Ай! это отъ Мины...

Г-жа Сюрвилль.

Чтожъ? хоть изъ остальныхъ...

Бернаръ.

Какихъ остальныхъ?... *(про себя)* Она

замѣтила... Циркуляръ изъ Комитета Национальной Гвардіи... вѣтъ это можно.... *(ей)* Да возьми, Боже мой! мнѣ право все равно... я въ себѣ слишкомъ увѣренъ....

Г-жа Сюрвилль *(береть)*.

Кажется женская рука...

Бернаръ *(про себя)*.

Ужъ не ошибся ли я?...

Г-жа Сюрвилль *(читаетъ)*.

Комитетъ Национальной Гвардіи...»

Бернаръ *(про себя)*.

Слава Богу!

Г-жа Сюрвилль.

Случай помогъ тебѣ... ты торжествуешь...

Бернаръ.

Какая ты смѣшная... Да вотъ возьми всѣ остальные...

Г-жа Сюрвилль *(прочла про себя)*.

Нѣтъ! мнѣ и этого довольно... послушай, что къ тебѣ пишутъ.

«Комитетъ Национальной Гвардіи проситъ Г. Бернара пожаловать завтра въ 10 часовъ въ собраніе, чтобъ дать отчетъ: по какой причинѣ онъ оставилъ свой постъ въ прошедшую Субботу, 30-го числа.»

Бернаръ *(про себя)*.

Я попался.

Г-жа Сюрвилль.

Что скажешь на это, братецъ?

Бернаръ.

Этѣ очень просто... я былъ приглашенъ въ этотъ день. У насъ былъ большой завтракъ...

Г-жа Сюрвилль.

Въ полночь?

Бернаръ.

Ужинъ, хотѣлъ я сказать...

Г-жа Сюрвилль.

Ну, Богъ съ тобою!.. я не хочу пользоваться твоимъ замѣшательствомъ... но повторяю тебѣ мой дружескій совѣтъ:

ници впередъ такихъ удовольствій, въ которыхъ бы и жена твоя могла участвовать, и тогда ей не трудно будетъ преодолѣть всѣ опасности, которымъ она подвергается....

Бернаръ.

О! увѣрю тебя, что съ этой минуты я буду смотрѣть за нею... Ты увѣрена, однако жъ, что *теперь* нѣтъ никого..

Г-жа Сюрвиль.

Никого еще... но смотри не опоздай...

Бернаръ.

Твои слова очень загадочны...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и слуга.

Слуга (къ Г-жѣ Сюрвиль).

Г. Сенъ-Ламберъ приказалъ спросить можетъ ли онъ васъ видѣть?

Г-жа Сюрвиль.

Сенъ-Ламберъ!...

Бернаръ.

Разумѣется... проси! (слуга уходитъ).

Вотъ мило, и старые обожатели явятся опять... Это хорошій знакъ; сестра... Ну, я васъ оставляю... и пойду подумаю о нашемъ теперешнемъ разговорѣ... Ты меня совершенно разстроила... Право, есть вещи, которыхъ никогда бы не должно было говорить мужьямъ (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Г-жа Сюрвиль и Сенъ-Ламберъ.

Г-жа Сюрвиль (про себя).

Боюсь измѣнить себя...

Сенъ-Ламберъ.

Посѣщеніе мое, вѣрно васъ удивило...

Г-жа Сюрвиль.

Признаюсь, было время, когда я ждала васъ... но сегодня... это мнѣ сюрпизъ...

Сенъ-Ламберъ.

Извините меня, если онъ непріятель.. Могу только увѣрить васъ, что я не о себѣ пришелъ говорить съ вами...

Г-жа Сюрвиль (съ упрекомъ).

Сенъ-Ламберъ!...

Сенъ-Ламберъ.

Виновать!... Входя сюда, я далъ себѣ слово не упоминать о прежнемъ... Зачѣмъ вспоминать о томъ, что вамъ непріятно...

Г-жа Сюрвиль.

Однако же, вы съ этого начали...

Сенъ-Ламберъ.

Тысячу разъ виновать... Я сейчасъ поправлю мою ошибку... Я принесъ вамъ пріятную новость... Вы интересуетесь объ участи молодаго Артура...

Г-жа Сюрвиль.

Кто вамъ сказалъ?...

Сенъ-Ламберъ.

Вы хлопотали черезъ вашихъ друзей объ опредѣленіи его къ видному мѣсту... по до сихъ поръ всѣ ходатайства былъ бесполезны. Вчера дядя мой сдѣланъ Министромъ, и я почелъ первою обязанностію исполнить ваше желаніе, хотя вы мнѣ о немъ говорили ни слова. Артуръ назначенъ начальникомъ отдѣленія...

Г-жа Сюрвиль.

Возможно ли? И вамъ онъ обязанъ своимъ счастіемъ?...

Сенъ-Ламберъ.

Не мнѣ, а вамъ... Вы о немъ вездѣ просили...

Г-жа Сюрвиль.

А вы такъ великодушно исполнили, и сами пріѣхали объявить мнѣ объ успѣхѣ моихъ просьбъ...

Сенъ-Ламберъ.

Не приписывайте мнѣ большаго достоинства въ этомъ поступкѣ. Не для того, чтобъ сказать вамъ объ опредѣленіи Артура, явился я къ вамъ, а единственно для того, чтобъ васъ въ послѣдній разъ видѣть и съ вами проститься..

Г-жа Сюрвилль.

Что это значитъ?

Сень-Ламберъ.

Завтра я уѣзжаю...

Г-жа Сюрвилль.

Куда?

Сень-Ламберъ.

Далеко отъ моего отечества и отъ васъ... я выпросилъ себѣ мѣсто секретаря при посольствѣ въ Швецію... и имѣю приказаніе отправиться туда...

Г-жа Сюрвилль (съ жаромъ).

Нѣтъ! это невозможно! Вы не уѣдете! Вы не должны ѣхать...

Сень-Ламберъ.

Это мой долгъ.

Г-жа Сюрвилль.

Нѣтъ! если вы когда нибудь меня любили...

Сень-Ламберъ.

О! можете ли вы сомнѣваться въ этомъ?

Г-жа Сюрвилль.

Нѣтъ! я никогда не сомнѣвалась... И теперь, именовъ этой любви, я прошу, требую у васъ послѣдней жертвы въ пользу Артура... Откажетесь вы мнѣ?

Сень-Ламберъ.

Ни въ чемъ! Говорите: что я долженъ дѣлать?

Г-жа Сюрвилль.

Сейчасъ же отказаться отъ этого мѣста, которое васъ принуждаетъ уѣхать отсюда, и выпросить его у вашего дядюшки для Артура...

Сень-Ламберъ.

Для Артура?... Но подумайте: тогда онъ долженъ будетъ оставить васъ...

Г-жа Сюрвилль.

Но за то вы останетесь...

Сень-Ламберъ.

Что я слышу? ради Бога, объясните мнѣ... Скажите одно слово... я такъ дол-

го, такъ много страдалъ, что не смѣю вѣрить своему счастью.

Г-жа Сюрвилль.

Виновата ли я, что вы не поняли моего сердца, что вы сомнѣвались въ немъ?

Сень-Ламберъ.

О! я виновата! обремените меня всеми возможными упреками... Я ихъ вполне заслужилъ... Но я такъ жестоко страдалъ, что заслуживаю и прощенія...

Г-жа Сюрвилль.

Съ условіемъ, что вы исполните мою просьбу... Время дорого... Поѣзжайте сейчасъ къ дядюшкѣ, и упросите его. Я васъ жду съ отвѣтомъ...

Сень-Ламберъ.

Но вы скоро поѣдете на балъ... Гдѣ же я васъ увижу?...

Г-жа Сюрвилль.

О! я найду предлогъ, чтобъ остаться...

Сень-Ламберъ.

Для меня?

Г-жа Сюрвилль.

Для насъ обоихъ. Поѣзжайте же и воротитесь скорее... потому что мнѣ много надобно говорить съ вами... До свиданія...

Сень-Ламберъ (цѣлуетъ ея руку).

Сейчасъ ворочусь. (Она уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Сень-Ламберъ одинъ.

Не могу опомниться! Не могу прийти въ себя! Меня любятъ! Я долженъ остаться, а Артура усылаютъ... Артура, въ которомъ я до этой минуты видѣлъ счастливаго соперника, для котораго меня видимому бросили... Какой я былъ безумный!... И я могъ подумать... Но какъ же объяснить всѣ ея поступки?... видимое ея предпочтеніе Артуру?... Развѣ это бы-

ло испытаніе? Развѣ она только хотѣла подстрекнуть любовь мою и сдѣлать меня ревнивымъ?... Нѣтъ! сердце ея неспособно къ такой ничтожной хитрости... Мнѣ, однако же, надобно исполнить ея волю... ѣхать къ дядюшкѣ... Онъ черезъ полчаса будетъ дома... (увидя Артура.) Что я вижу? Артуръ! И можетъ статься былъ у нее?...

ЯВЛЕНІЕ XV.

Артуръ и Сень-Ламберъ.

Артуръ.

Проклятая сестрица! Это настоящій демонъ... Надо было ей войти въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ начать объясненіе... (увидя Сень-Ламбера) Что это? Вы, Сень-Ламберъ?...

Сень-Ламберъ.

Чтожъ васъ удивляетъ?

Артуръ.

Да васъ нынче такъ рѣдко видно... А я давно собирался объяснитьсь съ вами.

Сень-Ламберъ.

О чемъ?

Артуръ.

Вы были влюблены въ Г-жу Сюрвилль... и вдругъ вамъ показалось, что я вашъ соперникъ!...

Сень-Ламберъ.

Развѣ я не правъ?

Артуръ.

Совершенно не правъ... Это такая ошибка...

Сень-Ламберъ.

Но все, что я видѣлъ...

Артуръ.

Рѣшительно ничего не значило...

Сень-Ламберъ.

Однако же, весь городъ говоритъ, что вы ея женихъ...

Артуръ.

Весь городъ съ ума сошелъ...

Сень-Ламберъ.

И вы ее не любите?...

Артуръ.

И не думалъ.

Сень-Ламберъ.

А она!

Артуръ.

Она!... это дѣло другое...

Сень-Ламберъ.

Вотъ видитель...

Артуръ.

Да! потому что она меня терпѣть не можетъ.

Сень-Ламберъ.

Возможно ли? (обнимаетъ его) Милый Артуръ!

Артуръ.

А! это вамъ нравится!...

Сень-Ламберъ.

Если бѣ вы знали!...

Артуръ.

Я все знаю... Когда я познакомился съ этимъ домомъ, то видѣлъ, что вы безъ ума влюблены въ Адель... Вдругъ вы замѣтили, что я сталъ ходить сюда каждый день... что Адель очень ласково говоритъ со мною, и вообразили...

Сень-Ламберъ.

Да какъ же не вообразить?... Зачѣмъ же вы сюда такъ часто ходили?

Артуръ.

Только вамъ однимъ и мудро было догадаться... (Тихо ему) Послушайте, если молодой человекъ ходитъ всякій день въ такой домъ, гдѣ двѣ женщины, и если онъ одну изъ нихъ не любитъ, то, какъ вы думаете... что это значитъ?

Сень-Ламберъ.

Какъ? неужели Г-жа Бернаръ?...

Артуръ.

Тише, молчите...

Сень-Ламберъ.

Но мужъ ея?.. —

АРТУРЪ.

Мы съ нимъ наилучшіе друзья.. Притомъ же, онъ какъ и вы, тоже воображаетъ, что я влюбленъ въ Г-жу Сюрвилъ, которая всѣми силами старается отвлечь отъ Каролины всякое подозрѣніе, а въ то же самое время употребляетъ всѣ усилія, чтобъ мѣшать мнѣ въ малѣйшемъ предпріятіи сблизиться съ Каролиною.... Вотъ и теперь... я ужь было совсѣмъ рѣшился начать объясненіе, вдругъ Адель вошла и помѣшала.... Тише... вотъ и мужь.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Бернаръ.

Бернаръ (*не видя ихъ*).

Давишій разговоръ съ сестрою не выходитъ у меня изъ головы... (*Увидя Сенъ-Ламбера*). А! вотъ новость! любезный Сенъ-Ламберъ! Изъ какой планеты вы воротились?...

Сенъ-Ламберъ.

Я очень виноватъ передъ вами.... Но были такія обстоятельства....

Бернаръ.

Если какія нибудь неудачи въ любви встрѣтили васъ, то дружба всегда имѣла право васъ утѣшить....

Сенъ-Ламберъ.

Виноватъ.... Увѣрю васъ, что этого впередъ не случится....

Бернаръ.

Въ такомъ случаѣ, дайте руку, и все забыто.

Сенъ-Ламберъ.

А чтобъ поправить все прошедшее.... позвольте мнѣ удалиться.... Одна особа дала мнѣ приказаніе, и я спѣшу его исполнить.... Вѣроятно всѣ будутъ довольны моимъ стараніемъ.... Черезъ полчаса, я явлюсь къ вамъ....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Бернаръ и Артуръ.

Бернаръ.

Что это значить? Куда онъ спѣшитъ? Кто ему далъ приказаніе?...

Артуръ.

Не понимаю.... Развѣ какія нибудь приготовленія къ свадьбѣ?...

Бернаръ.

Къ чьей?

Артуръ.

Къ своей. Я объявилъ ему сейчасъ, что отказываюсь отъ руки Г-жи Сюрвилъ.... и онъ въ такомъ былъ восторгѣ... Вѣрно онъ спѣшитъ сдѣлать формальное предложеніе....

Бернаръ.

И я очень буду радъ.... Повторю вамъ, милый Артуръ, что вы бы пропали съ этою женщиною....

Артуръ.

Отъ чего же? развѣ что случилось?... Вы не поссорились ли?

Бернаръ.

О нѣтъ!... однако же.... она меня такъ разстроила....

Артуръ.

Чѣмъ же?

Бернаръ.

Знаете ли, что она мнѣ сказала?..

Артуръ.

Вы меня пугаете....

Бернаръ.

Вы мой лучшей другъ, и вамъ я могу все сказать.... Но никто въ свѣтѣ не долженъ знать этого....

Артуръ.

Что же она вамъ сказала?..

Бернаръ.

Что будто Каролина... любитъ другаго....

Артуръ.

Боже мой!

БЕРНАРЪ.

Чего вы испугались?... Развѣ и вы что нибудь слышали?

АРТУРЪ.

Я?... Нѣтъ!... по я такъ изумленъ.... Это такая ложь...

БЕРНАРЪ.

Не правда ли?... Вы вѣдь всякій день съ ними.... Вы вездѣ бываете, куда онѣ объѣзжаютъ... вы бы вѣрно знали.... Не правда ли, что это ложь, клевета.... Благодарю васъ! Вы меня успокоили, вы меня утѣшили, вы облегчили мое сердце.... Какъ я вамъ обязанъ!

АРТУРЪ (*про себя*).

Я едва самъ себя не измѣнилъ.... (*Ему*). О! вы совершенно можете быть покойны.... Я бы навѣрное зналъ.... Притомъ же вашъ благородный характеръ....

БЕРНАРЪ.

Конечно... я не изъ тѣхъ мужей, которые приходятъ въ отчаяніе отъ подобнаго несчастія.... Я ни стрѣляться не буду, ни, вѣрно, не застрѣлюсь самъ... Однако же все это неприятно, грустно.... Мысль эта самая несносная, безпокойная....

АРТУРЪ.

Конечно.... болѣе всего страдаетъ тутъ самолюбіе....

БЕРНАРЪ.

Богъ знаетъ!... Конечно, я въ такихъ отношеніяхъ съ женою.... мы рѣдко видимся.... Я самъ кой въ чемъ виноватъ... и, признаюсь, надобно будетъ нѣсколько перемѣнить родъ жизни.... сблизиться съ женою... Она, право, заслуживаетъ всю мою заботливость и попеченія... Не правда ли?

АРТУРЪ.

О! безъ сомнѣнія! (*Про себя*). Очень нужно!

БЕРНАРЪ.

Я печально нашелъ сейчасъ ея портретъ... поглядѣлъ... подумалъ... а вѣдь она право не дурна!...

АРТУРЪ.

Да! конечно...

БЕРНАРЪ.

Какъ конечно!... Ужъ вѣрно лучше Г-жи Сюрвилъ...

АРТУРЪ.

Вотъ въ этомъ я, разумѣется, не могу съ вами согласиться...

БЕРНАРЪ.

Да! потому что вы влюблены въ Адель...

АРТУРЪ.

Можетъ быть...

БЕРНАРЪ.

А какой прекрасный нравъ...

АРТУРЪ.

Вы иногда жаловались на капризы...

БЕРНАРЪ.

Да развѣ женщина можетъ быть безъ капризовъ? Въ этомъ-то главная ихъ прелесть.

АРТУРЪ (*про себя*).

Чудакъ! Онъ пожалуй влюбится въ жену свою.

БЕРНАРЪ.

Она вѣрно чувствовала, что я во многомъ передъ нею виноватъ, однако же, не сказала мнѣ никогда ни одного упрека... Да! рѣшено! Съ этой минуты я перемѣню весь образъ жизни...

АРТУРЪ (*про себя*).

Очень худо!

БЕРНАРЪ.

Вы не одобряете моей рѣшимости?

АРТУРЪ.

Напротивъ...

БЕРНАРЪ.

Право, я самъ не знаю, что дѣлать... Давеча я получилъ записку... Вы знаете отъ кого...

АРТУРЪ.

Отъ Миши... Что же?

БЕРНАРЬ.

Да, я почти рѣшаюсь не ѣхать на свиданіе...

АРТУРЬ.

Не мое дѣло уговаривать васъ... но я боюсь, чтобъ не показалось страннымъ...

БЕРНАРЬ.

Вы тоже правы... Оставьте Миню безъ всякой причины... Всѣ будутъ надо мною смѣяться...

АРТУРЬ.

Такъ какъ же вы поступите сегодня вечеромъ?...

БЕРНАРЬ.

Да я сперва поѣду къ Минѣ... притворюсь, что у меня голова болитъ, и тотчасъ же прискачу на балъ къ Г-жѣ Дерфель...

АРТУРЬ.

Развѣ вамъ сказали, что на этомъ балѣ?...

БЕРНАРЬ.

Нѣтъ! ничего вѣрнаго!... Но если это правда?... Если въ мое отсутствіе...

АРТУРЬ.

Положитесь на меня... Я не отойду отъ Г-жи Бернарь.

БЕРНАРЬ.

Благодарю васъ, любезный Артуръ... Я точно могу быть спокоенъ...

АРТУРЬ.

Поѣду же переодѣваться... До свиданія... (Про себя). Дѣла-то поправляются...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

БЕРНАРЬ (одинъ).

БЕРНАРЬ.

Добрый Артуръ... Я могу на него положиться... Онъ замѣнитъ меня на этомъ балѣ... Если бѣ, однако, жена согласилась вовсе не ѣхать... Это было бы го-

раздо вѣрнѣе... Вотъ и она... и совсѣмъ уже одѣта... Все пропало... Ни какой нѣтъ возможности удержать ее... Попробую однако... Можетъ быть и удасться!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Г-жа БЕРНАРЬ, БЕРНАРЬ.

БЕРНАРЬ.

Ахъ! это ты, моя милая; а я было думала, что ужъ ты уѣхала на балъ.

Г-жа БЕРНАРЬ.

Да, я давно ужъ и хотѣла уѣхать... только сегодня всѣ кажется сговорились, чтобъ бѣсить меня. Всѣ слуги едва двигаются, горничная вяла и неповоротлива, даже Адель ужасно капризна!

БЕРНАРЬ.

Неужели!

Г-жа БЕРНАРЬ.

Вообразите, въ ту самую минуту, какъ я уже одѣлась, чтобъ ѣхать, сестрица ваша стала утверждать, что гораздо лучше, если бѣ мы остались дома, и серьезно убѣждала меня не ѣхать на балъ, потому только, что вы не поѣдете съ нами...

БЕРНАРЬ.

Въ самомъ дѣлѣ...

Г-жа БЕРНАРЬ.

Пресмѣшная причина!... Какъ будто мы всякій день не ѣздимъ безъ васъ.

БЕРНАРЬ.

Конечно... однако же...

Г-жа БЕРНАРЬ.

Я битые полчаса спорила съ нею, и не могла переспорить.. а какъ, обыкновенно, каждый споръ кончается тѣмъ, что вслѣдъ остается при своемъ мнѣніи, то она, чтобъ убѣдить меня, рѣшилась остаться дома, а я, чтобъ доказать ей, что я права, ѣду одна. Прощайте...

БЕРНАРЬ.

Постой на минуту...

Г-жа Бернаръ.

Что еще?... говорите скорѣе....

Бернаръ.

Мнѣ очень досадно, что ты поспорила съ сестрою.... тѣмъ болѣе, что ты всегда такая добрая и кроткая....

Г-жа Бернаръ.

По этому-то я и права всегда....

Бернаръ.

Конечно, и въ этомъ случаѣ... я нахожу, что нѣтъ ничего неприличнаго въхатъ тебѣ и безъ меня, и даже безъ нее....

Г-жа Бернаръ.

Ну, я то же говорила.

Бернаръ.

Да мнѣ досадно, что вы поссорились изъ-за такой пустой вещи....

Г-жа Бернаръ.

И не думали ссориться. Завтра все между нами будетъ попрежнему, и я даже увѣрена, что Адель первая придетъ и обвинитъ меня. (*Хочетъ уйти.*)

Бернаръ (*удерживаетъ ее*).

Послушай, однако же, милый другъ... Развѣ нельзя и тебѣ доказать ей доброту своего сердца? Неужели тебѣ такъ дорого стоитъ привести подобную жертву?

Г-жа Бернаръ.

Какъ? остаться? Невозможно!

Бернаръ.

Неужели тебѣ такъ весело будетъ на этомъ балѣ?...

Г-жа Бернаръ.

О Боже мой, совсѣмъ нѣтъ! я поѣду туда только для того, чтобъ разсѣяться, чтобъ отдохнуть.... Этотъ шумъ, это движеніе какъ будто вознаграждаютъ меня за скуку и однообразность моей жизни....

Бернаръ (*про себя*).

Какъ грустно слышать подобныя слова!.. (*ей, съ нѣжностію.*) Послушай, однако же, милая Каролина!...

Г-жа Бернаръ.

Каролина?... А знаете ли, что со дня нашей свадьбы, вы еще только третій разъ называли меня этимъ именемъ.

Бернаръ.

Это оттого, что мы такъ рѣдко бываемъ одни.

Г-жа Бернаръ.

Кто же въ этомъ виноватъ?

Бернаръ.

Развѣ бы ты хотѣла, чтобъ я всегда тебя такъ звалъ?

Г-жа Бернаръ.

Я съ малолѣтства привыкла думать, что кто меня такъ называетъ, тотъ дружески ко мнѣ расположенъ.... и когда я отъ васъ это слышу....

Бернаръ.

То можешь быть совершенно увѣрена, что это говорить тебѣ самый искренній и нѣжный другъ твой....

Г-жа Бернаръ.

Этакъ вы увѣрите меня въ своей нѣжности и любви....

Бернаръ.

Кто жъ ее больше твоего заслуживаетъ?...

Г-жа Бернаръ.

Въ свѣтъ не всѣ тѣ *получаютъ*, которые *заслуживаютъ*....

Бернаръ.

Каролина!...

Г-жа Бернаръ.

Другъ мой....

Бернаръ.

Послушай.... Самое важное дѣло принуждаетъ меня уѣхать.... но я оторвусь отъ всѣхъ дѣлъ, и тотчасъ же ворочусь... Если бъ ты согласилась остаться.... не для сестры моей.... но для меня, то мы бы провели весь вечеръ вмѣстѣ, какъ искренніе друзья, какъ нѣжные супруги, которые жертвуютъ всѣми свѣтскими удо-

вольствіями, чтобъ доказать другъ другу любовь свою... Я, съ моей стороны, искренно, отъ всей души, желаю, чтобъ мы всегда такъ жили... Хочешь ли, Каролина?

Г-жа БЕРНАРЬ.

О! разумѣется! отъ всего сердца...

БЕРНАРЬ (*про себя*).

Она останется.

Г-жа БЕРНАРЬ.

И готова начать съ завтрашняго дня!

БЕРНАРЬ.

Какъ, съ завтрашняго дня? А сегодня?

Г-жа БЕРНАРЬ.

Сегодня, это невозможно. Это бы значило сознаться, что я была неправа... притомъ же я обѣщала Артуру, что тотчасъ же приѣду... ну, а понимаете, если я останусь, то бѣдняжка соскучится въ этой толпѣ людей... (*Идетъ къ столу и звонитъ*).

БЕРНАРЬ.

Какъ? такъ ты ѣдешь только для Артура?

Г-жа БЕРНАРЬ (*служъ, котрый входитъ*).

Вели подать карету...

БЕРНАРЬ.

И ты рѣшительно ѣдешь?

Г-жа БЕРНАРЬ.

Непремѣнно, но я черезъ часъ вернусь, а можетъ быть и ранѣе... Можетъ быть я васъ еще буду дожидаться...

БЕРНАРЬ.

Послушай, однако...

Г-жа БЕРНАРЬ.

До свиданія... Прощайте. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ XX.

БЕРНАРЬ (*одинъ*).

Она уѣхала!... О женщины, женщины! Онѣ всегда одинаковы! Минутное удовольствіе, вотъ ихъ кумирь, которому онѣ

всѣмъ на свѣтѣ жертвуютъ... (*садится*.)
О чемъ же я однако такъ беспокоюсь?... Сестра хотѣла поугубить меня... Я знаю Каролину... Она никогда не нарушитъ своего долга... И что можетъ случиться на этомъ балѣ? Артуръ обѣщаль мнѣ, что не отойдетъ отъ нее ни на шагъ... и я могу на него положиться... Вотъ истинная дружба! Какъ онъ ко мнѣ привязан! Какъ онъ неотлучно слѣдуетъ за женою... (*вскакиваетъ*.) Боже мой! Какая мысль! Что если это онъ!... Нѣтъ!... Быть не можетъ! Я очень хорошо знаю, что онъ влюбленъ въ сестру... Однако же, онъ сказалъ мнѣ, что уступилъ ее Сень-Ламберу... Это не натурально!... Да! Нѣтъ сомнѣнія! Я обманутъ!... Любовь къ сестрѣ моей была одна выдумка, чтобъ вѣрнѣе обмануть меня... А я, глупый и довѣрчивый мужъ, я очертилъ голову, далъ себя водить за носъ, какъ школьникъ... Ахъ! я старый оселъ!... И этотъ молокососъ думаетъ, что я изъ числа тѣхъ мужей, которые смотрятъ на все это сквозь пальцы!... Нѣтъ, мой милый! ты ошибся, жестоко ошибся! и я тебѣ сейчасъ же докажу это... (*Быстро уходитъ, не видя Сень-Ламбера, который въ это время входитъ въ среднюю дверь, а Г-жа Сюрвиль съ лѣвой стороны*.)

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Г-жа СЮРВИЛЬ и СЕНЬ-ЛАМБЕРЬ.

СЕНЬ-ЛАМБЕРЬ.

Что здѣсь случилось? Братъ вашъ какъ бѣшеный бросился отсюда.

Г-жа СЮРВИЛЬ.

Не знаю... меня здѣсь не было... (*про себя*) я трепещу... ужъ не узналъ ли онъ! (*Сень-Ламберу*) Ну, что? были вы у дядюшки?

СЕНЬ-ЛАМБЕРЬ.

Все кончено и все удалось... Артуръ получить завтра предписаніе къ отъѣзду.

Г-жа Сюрвилль.

— Слава Богу, и моя роль окончится... Я этимъ буду самъ обязана...

Сенъ-Ламберъ.

Почему же вы ранѣе не сказали мнѣ?..

Г-жа Сюрвилль.

— Это не моя тайна...

Сенъ-Ламберъ.

Это правда... Но не вините же и меня.. Могъ ли я догадаться? Какая женщина въ свѣтъ рѣшится на такое пожертвованіе... Вы такъ холодны были со мною, а съ Артуромъ такъ ласковы и нѣжны... О! это было жестокое заблужденіе, и надобно имѣть доброту вашего сердца, чтобъ простить меня...

Г-жа Сюрвилль.

— Забудемъ все прошедшее... Будущее утѣшитъ насъ... и вотъ вамъ мой залогъ... (подаетъ ему руку).

Сенъ-Ламберъ.

Это верхъ моего блаженства!

Г-жа Сюрвилль.

— Постоите...

Сенъ-Ламберъ.

Кто-то подѣхалъ...

Г-жа Сюрвилль (бѣжитъ къ окну).

Это Каролина... Съ нею Артуръ... Мнѣ надобно съ ними поговорить... Войдите въ этотъ кабинетъ.. я васъ скоро позову. (Сенъ-Ламберъ входитъ въ кабинетъ Бернара.) Они идутъ.. Спрячусь за это зеркало... Я все узнаю...

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Г-жа Бернаръ, Артуръ и (за зеркаломъ)

Г-жа Сюрвилль.

Г-жа Бернаръ.

Я больше ничего не хочу слышать... Оставьте меня!

Артуръ.

О, ради Бога, выслушайте меня...

Г-жа Бернаръ.

Что еще осмѣлитесь вы сказать? Послѣ обиднаго вашего признанія вы потеряли все право на мое уваженіе и довѣренность... Я не хочу ни видѣть васъ, ни слышать...

Артуръ.

Могу ли я васъ оставить въ эту минуту не вымоля у васъ прощенія за безумную мою любовь?...

Г-жа Бернаръ.

Опять?...

Артуръ.

Я виноватъ... Но кто же можетъ видѣть васъ, не почувствовавъ сильнѣйшей страсти... Я такъ былъ обманутъ, такъ ослѣпленъ, что смѣлъ думать.. что вы знаете мои чувства и не отвергали ихъ..

Г-жа Бернаръ.

Что вы говорите...

Артуръ.

Вы были такъ добры, ласковы... всегда такъ радовались, когда я являлся, огорчались, когда уходилъ... я воображалъ, что тайное сочувствіе соединяетъ наши души... что вы...

Г-жа Бернаръ.

Еще разъ повторяю вамъ, перестаньте!

Артуръ.

Хоть взгляните на меня.. (на кольяхъ) Я у ногъ вашихъ умоляю...

Бернаръ (за кулисами).

Какъ? онъ здѣсь?

Г-жа Бернаръ.

Это мой мужъ! Я погибла.

Артуръ (идетъ къ средней двери).

— Успокойтесь, ради Бога! Вы сами себя измѣняете...

Г-жа Бернаръ (про себя).

О! уйдемъ, уйдемъ отсюда..

(Она уходитъ. Артуръ не замѣчаетъ этого. Г-жа Сюрвилль выходитъ изъ за зеркала, и онъ принимаетъ ее за Г-жу Бернаръ).

Артуръ.

Уйдите! скройтесь...

Г-жа Сюрвилль (про себя).

Онъ меня принимаетъ за Каролину...
(опускается въ кресла, отворотившись отъ Артура).

Артуръ.

Боже мой! Она лишается чувствъ, что мнѣ дѣлать? Вотъ и мужъ! (становится передъ нею, стараясь закрыть ее).

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Г-жа Сюрвилль, Артуръ, Бернаръ.

Бернаръ (подходитъ къ нему).

Вашъ часъ, мѣсто и оружіе?

Артуръ.

Что это значитъ?

Бернаръ.

Вы меня не понимаете!

Артуръ.

Развѣ вы не вѣрите моей дружбѣ?

Бернаръ.

О! да! я васъ понялъ! Кто обольщаетъ жену, тотъ дружится сперва съ мужемъ.

Г-жа Сюрвилль (про себя).

Онъ все знаетъ!

Бернаръ.

Но вы мнѣ за эту гнусную измѣну заплатите своею кровью...

Артуръ.

Кто вамъ сказалъ? Это клевета! Это жестокая ошибка!... Клянусь вамъ...

Бернаръ.

Что, небойсь! Вы были влюблены въ сестру мою...

Г-жа Сюрвилль (держитъ Артура и тихо ему).

Скажите, что да!

Артуръ.

Вы это очень хорошо знаете, и я увѣрю васъ...

Бернаръ.

Да я-то ужъ не вѣрю вамъ. Все это былъ обманъ, заговоръ... Вы вкрались въ домъ мой, въ мою довѣренность, дружбу, чтобъ вѣрнѣ достигнуть гнусной своей цѣли...

Г-жа Сюрвилль (тихо Артуру).

Не теряйте присутствія духа... продолжайте свои увѣренія...

Артуръ.

Еще разъ повторяю вамъ, что вы неправы... Вы, кажется, забыли всѣ наши разговоры... Если бъ я въ самомъ дѣлѣ и имѣлъ ту цѣль, которую вы предполагаете, то вы же увѣрили меня, что это въ свѣтъ всегда такъ водится...

Бернаръ.

Это ужъ слишкомъ...

Артуръ.

Вы сами говорили, что любовникъ жены всегда бываетъ лучшимъ другомъ мужа...

Бернаръ.

Развѣ я о себѣ, сударь, говорилъ?

Артуръ.

Для меня-то ваши слова были общимъ правдомъ...

Бернаръ.

Такъ вы сознаетесь?... (увидя плащъ Г-жи Сюрвилль) Что я вижу? жена моя?

Артуръ (про себя).

Я погибъ.

Бернаръ.

И она въ обморокѣ! Что это значитъ? Что здѣсь было?

Артуръ.

Повѣрьте, что ничего такого.

Бернаръ.

Нѣтъ! я хочу все знать...

Артуръ.

Но, успокойтесь, ради Бога! вы виѣ себя...

Бернаръ.

Я никого не пощажу... (съ бѣшенствомъ бросается впередъ, но Артуръ его удерживаетъ. Сень-Дамберъ выбѣгаетъ изъ кабинета).

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и Сень-Дамберъ.

Сень-Дамберъ.

Боже мой! что съ вами сдѣлалось!

Бернаръ.

Оставьте меня... А вы, сударыня... перестаньте притворяться... я не вѣрю вашему обмороку... Взгляните на меня... (Увидя Г-жу Сюрвилъ) Боже мой! Сестра!

Г-жа Сюрвилъ (тихо Бернару).

Перестань, братецъ... взгляни...

Бернаръ (про себя).

Понимаю... Бѣдный Сень-Дамберъ!

Сень-Дамберъ (Артуру).

Онъ кажется успокоился...

Бернаръ (про себя).

Прекрасный урокъ!.. хороша будетъ свадьба...

Г-жа Сюрвилъ (тихо Бернару).

Уведи Сень-Дамбера... мнѣ надобно поговорить съ Артуромъ..

Бернаръ (тихо).

Какъ? еще!

Г-жа Сюрвилъ (также).

Да!.. Но продолжай свою роль... Ты можешь говорить сердито.

Бернаръ (тихо ей).

Ты права... Я вѣдь и за тебя долженъ вступить... (Артуру) Послушайте, молодой человекъ! Вы должны мнѣ будете отдать строгій отчетъ... (тихо Артуру) Какъ ты, братецъ, неостороженъ!

Артуръ.

Что это?

Бернаръ (громко).

Вы понимаете чего требуетъ отъ васъ честь... (тихо ему) Отвѣчай смѣлѣй...

Артуръ (громко).

Я готовъ...

Сень-Дамберъ.

Господа! теперь не время и не мѣсто...

Бернаръ.

Вы правы... Пойдемте въ мой кабинетъ... (тихо Артуру) Встань! съ тобой хотѣть говорить...

Артуръ.

Со мною?

Сень-Дамберъ.

Пойдемте, господа!..

Бернаръ.

Пойдемте... (Артуру тихо, который хочетъ идти) Говорю тебѣ, останься... (уходятъ съ Сень-Дамберомъ).

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Г-жа Сюрвилъ и Артуръ.

Артуръ.

Что все это значитъ? и какимъ образомъ вы здѣсь очутились?

Г-жа Сюрвилъ.

Чтобъ въ послѣдній разъ взять на себя вашъ проступокъ... Артуръ! вы очень виноваты... И я всѣхъ болѣе пострадала отъ васъ...

Артуръ.

О! ради Бога! я оправдаю васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ...

Г-жа Сюрвилъ.

И покроете стыдомъ моего брата, уничтожите навсегда его семейственное сча-

стие? Чтобъ спасти и то и другое, я жертвовала сама собою... Я видѣла вашу цѣль и происки... знала всю опасность Каролины, прѣшлась спасти ее.

Артуръ.

О! вы не знаете! Она меня не любитъ... Что мнѣ теперь дѣлать?

Г-жа Сюрвилль.

Заслужить свое прощеніе... Я могу сообщить вамъ пріятную новость. Вы назначены секретаремъ посольства въ Швецію.

Артуръ.

Я?

Г-жа Сюрвилль.

Завтра уѣзжайте отсюда... Съ этимъ условіемъ ваша тайна умретъ въ груди моей...

Артуръ.

Чего вы требуете? Уѣхать! Оставить Каролину!...

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

Тѣ же и Г-жа Бернаръ (бросается въ объятія Г-жи Сюрвилль).

Г-жа Бернаръ.

О! великодушнѣйшій другъ мой!.. Какъ выразить тебѣ мою благодарность... Я стояла тамъ за дверью, трепетала и все слышала... (Артуръ) Послѣ этого вы поймете, сударь, что мы уже не должны и не можемъ больше видѣться другъ съ другомъ... Прошу васъ... ни слова... Если хотите, чтобъ я сохранила къ вамъ какое нибудь уваженіе, уѣзжайте, уѣзжайте завтра же... Въ противномъ случаѣ, я не только буду ненавидѣть васъ... я васъ буду презирать.

Артуръ.

Вду... (Артуръ)

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

Тѣ же, Бернаръ и Сенъ-Ламберъ.

Бернаръ.

Что же это, сударь? Мы васъ ждемъ, а вы тутъ... А! и жена моя!..

Артуръ.

Позвольте...

Бернаръ.

Впрочемъ, Сенъ-Ламберъ объяснилъ мнѣ все... я самъ погорячился (тихо женѣ). Я тебѣ расскажу послѣ презабавную сцену.. (Артуръ.) Правда ли, что вы ѣдете?

Артуръ.

Завтра же.

Бернаръ.

Очень сожалею... мы все васъ такъ любили...

Г-жа Бернаръ.

Впрочемъ, все за то и рады, что вы получили такое прекрасное мѣсто...

Бернаръ.

Да! Конечно!... А кто вамъ его выпросилъ?

Сенъ-Ламберъ.

Я.

Бернаръ.

Вы?

Артуръ (про себя).

Я предчувствовалъ.

Бернаръ (тихо Артуръ).

А знаешь ли, вѣдь это не глупо съ его стороны!

Артуръ (громко ему).

Вы мнѣ позволите писать къ вамъ?

Бернаръ.

Непремѣнно... и ко мнѣ и къ женѣ...

Артуръ.

Это утѣшить мою разлуку. Прощайте.

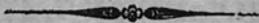
БЕРНАРЪ.

Чтожь это? Ты не прощаешься съ да-
мами?

*(Артуръ подходит къ Г-жѣ Бернаръ,
но та, поклонившись, удаляется. Ар-
туръ быстро уходитъ).*

Г-жа Сюрвилль.

Слава Богу, онъ уѣхалъ!

БЕРНАРЪ *(потираетъ себя
руки).*Ну, вѣдь не навсегда же! Авось ско-
ро назадъ пріѣдетъ.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ФЛОРИТА.

ПОВѢСТЬ Г-ЖИ ШАРЛЬ РЕБО.

(Продолженіе).

IV.

Успѣхи слава Флориты были совершенные; но до сихъ поръ она еще не имѣла чести пѣть на придворномъ театрѣ, въ присутствіи Короля. Каьдеронъ де ла Барка сильно желалъ доставить такую честь своей воспитанницѣ, и Флорита, навѣрное, достигла бы этой цѣли при первомъ вступленіи своемъ на драматическое поприще, если бы болѣзнь, въ слѣдствіе которой должна была потомъ умереть юная Королева Елисавета, дочь Французскаго Короля Генриха, не прервала всѣхъ празднествъ. Филиппъ IV велъ съ королевою уединенную жизнь во дворцѣ своемъ Буанъ-Ретиро, и уже нѣсколько мѣсяцевъ дворъ имѣлъ мрачный характеръ времени Филиппа II. Король, впрочемъ, любилъ празднества, блестящіе карусели, и наносилъ ударъ строгимъ обычаямъ своихъ предшественниковъ, сколько позволяли неумолимые законы этикета. Но государственный смуты и лѣта уже начинали дѣйствовать на Короля: онъ сдѣлался угрюмъ, набоженъ; духовникъ готовъ былъ уничтожить власть перваго министра. Фи-

липпъ IV, казалось, безстрастно смотрѣлъ на печальныя событія своего царствованія, не потому чтобы старая кровь Австрійскаго Дома замерла въ немъ; когда онъ видѣлъ потрясеніе могущественной монархіи Карла Пятаго, отторженіе обширныхъ областей, тогда его безпечныя руки порывались схватить скипетръ, тогда онъ думалъ лично предводительствовать своими войсками; но продолжительная привычка къ недѣятельности скоро брала свое, и Король вполне предоставлялъ Графу-Герцогу вести войну или заключать миръ.

Между тѣмъ, могущественный Министръ, столько лѣтъ управлявшій Испанією, предвидя свое паденіе, рѣшилъ отвратить губительную бурю. Въ этомъ случаѣ, быть можетъ, надлежало прибѣгнуть къ одному средству: устранить Короля отъ жизни скучной, однообразной, попрежнему окружить его удовольствіями, пышными празднествами, заставить забыть о потерѣ Португаліи и о совершенномъ возстаніи Каталоніи.

Случай вскорѣ представился къ тому:

Королева, послѣ продолжительныхъ страданій, вдругъ оживилась, похорошѣла, и на мгновеніе опять стала первою красавицею между Европейскими Принцессами. Графъ-Герцогъ вздумалъ ознаменовать счастливое выздоровленіе Государыни однимъ изъ тѣхъ пышныхъ празднествъ, которымъ онъ умѣлъ сообщать столько роскоши и вкуса, и рѣшился потѣшить Короля новымъ зрѣлищемъ въ садахъ Буэнь-Ретиро.

Въ настоящее время, трудно составить себѣ понятіе о тогдашнемъ королевскомъ дворцѣ Буэнь-Ретиро. Зданія, воздвигнутыя Карломъ Пятымъ и его преемниками, были окружены обширнымъ паркомъ, густые перелѣски котораго мирно осыпали извилистыя алены, прекрасные цвѣтники, безпорядочно разбросанные между купами деревьевъ, словно букеты вдоль зеленого луга. Посреди молчаливой тѣни блистало, подобно огромному зеркалу, озеро, гдѣ ежедневно прогуливалась Испанская Королева на легкой флотилии; его прозрачныя, блѣдно голубыя волны орошали березы, тополи, ночной пріютъ соловья.

Вотъ гдѣ Графъ-Герцогъ вздумалъ дать Королю новое зрѣлище—спектакль на водѣ. Кальдерону поручено было написать новую піесу; на либретто онъ, обыкновенно, употреблялъ двадцать четыре часа.

— Ваша Свѣтлость, сказалъ поэтъ, взглянувъ на гладкое озеро, въ которомъ отражались яркія звѣзды; вечеромъ, какъ сегодня, при тысячѣ свѣчей, на театрѣ, гдѣ сады служили бы декораціями, Его Величество могъ бы присутствовать при похищеніи Золотаго Руна.

«Какая мысль! воскликнулъ Министръ съ удовольствіемъ, какая остроумная аллегорія! Славно ты выдумалъ, Кальдеронъ! Какъ Гросмейстеръ ордена Золотаго Руна, Его Величество пойметъ весь сюжетъ. Да, да, ты все это свяжешь, завоеваніе и происхожденіе ордена.»

— Но, Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ смущавшійся Кальдеронъ, это не все одно и

тоже, и между Язономъ, языческимъ княземъ, похитившимъ Золотое Руно, и достославными предками Его Величества, протекло нѣсколько столѣтій...

— Ну, что за дѣло! возразилъ Графъ-Герцогъ, поглядывая на золотого овна, который красовался у него на шеѣ; что за дѣло! Все таки найдешь средства сблизить двѣ эмблемы. Я предувѣдомлю актеровъ; Флорита должна играть Медею.

— Ваша Свѣтлость, сказалъ Кальдеронъ съ радостію, она уже давно желаетъ пѣть въ присутствіи Ихъ Величествъ. Одного цвѣтка до сихъ поръ не доставало ей въяку.

Черезъ двѣ недѣли, вечеромъ, въ день Св. Іоанна, весь Испанскій Дворъ собрался въ садахъ Буэнь-Ретиро. Обширная зала была воздвигнута на берегу озера; авансцена импровизованнаго театра покоилась на судахъ, прикрѣпленныхъ къ берегу, а сцена представляла дѣсь, омываемый моремъ. Когда поднялась завѣса, мрачныя волны легко ударялись о подножіе скалъ.

Зрѣлище было величественное: съ одной стороны, ослѣпительная зала, съ своими потоками свѣта, длинными красными завѣсами, а по серединѣ тронъ, ослѣпленный Кастильскимъ гербомъ. Король, въ черномъ платьѣ, сидѣлъ въ большихъ креслахъ съ золотою бахромою; возлѣ него Королева, какъ изобразилъ ее Веласкесъ, въ длинномъ голубомъ платьѣ, съ прекрасными блондурными волосами, поднятыми вокругъ чела рубиновыми иголками, съ сложенными руками, исчезающими подъ богатыми кружевами. По обѣимъ сторонамъ трона помѣщались гранды и грандессы Испаніи; дальше, толпа придворныхъ. Насупротивъ ослѣпительной залы являлись полуосвѣщенная сцена, боскеты, гдѣ порхалъ ночной вѣтерокъ, мрачныя волны, небо, покрытое облаками. Декорація единственная!

При поднятіи завѣсы, Флорита вышла въ порфирѣ, съ двойною повязкою на че-

лъ: то была Медея, которая, въ сопровожденіи своихъ подругъ, блуждала по берегамъ Колхиды. Опасная волшебница готовяла свои чары, вызывая адскія силы. Флорита, ослѣпленная блестящимъ обществомъ, затрепетала при первомъ появленіи своемъ на сцену; сердце ея сжалось отъ страха: она видѣла передъ собою иную публику, не ту, которая ее любила. Флоритѣ казалось, что вдохновеніе замерло въ ея душѣ, что талантъ ее покинулъ; но въ ту минуту, когда смущенные взоры юной пѣвицы обратились къ оркестру, она увидала въ десяти шагахъ отъ себя Маркиза де Рибьера. Тогда Флорита ощутила въ душѣ своей возрожденіе всѣхъ способностей; она была благородна, прекрасна, и смѣло начала свое обращеніе къ адскимъ божествамъ!..

Здѣсь не мѣсто разбирать либретто Кальдерона де ла Барки, и говорить о музыкѣ Дона Бласа Нунеса; довольно сказать, что благородная публика была подъ вліяніемъ удовольствія, исполненнаго удивленія и страха. Флорита превзошла самое себя; никогда древняя Медея не могла имѣть больше величія, страсти, поэзіи; никогда эта дикая нѣжность, это самоотверженіе, это неистовство, эта кровавая ревность, не имѣли лучшаго таланта для своего осуществленія.

Начался третій актъ. Сынь Язона увелъ Главку въ глазахъ неистойвой Медеи, и волшебница готовила невидимое пламя, долженствовавшее пожрать ея соперницу. Она была прекрасна, сидя на скалѣ, положивъ руки на треножникъ, съ распущенными волосами, съ поникнутымъ, мрачнымъ челомъ. Вѣтеръ колебалъ ея порфирную туняку; продолжительныя завыванія бури соединялись съ голосомъ Флориты; зрители не смѣли дышать подъ вліяніемъ дикой гармоніи; въ залѣ господствовало глубокое молчаніе.

Кальдеронъ, стоявшій въ послѣдней кулисѣ, тревожно посматривалъ на небо, открытое густыми облаками, разносимыми

сильнымъ вѣтромъ; онъ слышалъ подъ собою трескъ ненадежнаго помоста, и столкновеніе лодокъ, на которыхъ держалась сцена. Колебанія свѣта нельзя было замѣтить подъ стеклянными колпаками, но древесныя вѣтви качались съ глухимъ шумомъ. Все это не мало содѣйствовало къ сценическому очарованію, и зрители, сидѣвшіе въ залѣ, на твердой землѣ, не видѣли что происходило на сценѣ. Оркестръ заглушалъ бурю; никто не подозрѣвалъ опасности. Вдругъ послышался ужасный трескъ; завывъ жестокой вѣтеръ; кулисы разлетѣлись въ клочки, свѣчи погасли, и театръ, построенный на водѣ, упалъ какъ картонный домикъ отъ дуновенія ребенка. Зала огласилась общимъ крикомъ. Флорита слышала его, но потомъ уже ничего не видѣла и не слышала: она была въ водѣ, держась за доску, которая погружалась отъ тяжести!..

— Господи! Маменька! Спасите меня!..

Въ то же мгновеніе, сильная рука схватила Флориту, и незнакомый голосъ сказалъ ей:

— Не бойтесь, Флорита, не шевелитесь! Я спасу васъ.

Флорита инстинктивно прижалась къ тому, кто ее поддерживалъ, и лишилась чувствъ. Пѣвица и ея спаситель находились между двумя судами, которые, при малѣйшемъ движеніи, могли раздавить обоихъ; но Маркизь де Рибьеръ успѣлъ отбросить отрывокъ полотна, ихъ покрывавшаго. Хотя до берега оставалось не больше двадцати шаговъ, однако жъ надобно было пробираться по непроходимому хаосу. Кальдеронъ, всѣхъ покрывавшій своимъ голосомъ, кричалъ, ломая руки:

— Флорита, милая Флорита! Сто тысячъ реаловъ тому, кто спасетъ Флориту!

Анна Мюллеръ, окруженная нѣсколькими дамами, которыя старались удержать ее, съ глухими воплями порывалась къ плавающимъ развалинамъ.

— Ко мнѣ! кричалъ Маркизь. Флорита спасена! Вотъ она!

Черезъ минуту, Флориту положили на землю безъ чувствъ. Анна Мюллеръ бросилась къ дочери, и начала сжимать ее въ своихъ объятіяхъ, пораженная страхомъ и вмѣстѣ обрадованная; но замѣтивъ, что Флорита дышитъ, что она действительно спасена, старушка зарыдала.

— Маменька! проговорила Флорита съ тяжелымъ вздохомъ, открывая глаза.

«Дитя мое! воскликнула Анна Мюллеръ съ восторгомъ, я не надѣялась увидѣть тебя живою! Да наградитъ Господь Богъ того, кто спасъ тебѣ жизнь!»

— Вотъ кто спасъ меня, сказала Флорита, взглянувъ на Маркиза де Рибьера, блѣднаго, дрожавшаго въ мокромъ платьѣ. Обратясь потомъ къ Кальдерону, который стоялъ на коленяхъ и плакалъ, Флорита прибавила съ улыбкою:

— Вы тоже почитали меня погибшею?

Король и Королева удалились со свитою; стража выпроводила постороннихъ зрителей; остались однѣ жертвы страннаго кораблекрушенія: у Язона была переломлена рука; царь Коринѣскій былъ совершенно изуродованъ, и всѣхъ актеровъ вытащили изъ воды въ жалкомъ видѣ. Между тѣмъ пошелъ проливной дождь. Кальдеронъ посадилъ Флориту въ коляску. Передъ отъездомъ, Король прислалъ осведомиться о здоровьи пѣвицы, а Королева препроводила богатый браслетъ.

Внутренно потрясенная страхомъ и удовольствіемъ, Флорита закрыла глаза, будто желая сообразить въ умѣ блаженство странное, новое, о которомъ до сихъ поръ не имѣла никакого понятія; ей казалось, что рука спасителя еще обвиваетъ ея тѣло; ей слышася дрожащій голосъ: «Флорита! если я не спасу тебя, мы умремъ вмѣстѣ!» Эти слова она слышала будто во снѣ, когда, слабая, безжизненная, инстинктивно схватилась обѣими руками за шею Маркиза де Рибьера, и когда поникла головою на грудь челоуѣка, котораго

любила три мѣсяца, почти сама того не зная.

У.

На другой день, Кальдеронъ де ла Барка явился къ Маркизу де Рибьеру, поблагодарить отъ имени Флориты и матери. Маркизь отвѣчалъ, что многіе завидовали его счастью подвергнуть жизнь опасности для спасенія прекрасной Флориты, и просилъ позволенія быть у пѣвицы въ тотъ же вечеръ.

— Никто не можетъ поручиться, прибавилъ Маркизь непринужденно, останусь ли я въ Мадридѣ до завтра? Съ минуты на минуту я ожидаю приказанія возвратиться во Францію.

Послѣднія слова успокоили Кальдерона; онъ смотрѣлъ бы съ тайною недоувѣрчивостію, съ безотчетною ревностію на присутствіе Маркиза, или кого другаго, въ домѣ, куда до сихъ поръ одинъ имѣлъ доступъ.

— Сегодня вечеромъ, Маркизь, отвѣчалъ поэтъ учтиво, я зайду за вами, и мы отправимся вмѣстѣ.

Никогда въ свою жизнь, даже въ день дебюта, даже наканунѣ дня, когда подлежало пѣть передъ Испанскимъ Дворомъ, Флорита не была такъ сильно взволнована, какъ при появленіи Маркиза де Рибьера. Когда онъ подошелъ къ ней, когда знакомый голосъ произнесъ обычное, прошлое привѣтствіе, Флорита, слышавшая тысячу разъ подобныя выраженія, нашла въ нихъ смыслъ новый, болѣе обширный, болѣе полный: она измѣнилась въ лицѣ, и могла благодарить только жестомъ. Маркизь отличался тѣмъ цвѣтистымъ умомъ, тою непринужденностью вельможи, которая пользуется всеми положеніями, и равно скрываетъ снуку или внутреннюю тревогу. Онъ былъ веселъ, остроуменъ, блистателенъ, между тѣмъ какъ блѣдная Флорита была разсѣянна, молчалива. Она такъ сильно чувствовала, что не нашлась ничего сказать, хотъ ей

и казалось, что слова, звук голоса обнаруживают ее душевное волнение. По счастью, Флорита умела переводить, не опасаясь быть понятою, все свои впечатлѣнія, и на этотъ разъ талантъ опять помогъ ей. На вопросъ Маркиза: не подѣйствовало ли вчерашнее происшествіе на голосъ, Флорита встала съ улыбкою, открыла клавикорды, и вмѣсто отвѣта стала импровизировать одну изъ тѣхъ сладостныхъ пѣсней, которыя Кальдеронъ сравнивалъ съ пѣніемъ серафимовъ. Сердце воспламеняло пѣвицу; душевная тревога сообщала ей голосу невыразимую прелесть; Флорита осмѣялась выразить всю свою робкую радость, пѣжность, страсть; она пѣла такъ, какъ никогда не пѣла, и самъ Кальдеронъ думалъ слышать ее въ первый разъ. Этотъ вечеръ былъ едва ли не лучший въ жизни Флориты; въ присутствіи млага челоуѣка, она чувствовала величіе, высокое могущество своего таланта, счастье быть предметомъ любви и похвалы.

Маркизь слушалъ пѣвицу, поддерживая голову рукою, закрывъ глаза длинными рѣсницами, изъ подъ которыхъ сверкали порою пламенные взгляды; онъ слушалъ ее съ тѣмъ же безмолвнымъ восторгомъ, какъ и на театрѣ. Только Флорита могла видѣть руку Маркиза, прижатую къ шелковому кафтану, будто для того, чтобы удержать трепетаніе сердца, могла слышать вздохи, поднимавшіе его стѣсненную грудь. Когда она кончила, петомленная собственнымъ волненіемъ, руки ея опустились; глаза были устремлены неподвижно на клавикорды.

— Что съ тобою, милая Флорита? спросила Анна Мюллеръ, прикоснувшись къ влажному, холодному челу дочери: Пресвятая Богородица! Что это? Ты блѣдна, Флорита!...

«Нѣтъ, маменька; я чувствую себя очень хорошо, я довольна, я счастлива, отвѣчала дочь, прижимая руку матери къ

своему лицу; вы видите, что я не лишилась голоса.

Потомъ вдругъ замѣтивъ, что время уходитъ, и думая, что Маркизь хочетъ откланяться, Флорита обратилась къ нему, и завязала разговоръ, который могъ быть продолжительнѣе. Она спрашивала Маркиза о его путешествіяхъ, о Франціи, и просто душно дивилась всемъ его отвѣтамъ. Флорита имѣла умъ вѣрный, обширный, но она была невѣжественна, какъ Испанка, ничего не знала, кромѣ своего искусства. Кальдеронъ де ла Барка могъ бы усовершенствовать ее воспитаніе, но объ этомъ онъ никогда и не думалъ: поэтъ имѣлъ дѣло съ артисткою. Маркизь, съ своимъ блестящимъ умомъ, съ своими свѣтскими познаніями, говорилъ равно уму и сердцу Флориты. Тогда она замѣтила свое невѣдѣніе, и устыдилась его.

— Я желала бы, сказала Флорита откровенно, путешествовать для того, чтобы все видѣть, все узнать. До сихъ поръ мнѣ казалось, что вся вселенная заключается въ Мадридѣ, и что кромѣ нашей Испаніи, есть только страны дикія. Но теперь вижу, что и Франція прекрасная земля.

«Надобно когда нибудь посѣтить ее, отвѣчалъ Маркизь; великіе таланты имѣютъ у насъ право на гражданство; дворъ и городъ примутъ васъ съ восторгомъ, поэты начнутъ въ честь вашу писать стихи, и вы будете провозглашены первою въ мѣрѣ пѣвицею въ залѣ Кардинальскаго Дворца.

— Да, это было бы прекрасное торжество, замѣтилъ Кальдеронъ съ принужденною улыбкою, а между тѣмъ, Маркизь, постарайтесь прославить во Франціи Флориту. Я надѣюсь, что вы услышите ее вполнѣ въ роли Медеи, до отъѣзда.

«Вы уѣзжаете, сншоръ? спросила Флорита съ внутреннимъ содроганіемъ.

— Можетъ быть, черезъ недѣлю, че-

резъ мѣсяць, черезъ годъ: это зависитъ отъ меня!

«А я полагаю, что вы ожидаете со дня на день приказанія возвратиться во Францію, возразилъ Кальдеронъ сухо.

— Да, приказаніе можетъ быть прислано, но я могу также не повиноваться, отвѣчалъ Маркизь, взглянувъ на Флориту; я могу прожить въ Испаніи еще годъ.

Флорита потупила глаза, и, сложивъ руки, прошептала:

«Когда нибудь, я побываю во Франціи.»

Съ этого дня Маркизь часто посѣщалъ пѣвицу, но всегда съ какою-то таинственною предосторожностію, которая скрывала отъ постороннихъ его посѣщенія. Въ театрѣ, онъ никогда не говорилъ съ Флоритою, и даже рѣшился оставить мѣсто на сценѣ и перейти въ ложу.

Маркизь никогда не былъ наединѣ съ Флоритою; Анна Мюллеръ не отлучалась отъ дочери; Кальдеронъ также съ безпокойствомъ слѣдилъ за бесѣдою юной пѣвицы и Француза. Они не могли обмѣняться ни однимъ словомъ; о любви не было и рѣчи; но мать и другъ дома очень хорошо знали, что значить такое молчаніе:

имъ стало понятно положеніе Флориты, ея грусть, внезапная радость, влюбленные взгляды Маркиза. Анна Мюллеръ желала, чтобы Флорита открылась; но Флорита была горда, скрытна, и упорно хранила свою тайну. Бѣдный Кальдеронъ умиралъ медленною смертію: онъ любилъ Флориту, любилъ съ самоотверженіемъ, безъ надежды хотя слабой взаимности, съ единственнымъ желаніемъ видѣть Флориту каждый день. Столь малымъ научилась довольствоваться его любовь! Такъ твердо обрекъ онъ себя на роль друга! Но въ дружбѣ Флориты, Кальдеронъ находилъ тысячу наслажденій, которыхъ сердце болѣе юное, болѣе пылкое, не могло бы понять. Одно милое слово, одинъ взглядъ, дѣлали его счастливымъ на весь день, и часто случалось ему крѣпко прижимать къ сердцу цвѣтокъ, брошенный со смѣхомъ молодою артисткою. Теперь, бѣдный Кальдеронъ замѣтилъ, что другой подѣйствовалъ на душу, которую онъ надѣялся наполнить успѣхами, славою, и сохранить дѣвственною отъ вліянія любви.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ВЪ АНГЛІИ.

Изъ драматическихъ писателей всѣхъ странъ, безспорно Французскіе пользуются наиболѣе выгодами своихъ занятій. Имъ опредѣлены (droits d'auteur), проценты, которые они получаютъ со всѣхъ

театровъ Франціи, гдѣ представляютъ ихъ пьесы. У насъ, въ Россіи, при незначительномъ числѣ драматическихъ писателей, еще не могло установиться такое распорядженіе, хотя многіе сочинители,

отдавая піесы свои Дирекціи Театровъ, уже ныѣ получаютъ проценты со сбора при представленіи ихъ піесъ. Любопытно взглянуть на жалкое состояніе, въ этомъ отношеніи, драматическихъ писателей Англійскихъ.

Въ засѣданіи Англійской Нижней Палаты, 30-го Іюня, Лордъ Магонъ напомнилъ собранію о просьбѣ, представленной имъ Палатѣ почти отъ всехъ драматическихъ писателей Англии. Писатели объявили въ этой просьбѣ, что многіе изъ нихъ весьма охотно посвятили бы свои дарованія высшимъ отраслямъ драмы, но что отъ этой работы отклоняютъ ихъ теперешніе театральные законы, кои препятствуютъ успѣхамъ драматическаго искусства, въ то время, какъ вообще жалуются на упадокъ его. Они не имѣютъ ни малѣйшей надежды на возрожденіе сцены до тѣхъ поръ, пока Палата не разсмотритъ теперешнихъ законовъ, и не согласитъ ихъ съ высшимъ образованіемъ настоящаго вѣка. Лордъ Магонъ выразилъ опасеніе, что онъ мало имѣетъ надежды немедленно содѣйствовать улучшенію этихъ законовъ, счелъ однако жъ своею обязанностью обратить на эти жалобы вниманіе Палаты. Затѣмъ онъ въ краткихъ чертахъ изобразилъ исторію театра въ Англии.

«Начало зла, сказалъ онъ, заключается въ привилегіяхъ, дарованныхъ въ царствованіе Карла II Деветтту и Кильгрю, завѣдывавшимъ обоими главными нашими театрами. Эти привилегіи дарованы были въ знакъ личной благосклонности, и по нимъ составлены позднѣйшіе законы. Первый законъ объ этомъ предметѣ изданъ въ царствованіе Георгія II. Имъ постановлено, что нельзя играть піесъ безъ дозволенія Лорда-Каммергера, и что съ каждымъ актеромъ, не имѣющимъ постоянного мѣстопробыванія, должно поступать, какъ съ бродягою. Другой законъ, изданный при Георгіи II, составляетъ правило, до сихъ поръ имѣющее силу для сцены. Самый титулъ этого закона даетъ

понятіе о презрѣніи, съ какимъ смотрѣли тогда на драматическихъ писателей и актеровъ. Въ этомъ титулѣ они поставлены на ряду съ ворами и непотребными женщинами. Заглавіе сего закона слѣдующее: «Парламентскій актъ о предотвращеніи воровства и разбоевъ, о правилахъ для мѣстъ общественнаго увеселенія, и о наказаніи лицъ, содержащихъ непотребные дома.» Такъ называется законъ, по которому соотечественники Шекспира и Отвея управляютъ сценою и въ наше время! Этотъ законъ налагаетъ также на каждаго актера, играющаго безъ дозволенія Лорда-Каммергера, денежную пеню въ 50 ф. ст. за каждое представленіе, такъ что до сихъ поръ почти каждый актеръ, играющій на нашихъ сценахъ, каждый вечеръ подвергается опасности подпасть штрафу въ 50 ф. ст. Но хотя бы Лордъ-Каммергеръ и далъ дозволеніе, театры по закону считаются незаконными, и слѣдствіе этого то, что каждый договоръ, касающійся театра, подвергается опасности быть объявленнымъ недействительнымъ, по рѣшенію суда. Много примѣровъ, что тяжущіяся стороны получали отказъ, потому что судъ не могъ принять ни какой бумаги о театрѣ. Я могъ бы привести въ доказательство случаи, что люди, ссудившіе деньги небольшимъ театрамъ, актеры, видѣвшіе нарушеніе договоровъ своихъ съ директорами театровъ, драматическіе писатели, не получившіе суммъ, обещанныхъ имъ за ихъ произведенія, жалуясь въ судъ на эти противозаконныя поступки, или получали отказъ въ приѣмѣ жалобы, или въ послѣдствіи принуждены были оставлять жалобу, по причинѣ недостаточности законовъ. Такимъ образомъ, теперешняя система имѣетъ слѣдствіемъ частныя и общественныя несправедливости, ибо есть люди, пользующіеся закономъ для прикрытія безчестныхъ и обманчивыхъ поступковъ. Но это еще не весь вредъ настоящей системы. Другое важное и плачевное слѣдствіе то, что недо-

стаетъ власти для надлежащаго надзора за театральными представленіями. Въ Лондонѣ теперь случается весьма часто, что содержатели тавернъ даютъ театральныя представленія, причѣмъ пристойность представленія занимаетъ въ расчетъ уже второстепенное мѣсто послѣ продажи спиртныхъ напитковъ. Въ провинціяхъ еще хуже. Во многихъ большихъ городахъ есть театры, гдѣ представленія даются самымъ низкимъ и отвратительнымъ образомъ. Эти театры, рассчитывающіе на низшіе классы народа, имѣютъ крайне вредное вліяніе. Дѣти, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, посѣщаютъ ихъ, и никто не имѣетъ законнаго права воспретить имъ это. Инспекторы тюремъ представляютъ много примѣровъ, что первое побужденіе или поводъ къ преступленію заключались въ посѣщеніи этихъ вертеповъ разврата. Наряду съ вредными слѣдствіями настоящей системы, протекающими отъ недостатка въ надлежащемъ надзорѣ за театрами, стоитъ также монополія большихъ театровъ, въ силу коихъ другіе театры не могутъ давать лучшихъ драматическихъ произведеній. Эта монополія вредна не только для публики, но и для тѣхъ самыхъ театровъ, кою обладаютъ ею. Такъ какъ большая часть театровъ можетъ представлять только дурныя піесы, то этимъ и портится вкусъ публики. Хотя утверждаютъ, что привилегіи лучшихъ театровъ необходимы для успѣховъ высшаго драматическаго искусства, но такое мнѣніе ошибочно. Почти всѣ лучшія піесы представлены въ первый разъ или недозволеннымъ образомъ, или вопреки желанію. Джонсонъ вынулъ представленіе Гольдсмитовой драмы: *The sloop to conquer*. Тобинъ умеръ съ горести, что ему не удалось поставить на сцену: *Медовый мѣсяцъ*. Анло поставилъ *Джорджиса Барнелла* на маломъ театрѣ, послѣ того, какъ содержатели привилегированныхъ театровъ отвергли эту піесу. *Дугласъ* былъ также ими от-

вергнутъ. Фильдинга публика узнала по одному малому театру, а комедія *Мистриссъ Инчбальдъ* пролежала два года, пока случай не заставилъ директора изъяснить свое согласіе на представленіе ея. Рѣшительное свидѣтельство представилъ *Спръ Вальтеръ-Скоттъ*, который, конечно, не былъ склоненъ къ сужденіямъ неосновательнымъ. Онъ весьма опредѣленно высказалъ мнѣніе, что причина упадка Англійской драмы заключается въ томъ, что два театра пользуются привилегією, и самыя эти привилегіи не доставляютъ пользы своимъ владѣльцамъ. Почти всѣ антрепренеры привилегированныхъ театровъ терпѣли убытки. *Шериданъ* сказалъ, что только одинъ годъ онъ не потерпѣлъ ни какого убытка отъ *Дрюриленскаго Театра*, именно тотъ годъ, когда этотъ театръ сгорѣлъ! *Чарльсъ Матью*, недавно обанкротившійся директоръ *Ковентгарденскаго Театра*, показалъ въ судѣ, что въ первый сезонъ его управленія театромъ, въ 1839 г., издержки простирались до 52,903, а доходъ только до 48,673 ф. ст., следовательно, недоимка простиралась уже до 4,600 ф. ст. Во второй сезонъ, въ 1840 г., доходы возвысились до 49,227 ф. ст., а расходы уменьшились до 51,440 ф. ст., следовательно, отъ этого сезона осталась еще недоимка свыше 2,000 ф. ст. Въ третій сезонъ, въ 1841 году, доходъ уменьшился до 42,535 ф. ст., между тѣмъ какъ издержки поднялись до 55,691 ф. ст., и такимъ образомъ оказалась недоимка въ 13,000 ф. ст., зачѣмъ неизбежно слѣдовало банкротство На *Дрюриленскомъ Театрѣ* дѣла *Г. Мекреди*, по собственному его сознанию, идутъ не лучше. Система, влекущая за собою такія послѣдствія, конечно, имѣетъ нужду въ подробномъ изслѣдованіи.»

Въ заключеніе *Лордъ Магонъ* предложилъ, чтобы представлены были всѣ бумаги, предложенныя въ теченіе сего года *Министру Внутреннихъ Дѣлъ* съ жалобами на настоящее положеніе законо-

дательства относительно театровъ. Г. Нейтъ (Knight) поддерживалъ предложеніе Лорда Магона, и выставилъ на видъ Палаты особенно то, какъ несправедливо, что теперь осмѣиваются представлять піесы безъ согласія автора, и что авторъ даже перьдко едва имѣеть возможность истребовать судомъ сумму, принадлежащую ему по договору. «Хорошая драматическая піеса, присовокупилъ Г. Нейтъ, есть одно изъ труднѣйшихъ, равно какъ одно изъ достойнѣйшихъ удивленія произведеній человеческого ума. Драма не есть только форма для высшей поэзіи и глубочайшаго созерцанія: она содѣйствуетъ также развитію благороднѣйшихъ мыслей и возвышеннѣйшихъ чувствъ. Она представляетъ самую живую картину жизни и нравовъ, и оказываетъ свое дѣйствіе надъ многочисленными зрителями самымъ быстрымъ и дѣйствительнымъ образомъ. Она

не просто зеркало нашего времени, но и высшая школа нравственности. Что можетъ быть благоразумнѣе того, что Англія, страна, произведшая некогда Шекспира, за коимъ слѣдовали дивный рядъ другихъ талантовъ, а именно Мессинджеръ, Фордъ, Бенъ, Джонсонъ, и обладающая теперь Тальердомъ, Болверомъ и Ноульсомъ, — что Англія употребляетъ все средства, состоящія во власти ея, для покровительства драмы и театра?»

Статье-Секретарь Внутреннихъ Дѣлъ Сиръ Дж. Грагамъ, выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что этимъ дѣломъ, которое Лорду Магону, повидимому, извѣстно до всей подробности, онъ занимался мало, и замѣтилъ, что, повидимому, Лордъ Магонъ еще самъ не знаетъ, какія мѣры надлежитъ употребить для отвращенія зла; онъ, однако, согласился на предложеніе требуемыхъ документовъ.

АРТИСТЫ И АРТИСТКИ ИТАЛІАНСКОЙ ОПЕРЫ ВЪ ПАРИЖѢ. ПЕРСИАНИ.

До сихъ поръ, Персіани не оцѣнена надлежащимъ образомъ. О ней судили то по одной нотѣ, то по одной строчкѣ, то по одной рудѣ, то есть, масса публики произносила объ этой пѣвицѣ свой обычный приговоръ. Музыкальная критика должна имѣть въ виду цѣль высшую, болѣе достойную; она должна углубляться во все подробности, во все разнообразныя свойства знаменитаго артиста, и изъ всѣхъ отдѣльныхъ частей составлять одно цѣлое, для произнесенія рѣшительнаго приговора.

Такиарди-Персіани дочь извѣстнаго въ свое время тенора Такиарди, того самаго, который отличался въ Италіанской Парижской Оперѣ, и о которомъ рассказываютъ много странныхъ анекдотовъ. Такъ, на примѣръ, Такиарди, замѣтивъ невыгодное впечатлѣніе, которое производилъ на публику его не совсемъ пріятная наружность и физическіе недостатки при первомъ шагѣ на сцену, требовалъ отъ композиторовъ и поэтовъ создавать роли, гдѣ бы можно было ему начинать пѣніе за кулисами, для того, чтобы заранѣе за-

добрать публику. Не легко было удовлетворить всегда желанію артиста. Такинарди выдумалъ другое средство скрывать отъ зрителей часть своего тѣла: онъ являлся на сцену или на триумфальной колесницѣ, или на тронѣ, хотя наружность его вовсе не отличалась вопиющимъ видомъ. Маловажные недостатки сія богато выкупались прекраснѣйшимъ голосомъ, отличною игрою и превосходною методою. Такинарди былъ неподражаемъ въ речитативъ, который онъ передавалъ просто, натурально.

И такъ, въ жилахъ Персіани течетъ художническая кровь, и Персіани достойно поддерживаетъ славу своей фамиліи. Музыкальнымъ образованіемъ она вполне обязана отцу; природа наградила ее богатымъ органомъ, которому, можетъ быть, недоставало желаемой гибкости и мягкости; но ревностными стараніями и ежедневными упражненіями артисткѣ удалось взвать почти рѣшительный перевѣсъ надъ такимъ недостаткомъ.

Персіани начала свое артистическое поприще на Ливорнскомъ театрѣ. Первые дебюты ея не имѣли ничего блистательнаго; можно даже сказать, что нельзя было ожидать отъ этой пѣвицы ничего особеннаго. Изъ Ливорно, Персіани перешла на Миланскій театръ, и здѣсь положила первое начало своей славы, которая возросла съ необыкновенною быстротою во Флоренціи, а въ Неаполѣ достигла до высшей степени. Персіани создала въ Неаполѣ прекрасную роль Луціи Ламмермурской.

Познакомивъ съ своимъ талантомъ главные театры Италіи, Персіани поѣхала въ Вѣну, гдѣ оставила послѣ себя тѣмъ болѣе достославныя воспоминанія, что Италіанскій Театръ этой столицы былъ мѣстомъ соединенія избраннѣйшаго общества. Наконецъ, Персіани явилась въ Парижъ. Лучшая публика театра *des Bouffes* приняла пѣвицу весьма благосклонно. Теперь, Персіани занимаетъ одно изъ пер-

выхъ мѣстъ въ тамошней Италіанской труппѣ.

Голосъ Персіани, чистый сопрано, и отличается богатымъ объемомъ. Онъ весьма вѣрно беретъ нижнее *h*, и доходитъ до высокаго *e*, слѣдовательно обвиняетъ восемнадцать нотъ, количество, переходящее за обыкновенные предѣлы сопрано. При такомъ объемѣ, онъ гибокъ, пѣженъ, преодолеваетъ не только всѣ трудности, но можетъ блеснуть и самыми смѣлыми напризами въ вокализациі. Персіани обязана сими преимуществами не одной природѣ, но, большею частію, своимъ постояннымъ упражненіямъ, которыя научили ее *rinforzando* и *forzando*, то есть, усиливать и опять удерживать голосъ, переводить духъ, и въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дѣлать незамѣтнымъ даже малѣйшее усиліе. Персіани отличается также изящнымъ вкусомъ въ выборѣ фюритуръ, сочетаніемъ тоновъ счастливыми переходами, повышеніемъ и пониженіемъ оныхъ почти неувидимыми отбѣнками. Грація, непринужденность, всегда сопровождаютъ ея пѣніе.

При такихъ совершенствахъ, органъ Персіани нельзя однако жъ назвать вполне удовлетворительнымъ; грудные тоны иногда рѣзки, даже переходятъ въ крикъ, особенно въ высокихъ нотахъ. Недостатокъ сей, вѣроятно неисправимый, потому что не уступаетъ величайшимъ усиліямъ искусной пѣвицы, испускается многочисленными преимуществами, частію приобретенными, частію врожденными.

Обращаясь къ отличительному характеру таланта Персіани, должно сказать, что артистка не съ одинаковымъ успѣхомъ обнаруживаетъ его въ различныхъ сферахъ музыкальной драмы. Персіани очень хороша въ Соннамбулѣ, Луціи, Любовномъ Напиткѣ и въ Донъ-Жуанѣ, слѣдовательно въ такихъ произведеніяхъ, которыя лежатъ между крайними предѣлами трагическаго и комическаго. Не одно свойство голоса удерживаетъ ее въ сихъ

предѣлахъ, но также родъ, выраженіе ея игры, и едва ли не вся физическая натура. За то, Персіани всегда граціозна, всегда привлекательна; въ ней есть что-то идеальное, нѣжное, симпатически дѣйствующее на слушателей. Умная улыбка пріятно сглаживаетъ ея нѣсколько рѣзкій взглядъ; роскошные, длинные волосы производятъ прекрасное дѣйствіе, напримѣръ, въ большой сценѣ Луціи Ламермурской. Вполнѣ сознавая свои средства, Персіани никогда не увлекалась непростительнымъ честолюбіемъ: она очень хорошо знаетъ, что свойственно и что противно ея таланту. Подобное внутреннее убѣжденіе рѣдко бываетъ удѣломъ артиста!

Затоки, неуспынно слѣдящія за успѣхами Персіани съ самаго пріѣзда ея въ Парижъ, утверждаютъ, что эта пѣвица занимаетъ почетное мѣсто между современными художниками. Не новые труды, не новыя занятія упрочили за нею это

мѣсто: когда Персіани пріѣхала въ Парижъ, талантъ ея уже вполнѣ созрѣлъ, но только въ Парижѣ приобрѣла она ту увѣренность, безъ которой лучшія достоинства пѣвицы кажутся неудовлетворительными. Постоянное благоволеніе и любовь публики непременно должны были внушить артисткѣ чувство самосознанія, и теперь Персіани безболзненно можетъ предаваться порывамъ своего одушевленія, развивающаго всѣ сокровища ея таланта.

Превосходная въ вокализациі, непринужденная въ трудныхъ мѣстахъ, Персіани иногда подвергаетъ себя опасностямъ, именно слишкомъ увлекается страстію къ «юртурамъ», не обращая вниманія на драматическое положеніе и мысль композитора. Въ другой разъ, Персіани сопровождаетъ пѣніе роскошными прикрасами, которыя, конечно, поражаютъ слушателя, но вредятъ впечатлѣнію, которое долженъ производить музыкальный періодъ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Еще о *Школѣ Женщинъ*, *Моліера*. — *Ифигенія въ Авлidy*, трагедія Расина. Дебюты Г-жъ Мартыновъ и Самойловой 3-й.

Нашей сценой, въ последнее время, овладѣли классицизмъ и дебютантки: два бенефиса, на разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе семи дней, и въ одинъ бенефисъ комедія *Моліера*, въ другой трагедія *Расина*, въ ономъ комическая дебютантка, въ другой трагическая, въ обѣихъ же успѣхъ полный, блестящій. Согласитесь, что это новость пріятная, отрадная, и стоитъ десяти водевилей, которые выростали, какъ грибы, отъ книжки до книжки Репертуара, то есть по десяти въ каждыя двѣ недѣли.

Кому же мы обязаны этими новостями? Двумъ бенефициантамъ — Г-ну *Мартынову* и Г-жѣ *Самойловой 1-й*, почтенной матери всѣхъ играющихъ теперь на Александринской сценѣ Самойловыхъ. Первый избралъ для своего бенефиса *Школу Женщинъ*, комедію Моліера, и придалъ этой комедіи интересъ участіемъ въ ней молодой дебютантки, Г-жи Мартыновой, сестры своей; вторая, весьма кстати, вздумала возобновить одну изъ знаменитѣйшихъ трагедій Расина — *Ифигенію въ Ав-*

лidy, въ которой роль Цыгенинъ занимала младшая дочь ея, уже дебютировавшая разъ, помнитса, въ прошломъ году, на сценѣ Александринскаго Театра.

Школа женщинъ, благодаря прекрасному переводу Н. И. Хмѣльницкаго, по сіе время сохранившему всю свѣжесть свою, извѣстна всѣмъ любителямъ театра: въ прежнія времена, Петербургская публика восхищалась игрою въ этой комедіи покойныхъ Г-жи Дюръ (въ послѣдствіи Каратыгиной) и Боброва; Щепкинъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ, возобновилъ эту комедію, со смертію помянутыхъ артистовъ забытую въ театральномъ архивѣ. Послѣ него, *Школа Женщинъ*, на Петербургскомъ Театрѣ, не являлась до сего времени. За возобновленіе ея обязаны мы благодарностію Г-ну Мартынову.

Мольеръ, какъ извѣстно, многіе сюжеты или по крайней мѣрѣ, идеи для своихъ комедій заимствовалъ изъ древняго Римскаго и Испанскаго Театровъ. Что касается до комедіи *Школа Женщинъ*, то въ этомъ случаѣ ни одинъ изъ драматическихъ поэтовъ не служилъ ему ни образцомъ, ни руководителемъ; но основная мысль ея и содержаніе за-

няты, по свидѣтельству комментаторовъ, частію у Италіанскаго сказочника XVI столѣтія, *Джіованни Франческо Стронпароле*, частію у извѣстнаго Французскаго переводчика *Энеиды на изнанку, Скаррона*. Въ собраніи повѣстей Стронпароле, называемыхъ *Le Piacevoli Notti* (Веселыя ночи), есть рассказъ такого содержанія: Одинъ молодой студентъ, пользующійся благосклонностію жены своего учителя, разумѣется, не зная сего послѣдняго обстоятельства, всякій разъ пересказываетъ о своихъ успѣхахъ ей мужу. Мужъ беретъ всѣ возможные мѣры, чтобъ прекратить эту любовную связь, но не только не успѣваетъ никогда застать ихъ вмѣстѣ, а напротивъ, всегда остается въ дуракахъ отъ какой нибудь новой хитрости съ ихъ стороны. Вотъ вся интрига *Школы Женщинъ*.

У Скаррона, въ повѣсти, называемой *La Présention inutile*, одинъ Гренадскій дворянинъ, котораго умныя женщины часто водили за носъ, рѣшается жениться на совершенной дурѣ, которую онъ нарочно для себя воспитываетъ, и которую окружаетъ такими же глупыми слугами, какъ и сама она. Прочитавъ ей самыя смѣшныя наставленія объ обязанности женщины, онъ оставляетъ ее на нѣкоторое время. Въ его отсутствіи втирается къ ней, при помощи какой-то старухи, одинъ молодой человѣкъ, и читаетъ ей другія наставленія, которыя она понимаетъ гораздо легче и скорѣе. Когда возвратился мужъ, жена его спѣшитъ съ нетерпѣніемъ выказать передъ нимъ свои новыя познанія. И вотъ первообразы *Арнольфа* и *Агнесы*, главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Молиера, который такимъ образомъ въ *Школѣ женщинъ* слилъ два разные вымысла и прекрасно воспользовался ими для созданія комедіи. Арнольфъ, пожилой, но не старый человѣкъ, воспитываетъ для себя жену, простую дѣвушку: это воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы удалить ее совершенно

отъ общественной жизни, ея условій, ея заманчивыхъ удовольствій и опасныхъ искушеній; совершенное невѣжество считаетъ онъ единственнымъ средствомъ противъ соблазна, крѣпкою стѣною, за которою женская добродѣтель вполне безопасна. Онъ окружаетъ Агнесу самыми глупыми слугами, и ожидаетъ блестящихъ плодовъ отъ такого воспитанія. Между тѣмъ, молодой Горасъ, пользуясь отсутствіемъ Арнольфа и его методомъ воспитанія, открываетъ себѣ входъ въ тотъ домъ, гдѣ живетъ Агнеса, и вмѣстѣ съ этимъ доступъ къ ея сердцу. Арнольфъ перемѣнилъ свое имя, и называется Ласушемъ. Молодой человѣкъ ничего этого не знаетъ, и считая Арнольфа другомъ своего отца, а слѣдовательно и своимъ собственнымъ, откровенно пересказываетъ ему о своей побѣдѣ и успѣхахъ, смѣется надъ старымъ ревнивецомъ, и проч. и проч., однимъ словомъ принимаетъ Арнольфа за своего повѣреннаго, друга самаго искренняго, не только принимающаго въ немъ участіе, но даже готоваго помогать ему. Бѣшенство Арнольфа и его неудачи съ одной стороны, пламенная любовь Гораса и его счастливые успѣхи съ другой, составляютъ рядъ сценъ, исполненныхъ возрастающаго интереса. Вотъ почему *Школа женщинъ*, не смотря на недостатокъ дѣйствія и нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія и очевидныя несообразности, всегда правится въ представленіи.

Въ нынѣшній разъ роль Арнольфа играла на нашей сценѣ Г-нъ Сосницкій, Агнесы, молодая дебютантка, Г-жа Мартынова, Жюжетты Г-жа Самойлова 2-я, Алина Г-нъ Мартыновъ. Пьеса шла довольно согласно, хотя не съ тою твердостью, не съ тою отчетливостію, которыхъ требуетъ Молиеръ. Больше всего быма изучена и обдуманна роль у Г-жи Мартыновой. Судя по первому дебюту, можно обещать въ ней, со временемъ, превосходную артистку: обладая счастливою наружностію

она, въ то же время, не лишена и внутреннихъ качествъ, составляющихъ необходимую принадлежность артистки; игра ея исполнена ума, непринужденности и одушевленія. Публика съ восторгомъ привѣтствовала молодую дебютантку, и удостоила ее неоднократнаго вызова.

Критика на Школу женщинъ есть собственно не комедія, а разговоръ, безъ всякаго дѣйствія, безъ всякой завязки. Нѣсколько лицъ собралось у Г-жи Делины, и разговариваютъ о комедіи *Школа женщинъ*; между ими Княгиня Савне служитъ представительницею тѣхъ забавныхъ женщинъ, которыхъ Молиеръ вывелъ въ своихъ *Précieuses ridicules*; Маркизь передаетъ мнѣнія падутой аристократіи времени Молиера, глухой и бездушной; Лизидась, поэтъ, изображаетъ мелкихъ авторовъ, хитрыхъ и завистливыхъ, вредящихъ изъ подтишка, подъ маскою скромности и безпристрастія. Разговоръ между этими дѣйствующими лицами ведется живо и натурально; всякій выражаетъ свои мнѣнія, или лучше сказать, мнѣнія того класса общества, къ которому онъ принадлежитъ: Княгиня Савне приходитъ въ ужасъ отъ беззравственности пьесы, отъ неприличныхъ выраженій, которыми, по ея мнѣнію, она наполнена; Маркизь не выражаетъ собственно ни какого мнѣнія, а только ловитъ то, что другіе говорятъ, и громко смѣется. Лизидась атакуетъ комедію Молиера тяжелыми выстрѣлами педантизма и школьной пѣвтики. Съ ними со всѣми борется одинъ—Дорантъ, опровергающій ихъ мнѣнія то логическимъ доводомъ, то легкою шуткою. Какъ ни умно говорить Дорантъ, но, разумѣется, онъ не можетъ ни убѣдить, ни переспорить, а потому побѣда остается ничья. Человѣкъ докладываетъ, что готово кушанье—всѣ уходятъ, тѣмъ пьеса и кончается.

По нашему мнѣнію, *Критики на Школу женщинъ* вовсе не слѣдовало ставить на сцену. Эта пьеса есть временное, случай-

ное произведеніе, *pièce de circonstance*, въ наше время и для насъ, Русскихъ, не имѣющая ни какого значенія.

Вотъ, совсѣмъ другое дѣло, на примѣръ, *Ифигенія въ Авлидѣ*, трагедія Расина: мы нисколько не противъ возобновленія на нашей сценѣ старыхъ Французскихъ классическихъ пьесъ, приводившихъ въ восторгъ и умлявшихъ сердца нашихъ отцевъ и дѣдовъ. Вѣдь Рашель воскресила же Корнеля и Расина на Парижской сценѣ! Лондонъ, замѣтьте, Лондонъ, который боготворитъ Шекспира, знаетъ и понимаетъ его, вѣроятно, лучше всей остальной Европы, и тотъ восхищается игрою Г-жи Рашель въ классической трагедіи. Образованная Петербургская публика не только не прочь, но съ своей стороны очень рада была бы видѣть Рашель на здѣшней сценѣ. И такъ, возобновленіе классической трагедіи на Русской сценѣ дѣло очень не лишнее; для полнаго успѣха ея, можетъ быть, нужна только какая нибудь Рашель. Для насъ такое явленіе имѣетъ многія любопытныя стороны: во-первыхъ, какъ окончательное рѣшеніе вопроса о судьбѣ Корнеля и Расина, которые такъ долго были кумирами всей Европы, потомъ вдругъ свержены съ своихъ пьедесталовъ, и теперь снова воскресаютъ на сценѣ; во-вторыхъ, для молодого поколѣнія публики, воспитаннаго въ чувствѣ неуваженія, если не презрѣнія, къ именамъ классическихъ трагиковъ, возобновленіе это, съ одной стороны, будетъ имѣть значеніе *историческихъ спектаклей*, а съ другой покажетъ, что Расинъ и другіе трагики Французскіе не лишены многихъ достоинствъ, которыя доставили имъ славу въ потомствѣ и власть надъ сердцами зрителей; во-третьихъ, признать сказать, намъ такъ наскучили эти скороспѣлыя драмы и водевилы, или переводы, или сколки съ Французскаго, что мы очень рады были бы старой классической трагедіи, съ ея завѣтными традиціями, съ ея обычнымъ убранствомъ. Притомъ мы ду-

маемъ, что возобновленіе классической трагедіи было бы не совсѣмъ бесполезно и для артистовъ нашихъ: многія эфемерныя явленія, которыми наводняется сцена наша, имѣютъ гибельное вліяніе на молодыхъ артистовъ: дарованія мельчаютъ отъ мелкоты явленій; скороспѣлыя піесы производятъ скороспѣлыхъ артистовъ; молодой талантѣ, только что вышедшій изъ школы, и сыгравшій съ успѣхомъ двѣ, три роли, воображаетъ себя огромнымъ уже талантомъ, и посредствомъ легкихъ однодневныхъ ролей пріобрѣтаетъ навыкъ и развязность на сценѣ, думаетъ, что онъ постигъ и усвоилъ себѣ искусство, что онъ уже артистъ, въ полномъ значеніи этого слова... Глядя на этихъ артистовъ-невольно дивнись я, какъ легко достается имъ искусство, особенно, какъ вспомнишь о какомъ нибудь Каратыгинѣ, Щепкинѣ, объ этихъ высокыхъ талантахъ, которые вѣкъ свой изучали искусство, изучаютъ его по сіе время, когда стали уже великими артистами, и все такъ утверждаютъ, съ снисхожденіемъ Сократа, что они еще не все изучили, и всякую новую роль изучаютъ такъ, какъ будто они только что вступаютъ на сцену, съ тѣмъ же стараніемъ, съ тою же заботливостію и съ тѣмъ же рвеніемъ. Такъ поступали всѣ великіе люди — актеры, музыканты, полководцы... Обращаясь къ нашему предмету, замѣтимъ, что В. А. Каратыгинъ, А. М. Каратыгина, Щепкинъ, всѣ эти артисты, составляющіе украшеніе и гордость нашего театра, начали съ классической трагедіи и, можетъ быть, не мало обязаны ей развитіемъ своихъ высокыхъ дарованій, этою отчетливостію и обдуманностію игры, которая у нихъ вошла въ привычку, и которую въ молодыхъ артистахъ замѣчаемъ мы очень, очень рѣдко, и даже большею частію тогда только, когда они вновь, когда только что вступили на сценическое поприще, и не успѣли еще зачерствѣть душою, сдѣлаться поденщиками, обязанными вытвердить и, въ уро-

чій частъ, сказать роль на сценѣ. Да, классическая трагедія и комедія, съ своими школьными условіями, съ своимъ педантизмомъ, была бы не бесполезна въ такое время, когда ученіе и театръ сдѣлался понятіями одно другому чуждыми, когда актеромъ можетъ быть и бываетъ всякій, у кого только есть языкъ и человѣческая фигура. Вотъ почему выше сказали мы, что Г-жа Самойлова 1-я *очень кстати* вздумала, для бенефиса своего, возобновить трагедію Расина.

Дебютантка, дочь ея, играла Пенгению. Репертуаръ имѣлъ случай пріивѣтствовать ея дарованіе еще въ прошломъ году, когда она въ первый разъ выступила на сцену въ плохой роли и въ плохой драмѣ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ и съ большею увѣренностію можемъ мы сказать о ней доброе слово теперь, послѣ ея, можно сказать, блестящаго дебюта, въ трудной роли *Ифигеніи*, требующей много ума, искусства, обдуманности, труда, изученія. Пять, шесть такихъ ролей для молодой артистки сдѣлаютъ болѣе, нежели пятьдесятъ эфемерныхъ ролей, которыя должна была бы сыграть она тотчасъ по вступленіи своемъ на сцену. Положимъ, что для молодой артистки, знакомой притомъ съ нѣкоторыми драмами и Шекспира и Шиллера, роли классической трагедіи могутъ показаться нѣсколько скучными и тяжелыми, но въдъ это, по нашему мнѣнію, азбука искусства, а ни какая азбукою весела не бываетъ. Всякая наука и всякое искусство требуютъ *терпѣнія* до тѣхъ поръ, пока они не примутъ своего адепта въ сонмъ посвященныхъ, не введутъ его въ свой высокій и блестящій храмъ, тогда и наука и искусство дѣлаются его наслажденіемъ, его счастіемъ, его раемъ земнымъ... Падобно сперва пройти тернистый путь, чтобы потомъ отдыхать на лаврахъ. Радуюсь за молодую дебютантку, видя въ ней талантъ неподдѣльный, мы искренно желаемъ ей успѣха прочнаго, а упорчить

успѣхъ можетъ только учене, учение и учение. Начало сдѣлано, и сдѣлано прекрасно. Дальнѣйшіе успѣхи завѣсятъ уже отъ самой артистки.

Роль Ахиллеса или, пожалуй, Ахилла занималъ В. А. Каратыгина; въ немъ замѣтили мы большую отвычку отъ ролей классическихъ, особенно такихъ, въ которыхъ болѣе декламациа, нежели петипаго чувства, и, разумется, говоримъ это не въ укоръ ему: онъ сыгралъ Ахилла такъ, какъ отличный музыкантъ, но не ступной просьбѣ любителей, разыгрываетъ какую нибудь піесу изъ старыхъ, давно имъ оставленныхъ музыкальныхъ произведеній.

А. М. Каратыгина, въ роли Клитемистры, была истинно въ своей сферѣ — артистка высокаго таланта и ума. Игра ея до того привела въ восторгъ зрителей, что каждое явленіе ея, каждую сцену сопровождала она громкими аплодисементами и вызовами.

Прибавимъ къ этому, что Г-жа Дюръ очень хороша сыграла Эрифилу, и вы повѣрите, что Пфигенія въ Авлидѣ имѣла большой успѣхъ, не смотря на длинные монологи тирана Агамемнона и надутаго резонера Улисса, монологи, которыми порядочно помучили публику Г-да Толченовъ и Ворошовъ.

Кромѣ Молиера, Расина и двухъ дебютантокъ, сцена наша, въ послѣдніе два бенефиса, представила намъ три водевилля: *Капитанъ втораго ранга и жена первой статьи*, передѣланный съ Французскаго Г-мъ П. П.; *Дѣдушка Назаръ Андреевичъ*, водевилъ Скриба, передѣлан-

ный Г-мъ Федоровымъ, и *Сынъ миллионера*, передѣланный изъ повѣсти. Изъ этихъ трехъ водевилей заслуживаетъ вниманія только одинъ *Дѣдушка*, потому что онъ, во-первыхъ, водевилъ Скриба, стало быть, умный водевилъ, а во-вторыхъ, передѣланъ П. С. Федоровымъ, стало быть, хорошо передѣланъ, и потому, въ-третьихъ, что въ немъ роль Дѣдушки сыгралъ Г. Мартыновъ, не только умно, хорошо, но превосходно! Этотъ дѣдушка, по милости своего внучка, котораго онъ черезъ чуръ балуетъ, принужденъ взять на себя роль жениха, и притомъ жениха молодой, шестнадцатилѣтней дѣвушки! Представьте себѣ его критическое положеніе! Дѣдушка думалъ, что эта невѣста, увидѣвши его, вѣрно, на откровенный вопросъ скажетъ, что она не можетъ любить его, а тѣмъ менѣе быть его женою, но каково же положеніе *дѣдушки*, когда она говоритъ ему прямо и твердо, что она, по сердцу своему, совершенно согласна быть его женою?! Такое положеніе *дѣдушки* возбуждаетъ самое живое участіе зрителя, и піеса, отъ начала до конца, поддерживаетъ свою занимательность.

Оканчиваемъ нашу хроніку за *Июль* мѣсяцъ съ такимъ успокоительнымъ чувствомъ, какого мы давно уже не испытывали: въ одинъ мѣсяцъ мы видѣли двухъ молодыхъ, прекрасныхъ дебютантокъ. Въ одинъ мѣсяцъ два таланта — для комедіи и для трагедіи. Если въ настоящемъ мало утѣшительнаго, утѣшимся надеждами на будущее.... *Авось* — великое слово!...

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Деюты Гг. Артемовскаго и Михайлова.

IV СЕРІЯ

Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ Петербургская публика услышала на сценѣ нашихъ обоихъ соотечественниковъ, усовершенствовавшихся въ пѣніи у лучшихъ наставниковъ въ Италіи. Первый дебютъ ихъ былъ въ оперѣ Донидетти: Луція де Ламмермуръ (3-го Іюля), а второй въ оперѣ: *Велдсарій* (8-го Іюля).

Нынѣ, послѣ двухъ представлений, еще невозможно произнести рѣшительнаго мнѣнія, но смѣло скажемъ, что оба молодые артиста удовлетворили общему ожиданію: въ нихъ находимъ именно то, чего должно желать въ Италіанской Оперѣ; голоса гибкіе и звучные, прекрасную методу и неподдѣльное чувство. У Г-на Михайлова чистый теноръ, крайне пріятный, хотя, къ сожалѣнію, не довольно сильный для нашей огромной залы Большаго Театра; но метода и вкусъ, преобладающіе въ его голосѣ, выкупаютъ этотъ недостатокъ. У Г-на Артемовскаго, сильный и звучный басъ, достигающій впрочемъ безъ труда до высокихъ теноровыхъ нотъ. Повидимому, Г-нъ Артемовскій не развилъ въ первое представленіе всего могущества своего голоса; во второе представленіе онъ уже

пѣлъ съ болѣею увѣренностію, хотя все еще сжималъ зубы тамъ, гдѣ бы слѣдовало ему открывать ротъ.

Въ игрѣ молодыхъ дебютантовъ замѣтна нѣкоторая неувѣренность; неизбежная съ появленіемъ на сценѣ впервые; но ихъ нельзя упрекнуть ни въ застѣчивости, ни въ неловкости. Отъ одного обыкновенія Италіанскихъ пѣвцовъ должны они отвыкнуть на нашей сценѣ — отъ поклоновъ послѣ рукоплесканій по окончаніи нумера, или даже посреди арии или дуэта. У насъ еще нѣсколько дорожатъ драматическимъ эффектомъ оперы, и пѣвецъ, облаченный въ костюмъ Римскаго полководца, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, не долженъ выходить изъ роли и раскаиваться посреди пѣнія, какъ въ концертной залѣ, когда онъ стоитъ на астрадѣ, въ черномъ фракѣ, съ бѣлыхъ перчаткахъ, съ потами въ рукахъ. Гдѣ дебютанты, привыкшіе къ обычаямъ Италіанскихъ театровъ, легко отучатся отъ привычки, производящей не весьма пріятное впечатлѣніе на нашу публику. Желаемъ имъ отъ души дальнѣйшихъ успѣховъ.

РЕПЕРТУАРЪ.

Въ продолженіе послѣднихъ дней репертуаръ театра составляли оперы: *Велдсарій* и *Донидетти*. Въ продолженіе послѣднихъ дней репертуаръ театра составляли оперы: *Велдсарій* и *Донидетти*.

IV. СМѢСЬ.

РАЗСКАЗЪ АРТИСТА.

Однажды вечеромъ, знаменитаго пѣвца Мартена ждали на веселый, пріятельскій ужинъ. Все уже было давно приготовлено; гости давно съ нетерпѣніемъ поглядывали на дверь, помышляя о предстоящихъ гастрономическихъ наслажденіяхъ; самъ гостепріимный хозяинъ уже немножко хмурилъ брови отъ досады, а Мартена все еще не было. Наконецъ, между собесѣдниками, уже начинало слышаться: «Да полно будетъ ли?» это выраженіе живѣйшаго нетерпѣнія, этотъ роковой вопросъ, которому, по большей части, приносятъ въ жертву отсутствующаго, какъ вдругъ дверь отворилась съ шумомъ и Мартенъ явился. Тотъ же часъ всѣ отправились въ столовую и усѣлись.

— Извините, сказалъ Мартенъ съ какимъ-то смущеніемъ, развертывая свою салфетку: извините, что я заставилъ дожидаться себя. Я былъ свидѣтелемъ страннаго, ужаснаго происшествія!... Кто бы повѣрилъ, чтобы въ Парижѣ могло случаться что либо подобное! До чего дожили мы, Господи, Боже мой! Какая безправственность у насъ!... Я и теперь еще совершенно разстроены, и теперь еще не могу прийти въ себя....

— Да что же такое случилось?

— А вотъ что, извольте слушать: Одинъ вдовецъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, еще очень здоровый, богатый и имѣющій почетное званіе, женился на молодой, страст-

ной, пылкой женщиной. Надобно вамъ сказать притомъ, что у этого господина былъ сынъ отъ перваго брака, молодой человѣкъ прекрасный собою, скромный, разсудительный, не дѣлавшій ни шалостей, ни долговъ; словомъ, такой молодой человѣкъ, какихъ вовсе не видать въ нашъ испоченный вѣкъ.

— Прекрасно, а далѣе?

— Далѣе, въ этого молодаго человѣка влюбилась его мачиха, влюбилась страстно, до безумія! Мужъ ея былъ въ отлучкѣ по важнымъ дѣламъ. Она воспользовалась этимъ, и призналась пасынку въ своей постыдной любви. Молодой человѣкъ сначала былъ пораженъ этимъ признаніемъ, какъ громомъ, а потомъ отвѣчалъ на него, какъ повелѣвали ему долгъ и честь.

— Онъ поступилъ превосходно!

— Можете себя представить, что происходило въ душѣ этой страстной женщины, когда она увидѣла, что любовь ея отвергнута, презрѣна. На бѣду еще, ей посоветовали обвинить молодаго человѣка передъ отцемъ въ томъ, что онъ оскорбилъ именно такимъ признаніемъ, какое она сама сдѣлала.

— Э, да это запутывается, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, и всѣ присутствовавшіе, забывъ про аппетитъ, начали слушать разсказчика еще внимательнѣе, чѣмъ прежде.

— Это позорное средство удалось. Когда отецъ нашего молодаго человѣка воз-

вратился изъ путешествія, ему разсказали эту басню, и онъ повѣрилъ ей. Гнѣвъ его не имѣлъ предѣловъ. Напрасно молодой человекъ пытался оправдать себя доводами самыми убѣдительными; отецъ не хотѣлъ слышать, и изгналъ его изъ своего присутствія. Молодой человекъ садится въ экипажъ.... ѣдетъ.... Но на дорогѣ, одинъ пріятель отца, чтобы угодить его гнѣву, поставилъ какое-то пугало... Лошадь молодого человека закусила удила, понесла, экипажъ опрокинулся и молодой человекъ разможилъ себѣ голову. При извѣстии объ этомъ, преступная мачиха закалывается въ отчаяніи, созвавшись въ своемъ преступленіи,

— Богъ мой, какая катастрофа! Да это настоящая трагедія!

— Я и не говорю, чтобы это не была трагедія.

— А это случилось?..

— Сегодня вечеромъ, въ присутствіи тысячи двухъ сотъ, или полуторы тысячи человекъ, которые такъ спокойно смотрѣли на происходившее, что ни одному изъ нихъ не вздумалось позвать полицейскаго комиссара, чтобы предотвратить страшную развязку или отвезти несчастливца въ госпиталь....

— О, да это непростительно!... Въ Парижѣ все считается спектаклемъ.... Такое равнодушіе.... Но гдѣ же происходила эта страшная драма?

— Въ концѣ улицы Ришелье.... близъ улицы Сентъ-Оноре... Вы знаете тамъ большой домъ съ аркадами?..

— Какъ! Французскій Театръ?

— Именно: Г-жа Дюшенуа играла въ немъ сегодня вечеромъ *Федру*, которой содержаніе я разсказалъ вамъ теперъ.

Отвѣтомъ на это былъ взрывъ единодушнаго смѣха, и собесѣдники снова принялись съ усердіемъ за вилки. Они даже весело выпили за здоровье умершихъ въ тотъ вечеръ во Французскомъ Театрѣ,

ДРЕВНІЯ ГРЕЧЕСКІЯ ТРАГЕДІИ И КОМЕДИИ, ВЪ БЕРЛИНѢ И ВѢНѢ.

11-го Іюня, на Вѣнскомъ Театрѣ *an der Wien*, лавали *Елену*, трагедію Эврипида, въ переводѣ Виланда, и *Форміо*, комедію Теренція, въ переводѣ Книдербатера. Не входя въ объясненіе отношенія древней драмы къ нынѣшней, замѣтимъ только, что попытка Тика въ Берлинѣ поставить *Антигону* на сцену наша, какъ видно, послѣдователей и въ Вѣнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что прочіе Нѣмецкіе театры будутъ подражать этому примѣру, пока или протекутъ какіе нибудь прочные результаты, или возникнетъ убѣжденіе, что сближеніе древняго драматическаго искусства съ новымъ есть тщетное, непрносящее пользы усиліе. До того времени, подобные опыты имѣютъ двойную выгоду: съ одной стороны они доставляютъ лучшее средство, чтобъ актеры извѣдали свои дарованія, сознали способы, которые даны имъ въ удѣлъ; съ другой—они прерываютъ утомительное однообразіе тепершняго репертуара, и, ближе знакомя публику съ минувшимъ величіемъ, показываютъ ей рѣзкую противоположность въ настоящихъ мелочахъ, открываютъ, въ какихъ ничтожныхъ предметахъ она ищетъ пылъ наслажденія. Чтобы взяться за драматическое произведеніе древности потребны знаніе и умѣніе, переходящія за черту обычныхъ пріемовъ. Уловить тайну древняго діалога не легко, и не каждый актеръ попадетъ на прямой путь, чтобъ передать эту важную медленность, эту почти неподражаемую плавность древней драматической рѣчи. Она, какъ роскошная одежда, волнуется въ длинныхъ и широкихъ складкахъ. Необходимы значительныя средства, чтобы постигнуть и выразить ее. Вѣнскіе критики съ одобреніемъ отзываются объ артистахъ, исполнившихъ роли въ *Еленѣ* и *Форміо*. Особенная трудность для нихъ безспорно заключалась въ слѣдующемъ: у Эврипида характеры дѣйствующихъ лицъ не имѣ-

ють той рѣзкости, той, если можно сказать, бросающейся въ глаза индивидуальности, которую привыкли мы видѣть на новой сценѣ, а потому и положеніе актера весьма стѣснительно. Представленіе Елены произвело приятное впечатлѣніе на публику. Въ этой трагедіи древній элементъ проявился во всей его дѣйственной важности. Распредѣленіе пьесы было сдѣлано весьма искусно. Хоры пѣты, какъ въ Берлинѣ; музыку, вполне соответствующую предмету, сочинилъ даровитый Келеръ. Не смотря на повизну всего этого, зрителямъ ничто не показалось страннымъ. Что же касается до комедіи Теренція, она, по своему содержанію, несравненно ближе къ духу новой драмы.

Въ сущности, у этой комедіи тѣ же элементы, какъ и у нынѣшней Семейныя отношенія сходны съ нашими, за исключеніемъ разностей, происходящихъ отъ условій общественнаго быта, отъ национальности. Нельзя оспорить, что древность завѣщала намъ нѣкоторые неизмѣнные, если позволительно выразиться, типическіе характеры. Новые критики упрекаютъ Теренція, или собственно тѣхъ, комъ онъ передѣлывалъ, въ чрезвычайной простотѣ завязки пьесъ. Допустимъ это. Но теперешніе комки едва ли также удовлетворили бы строгимъ требованіямъ Римскихъ критиковъ. Какъ далеко уступаютъ они Теренцію въ живости, подвижности дѣйствія! Правда, онъ слишкомъ многословенъ, часто тратитъ фразы только для того, чтобы развить завязку; однакожъ и въ этомъ случаѣ не должно спѣшить съ укоромъ. Надлежитъ знать, что сцена древнихъ была лишена тѣхъ значительныхъ техническихъ средствъ, которыми распоряжается нынѣшняя драма. Древній драматическій писатель, чтобы возбудить вниманіе зрителей, долженствовалъ самъ комментировать, пояснять дѣйствіе. Отсюда происходила его многорѣчивость. Въ пьесѣ Теренція вѣроятно показалось публикѣ страннымъ, что обѣ пе-

вѣсты, будучи главными пружинами интриги, совсѣмъ не являются на сцену. Но комикъ Римскій уничтожилъ бы весь интересъ, если бы поступилъ иначе. Онъ рассчитывалъ также, что мужчины, представляя сихъ невѣстъ, не умѣли бы увлечь чувствительность зрителей.

СТАБАТЪ МАТЕРЪ, ВЪ ВѢНѢ.

Въ ВѢнской Маскарадной Залѣ (*Redoutensaal*), подъ управленіемъ Кавалера Донидзетти, исполнено было недавно, во второй разъ, гениальное твореніе Россіи *Stabat mater*. Посѣтителей собралось не слишкомъ много, но несомнѣтельно по понятію, что подобное произведеніе можно оцѣнить, выслушавъ его однажды. Пѣть, чѣмъ чаще слышишь эти чудные звуки, тѣмъ больше красота открывашь въ нихъ, тѣмъ сильнѣе они дѣйствуютъ на душу, тѣмъ смѣшнѣе кажутся кривые толки записныхъ школяровъ. Одинъ ВѢнскій критикъ замѣчаетъ, что *Stabat mater* подлежало бы выполнитъ въ церкви, съ достаточнымъ оркестромъ и хоромъ, чтобы достигнуть достоинства этого высокаго творенія. Вотъ что онъ пишетъ: «Не должно обманываться касательно силы музыки. Кому угодно, тотъ, играя роль строгаго, совѣтливаго и привязчиваго критика, можетъ ломать голову надъ рѣшеніемъ вопроса: слѣдуетъ ли причислить произведеніе Россіи къ церковной музыкѣ, или нѣтъ. Оно писано для церкви, поэтому и надобно тамъ исполнить его. Кастиль-Блазъ, перелагая Дюпъ-Жуана, внесъ въ одну сцену хоръ изъ реквиема Моцарта. Что же вышло? Дивные звуки, потрясавшіе всѣхъ въ церкви, пронеслись въ театрѣ, не возбудивъ вниманія. Почему? Потому, что недоставало сводовъ храма, его купола, благоуханія кадильницъ, мерцанія свѣчъ. Повторяю, не должно обманываться касательно силы музыки. Не отрицаю, что нѣкоторыя мѣста въ *Stabat mater* могли бы быть важнѣе, торжественнѣе; но и теперь сколько воз-

вышнего, гениальнаго, въ этомъ образцовомъ произведеніи! Кто не расстрогается, слушая введеніе: *Stabat mater dolorosa*, или арію баса N. 4. *Pro peccatis*? Кого не потрясутъ могучіе звуки хора съ речитативомъ *Eja mater*, безъ оркестра? Кто останется холоденъ при пылнѣйшей аріи дисканта съ хоромъ N. 8. *Inflammatius*? Кого не объемятъ набожный ужасъ, когда раздадутся величественные звуки квартета, безъ аккомпанимента, *Quando corpus morietur*? И это вторичное исполненіе публика единственно приветствовала громкими рукоплесканіями. Речитативъ съ хоромъ *Eja mater* привелъ всѣхъ въ восторгъ и былъ повторенъ. Подъ главнымъ управленіемъ Дондзетти, Прохъ и Гельмесбергеръ дирижировали оркестромъ и хоромъ. Въ пѣніи участвовали члены Италіанской оперы: Г-жи Тадолина, Брамбилла, Мальвани и Сальвини, Гг. Донзелли, Моріани, Бадіали, Верезе и Деривисъ.»

ПРОЦЕССЪ БАЛЬЗАКА.

Въ первое представленіе драмы своей (*Кинола*), Бальзакъ вздумалъ продавать по пятнадцати франковъ мѣста, которымъ обыкновенная цѣна два съ половиною франка. Бальзакъ увѣрялъ, что увеличиваетъ цѣну не изъ корысти, а изъ желанія имѣть просвѣщенныхъ и неподкупныхъ судей. Графъ N*** взялъ билетъ, заплатилъ пятнадцать франковъ, посмотрѣлъ *Кинолу*, и на другой день подалъ въ Судъ просьбу о возвращеніи ему двѣнадцати съ половиною франковъ, яко бы излишне съ него взятыхъ. Бальзакъ защищался тѣмъ, что хотѣлъ знать есть ли у него драматическій талантъ, и какъ думаетъ о немъ самая избранная, самая богатая Парижская публика, и потому рѣшился на такую мѣру, чтобы не могли думать, что въ успѣхъ его принимали участіе хлопальщики. Судьи, однако жъ, не нашли доказательствъ Бальзака достаточными, и объявили, что непомѣрное возвышеніе

цѣны противно закону, по которому назначена такса мѣстамъ, именно для того, чтобы содержатели театровъ не могли притѣснять публику и брать съ нее черезъ-чуръ огромные проценты за театральныя наслажденія. Бальзакъ приговоренъ къ возвращенію 12-ти франковъ и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ; это значитъ, что Бальзакъ заплатитъ нѣсколько сотъ франковъ, потому что правосудіе во Франціи обходится довольно дорого.

ОБЩЕСТВО ДРАМАТИЧЕСКИХЪ АРТИСТОВЪ.

Въ Парижѣ происходило недавно засѣданіе вспомогательнаго общества драматическихъ артистовъ. Актеръ Французскаго Театра Г. Сансонъ, Вице-Президентъ Общества, прочиталъ отчетъ, по которому видно, что доходы Общества въ 1840-41 году простирались до 18,937 ф. 50 сант., въ 1841-42 году до 26,098 ф. 91 сант. Въ первый изъ сихъ годовъ въ пособіе выдано 1200 фр., во второй 2485 фр. Исчисляя благотворителей Общества, Г. Сансонъ упомянулъ о сборѣ, произведенномъ между Французскими артистами, находящимися въ Петербургѣ, и простираломся до 741 фр.

МЕЛОЧИ.

Извѣстный композиторъ Оберъ, назначенный на мѣсто Керубини Директоромъ Парижской Музыкальной Консерваторіи, началъ управленіе свое весьма полезнымъ нововведеніемъ. Онъ предписалъ возобновить сцену, въ залѣ Консерваторіи: тамъ будутъ происходить, по два раза въ недѣлю, публичныя театральныя представленія, исполняемыя воспитанниками. Этимъ средствомъ можно образовать изъ питомцевъ Консерваторіи не только хорошихъ пѣвцовъ, но и актеровъ.

— Дастъ далѣ въ Парижѣ концертъ въ пользу несчастныхъ пѣвцовъ обанкротившейся Пѣсенной Оперы; сборъ концерта простирался до 7,200 фр. Дастъ

играла въ тотъ вечеръ фантазію на темы изъ Донъ Жуана, еще неизвѣстную въ Парижѣ; она очень понравилась публикѣ.

— Въ одномъ Парижскомъ журналѣ исчислили, что актриса Рашель, явившаяся въ первый разъ на сценѣ за четыре года тому назадъ, донинѣ играла 225 разъ, и получая, круглымъ числомъ, по 4,500 франковъ за представленіе, всего перебрала 1,147,500 франковъ.

— Фанни Эльслеръ отправляется изъ Гаванны въ Мексику — за новымъ золотомъ.

— Берлинскій Оперный Театръ будетъ, какъ слышно, перестроенъ.

— Изъ Люттиха пишутъ, отъ 28-го Юня. «Статуя извѣстнаго композитора Гретри, вѣсомъ въ 4,500 килограммъ, помощію машинъ, удачно исполнившихъ свое дѣло въ полчаса, поставлена сегодня утромъ на пьедесталъ. Статуя вышиною въ тринадцать футовъ, пьедесталъ въ шестнадцать футовъ. До дня освященія, статуя остается закрытою. Она поставлена на площади передъ университетомъ.»

— Король Прусскій наименовалъ Мейербергера своимъ главнымъ директоромъ му-

зыки. Мейербергеръ будетъ получать 3000 талеровъ въ годъ жалованья и пользоваться каждый годъ шестимѣсячнымъ отпускомъ въ Парижѣ. Сверхъ обязанностей по театру, онъ принялъ на себя и обязанность дирижировать придворными концертами Е. В.

— На дняхъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія, Мейербергеръ воротился въ Парижѣ.

— При открытіи монумента Моцарту, въ Зальцбургѣ (8-го Сентября), будутъ даны музыкальныя празднества, къ которымъ уже приглашены замѣчательнѣйшіе артисты: Листъ, Тальбергъ, Штаудигль, и др. Въ двухъ концертахъ будутъ исполнены Реквиемъ и большая обѣдия Моцарта.

— Донидзетти назначенъ Австрійскимъ придворнымъ композиторомъ, съ жалованьемъ по 3000 гульд. и съ условіемъ дирижировать, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, оркестромъ придвораго опернаго театра въ Вѣнѣ.

— 9-го Юля, въ Нельи, дайтъ, въ пользу бѣдныхъ этой общины, большой вокальный и инструментальный концертъ, въ которомъ участвовалъ Листъ.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

РЕПЕРТУАРА РУССКАГО И ПАНТЕОНА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

ОТСЫЛАЕМАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТѢ.

Репертуаръ, въ соединеніи съ Пантеономъ, принялъ непремѣннымъ основнымъ правиломъ — не помѣщать въ столбцахъ своихъ ничего такого, что не относится къ театру, и по этому не говорилъ донинѣ ни слова о безпрестанныхъ придиркахъ къ

нему Литературной Газеты. Видя, наконецъ, что эта привязчивость Литературной Газеты сущая комедія, онъ рѣшился поговорить съ нею о томъ, въ первый и послѣдній разъ.

Репертуаръ не будетъ стращивать пыли

съ старинныхъ номеровъ Литературной Газеты, слившейся остриться надъ печатками, неизбежными въ периодическомъ изданіи, выходящемъ, по возможности, въ назначенный срокъ. Г. Кони, завѣдывающій литературною частью Литературной Газеты, не можетъ знать, что значить спѣшное заготовленіе книжекъ, такъ какъ Пантеонъ за 1841-й годъ, подъ его, Г. Кони, редакціею, выходитъ только въ нынѣшнемъ, 1842-мъ году. Восьмая книжка его, долженствовавшая выйти въ свѣтъ въ Сентябрѣ 1841 г., появилась только въ концѣ Юня 1842 г. По случаю выхода этой 8-й книжки, въ Литературной Газетѣ говорятъ и о 8-мъ номерѣ *Репертуара и Пантеона на 1842 годъ*, хотя въ то время въ рукахъ нашихъ подписчиковъ находились уже всѣ двѣнадцать книжекъ, составляющихъ полугодовое изданіе. Наша книжка доставляетъ Литературной Газетѣ случай наполнить два столбца разными шуточками надъ печатками, безъ которыхъ, вѣроятно, не обойдется и изданіе, находящееся подъ редакціею Г-на Кони, не смотря на то, что его корректорамъ было дано на чтеніе корректуры цѣлые десять мѣсяцевъ.

Во-первыхъ, Литературная Газета позволяетъ потѣшаться, что въ VIII книжкѣ нашего изданія, на стр. 39-й, въ выноскѣ, вмѣсто 1750 года, напечатано 1850. Стоитъ ли говорить объ печаткѣ, бросающейся въ глаза съ перваго взгляда, во-первыхъ потому, что мы еще не дожили до 1850 года, а во-вторыхъ, что двумя строчками ниже говорится о 1752 и 1774 годахъ! Неужели Литературная Газета еще не знаетъ, какъ легко крадываются такія печатки? Что, если бѣ въ какомъ другомъ изданіи было столько же лишняго мѣста, какъ въ Литературной Газетѣ, и тамъ вздумали шутить надъ тѣмъ, что въ No 23 этой Газеты, на послѣдней, 484-й страницѣ, въ статейкѣ *Торговля льдомъ*, рассказываютъ, что: «Съ 1327 года одному Бостонскому купцу пришло на мысль,»

и пр. Какъ бы Литературная Газета по этому случаю *разъѣхались* и блеснула ученостью, на счетъ открытія Америки за 165 лѣтъ до Колумба, если бѣ эта печатка нашлась въ какомъ либо другомъ изданіи!

Далѣе, Литературная Газета премило шутить надъ тѣмъ, будто бы: «*Лукреція Борджія* вмѣстѣ съ композиторомъ Доницетти писала музыку на слова Этьена Монье.» Читатели наши могутъ справиться на стр. 44-й VIII книжки нашего изданія, и найдутъ, что тамъ сказано: «*Nizza de Grenade*, большая опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Лукреціи Борджіи*, Доницетти, слова Этьена Монье,» т. е., слова новой оперы Этьена Монье сочинены на музыку, написанную композиторомъ Доницетти для либретто оперы *Lucrezia Borgia*, точно такъ же, какъ музыку *Вильгельма Телла*, Россини, мы слышали въ оперѣ *Карлъ Смѣлый*, или опера *Mose in Egitto* была передѣлана въ *Pietro l'Ermite*, и на многихъ сценахъ Гугеноты, Мейербеера, переименованы въ Гвельфовъ и Джибеллиновъ.

Затѣмъ, въ Литературной Газетѣ выписываютъ небольшую статью, помѣщенную въ *Смѣси* VIII-й книжки нашего изданія, и въ заключеніе стараются остриться надъ типографскою ошибкою, кака я можетъ случиться, повторяемъ, при каждомъ и даже не спѣшномъ изданіи. Въ статьѣ Г. Песоцкаго, вѣроятно уже по подписаніи послѣдняго корректураго листа, начало имени архитектора Кнобельсдорфа замѣнено словомъ *Кеништеттскій*. Имя архитектора напечатано тутъ же, въ скобкахъ, по-Нѣмецки, совершенно правильно, слѣдовательно, печатка очевидная.

Добро бы Литературной Газетѣ подмѣчать печатки и недосмотры въ другихъ изданіяхъ, если бѣ она сама издавалась безукоризненно въ этомъ отношеніи! Не угодно ли будетъ ей самой пожуричь своего корректора за недосмотры, проскользнувшіе не въ мелкихъ статьяхъ

Слѣси, составляемыхъ наскоро, въ послѣднюю минуту передъ выходомъ въ свѣтъ листа или книжки, а въ статьяхъ капитальныхъ, подписываемыхъ самимъ Г-мъ Коки, заведывающимъ ея литературною частію. Мы уже привели выше № 23-й Литературной Газеты, и ограничимся имъ, тѣмъ болѣе, что находимъ въ немъ длинную статью о Петербургскихъ Театрахъ, подписанную — *Федоръ Коки*.

И такъ, раскроемъ этотъ номеръ на стр. 477-й, и начнемъ, съ карандашомъ въ рукѣ, читать корректуру статьи Г. Коки. На 6-й строчкѣ отмѣчаемъ мы, значкомъ на полѣ, что слово *мольтеровыхъ* начинается не прописною буквою; вѣроятно Литературная Газета приняла это правописание за правило, и если писать такимъ образомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то это уже не ошибка. — На 15-й и 16-й строчкахъ, насъ останавливаетъ замѣчаніе Г. Коки, объ удареніи въ водевилахъ на словахъ *хотя призрачно дусмысленныхъ*. Правда, что за охота вставлять въ водевилъ слова *призрачно дусмысленныхъ*? Въ водевилахъ свихъ, Г. Коки не любилъ призрачности! — Въ 30-й строчкѣ, Г. корректоръ забылъ исправить опечатку въ имени Пиксеркура; по-Французски имя это пишутъ: *Pixérécourt*, откуда же взялось *Пиксеркуръ*. — Переходимъ ко второму столбцу. Въ 34-й строчкѣ сказано: «мы не видали Г-жу Сосницкую» Г. корректоръ видно проглядѣлъ опіску Г. Коки, который, заведывая литературною частію газеты, вѣроятно знаетъ, что послѣ отрицанія *не* долженъ слѣдовать родительный падежъ; ему слѣдовало исправить и написать: «не видали Г-жи Сосницкой.» — Скажите, пожалуйста, что значить слово *Но*, которымъ начинается фраза посреди 37-й строки? Къ чему тутъ? — Далѣе, въ строкахъ 43-й и 44-й, Г. корректоръ вѣроятно пропустилъ нѣсколько словъ. Тамъ сказано: «Самая публика въ представленіи мольтеровыхъ піесъ совсѣмъ не та.» Что жъ далѣе?

спрашиваетъ невольно. Не та — какъ гдѣ же? Г. Коки не дописалъ, такъ ему помогъ бы хоть Г. корректоръ. — Въ строчкѣ 56-й, или, пожалуй, предшлѣдней, находимъ выраженіе, свидѣтельствующее объ изящномъ вкусѣ Литературной Газеты; тамъ сказано, что Молиеръ рисовалъ сердце — *въ нагольномъ его видѣ!*

Переходимъ къ слѣдующей страницѣ, т. е. къ 478-й, думаете вы? Отнюдь нѣтъ, къ 748-й. Видите, Литературная Газета, какъ легко проглядѣтъ цѣфры, даже самыя крупныя, какъ въ вашихъ колошницѣрахъ. Здѣсь, во второй строчкѣ, Г. корректоръ, вмѣсто слова *цивилизованный*, оставилъ *цисализованный Парижъ*. — Въ строчкѣ 7-й, авторъ статьи говоритъ, что Молиеръ *вкладывалъ въ уста* своему герою — что бы вы думали — *порокъ!* — Въ первомъ столбцѣ той же страницы отмѣтили мы промахи Г. корректора, о которыхъ поговоримъ ниже, а теперь спросимъ у Г. Коки, гдѣ вычиталъ онъ, будто Молиера такъ сильно преслѣдовали за комедіи, что по смерти *не хотѣли удостоить Христіанскаго погребенія* (строка 2-я, стран. 748 или 478)? Его не хотѣли удостоить Христіанскаго погребенія, потому что онъ былъ актеръ, и этотъ предразсудокъ существовалъ во Франціи почти до нашихъ временъ. Г-ну Коки стоило только вспомнить о похоронахъ Г-жи Рокуръ. Вслѣдъ за тѣмъ, невольно опять обращаемся къ Г. корректору, который, съ 3-й строки, начинаетъ писать слово *Мольтеровскій* прописною буквою, повторяетъ это же въ 8-й строчкѣ; далѣе, въ 21-й строчкѣ пишетъ *карикатура*, а въ 37-й строчкѣ *карикатура*; въ 22-й строчкѣ пишетъ *на примѣръ*, когда на предшлѣдущей страницѣ, въ 30-й строчкѣ второго столбца, написалъ *напримѣръ*; которое же изъ правописаній вѣрно? — Вотъ въ 30-й строчкѣ извѣстное названіе комедіи *Le bourgeois gentilhomme* напечатано: *Le bourgeois-gentilhomme*; гоис по-Французски выговаривается *гюа*, а не *жюа*, и къ чему

черточка между словами? Въ слѣдующей затѣмъ строкѣ напечатано *Журдень*, въ 35-й строкѣ, въ род. падежѣ, *Журделл*, а въ 39-й строкѣ, въ множ. числѣ, *Журдены*. Склоняйте, Г. корректоръ, какія угодно слова, кончающіяся на *е*: во множественномъ числѣ никакъ не будутъ *ы*. Въ строкѣ 34-й опять находимъ слово, свидѣтельствующее въ высшей степени объ изящномъ вкусѣ Литературной Газеты; тамъ сказано: выгнать *роза* Журденя. За то, въ строкѣ 48-й, она угощаетъ насъ нововведеніемъ: тамъ, идея Молиера, вырвавшись, должна опрокнуть все *установленное* вѣками! Что бы Г-ну Коки написать было: все *установленное* вѣками; слова *установить* и *установить* имѣютъ два совершенно различныя значенія.

На страницѣ 479-й находимъ, въ 9-й строкѣ, слово, до сихъ поръ намъ не извѣстное, и, не пускаясь въ шутки, откровенно сознаемся, что желали бы видѣть объясненіе его. Тамъ сказано, что Нинона Ланкло была прозвана современниками *Леонциумъ*. Что это за *Леонциумъ*?

Въ строкѣ 28-й напечатано: это *ложь*. Г. Коки, пожурите вашего корректора, который на той же страницѣ, въ 8-й строкѣ, вмѣсто *этому*, оставилъ *этому*, а въ 22-й, вмѣсто *играла*, оставилъ *играла*. Вѣдь въ вашей газетѣ привязываются къ опечаткамъ Репертуара; такъ прикажите, по крайней мѣрѣ, чтобъ у васъ, вмѣсто *ложь*, не оставили *ложь* и, немного ниже, вмѣсто *цифра*, не печатали *цифра*.—Почему, въ строкѣ 41-й, имя Президента Ламуаніона у васъ не склоняется? Или, скажите, по какому правописанію, въ строкѣ 51-й, у васъ напечатано: *доставте*, вмѣсто *заставте*? Второй столбецъ начинается слѣдующею фразою: «Актеръ, который играетъ главный характеръ Молиеровой комедіи, долженъ изучать родникъ, изъ котораго черпалъ авторъ свои страсти, почти съ тѣмъ же прилежаніемъ, ибо ему надлежитъ *осуществовить*», и пр. Спрашиваемъ, что

хотѣлъ сказать Г. Коки: почти съ тѣмъ же прилежаніемъ должно изучать родникъ, или почти съ тѣмъ же прилежаніемъ черпалъ авторъ? А что такое *осуществовить*? Опять новинка.—Нѣсколько далѣе, находимъ: «Что же можетъ лучше и скорѣе развить и усовершенствовать истинный талантъ?» Въ этихъ словахъ заключается двойной смыслъ. Можно понять, во-первыхъ, что: посредствомъ истиннаго таланта можетъ что либо быть развито и усовершенствовано, или, во-вторыхъ, что: что либо можетъ содѣйствовать къ развитію и усовершенствованію истиннаго таланта. Такія фразы, не *призрачно двусмысленныя*, не должны были бы встрѣчаться въ Литературной Газетѣ, и особенно въ статьѣ литератора, завѣдывающаго литературною частью газеты. — Въ строкахъ 15-й и 16-й отмѣчаемъ слова: «Мы знаемъ для Молиеровыхъ комедій одного великаго актера въ Россіи—это Щепкинъ.» Запомните эти слова, мы къ нимъ еще возвратимся. Въ строкѣ 25-й, Литературная Газета, безпощадная къ опечаткамъ Репертуара, пишетъ *превращности*, вмѣсто *превратности*. Но, кто знаетъ, это можетъ быть совсѣмъ не опечатка, а нововведеніе. Въ строкѣ 22-й напечатано: *не ненаходя*—опечатка это или нововведеніе?

На страницѣ 480-й, въ строкахъ 4-й и слѣдующихъ, сказано, что молодая дебютантка выполнила роль *со славою*, которая *предвѣщаетъ* новую, прекрасную *надежду* для нашего театра. Помилуйте, ужъ гдѣ есть *слава*, тамъ нечего *предвѣщать надежду*—это просто *низкобешитимъзагерство*. Въ строкѣ 10-й, Г. корректоръ забылъ соединить слова *тысяче* и *окой*, и поэтому нѣтъ смысла во фразѣ: «предъ этотъ тысяче *окой* аренагъ.» Что за *тысячеокой* такой? Это окончаніе родительнаго падежа женскаго рода, а не именительнаго или винительнаго мужскаго рода.—Въ строкахъ 16-й и 17-й находимъ у дебютантки *подвижное лице*.

Въ строкахъ 25-й, Г-на Сосницкаго называютъ *достойнымъ представителемъ сцены*. Изволите видѣть, это нововведеніе Литературной Газеты въ Русскомъ языкѣ. Во второмъ столбцѣ той же страницы, во 2-й строкѣ, читаемъ: *Сосницкій и Мартыновъ первые комики нашего театра*, и нѣсколько далѣе: *Послѣ смерти Дюра, они единственная поддержка серьезной комедіи*. Ну, а Щенкинъ-то, котораго самъ же Г. Кони называлъ, на предыдущей страницѣ, *однимъ великимъ актеромъ для Мольеровыхъ комедій въ Россіи*? Или Г. Кони скажетъ въ оправданіе, что комедіи Мольера не серьезныя; но какъ же покойный Дюръ, эта олимпическая веселость, попалъ въ серьезную комедію? — Въ строкѣ 22-й, Г. корректоръ пропустилъ опечатку, за которую Литературная Газета ополчилась бы на Репертуаръ; тамъ напечатано *forte à la scène*. — Въ строкѣ 29-й опять промахъ или, лучше сказать, два промаха Г. корректора въ одномъ словѣ: «Мольеръ проходилъ по дворцовой галлерей.» Во-первыхъ, откуда явились два *л* въ словѣ *галлерей*, которое по-Французски пишутъ *galerie*; во-вторыхъ, можно подуматъ, что Г. Кони въ рукописи неправильно написалъ: «по придворной галлерей.» вмѣсто: *галерей*. Ту же ошибку, въ окончаніи предложнаго падежа, находимъ въ третьей строкѣ снизу; тамъ напечатано: на переноси, вмѣсто: на перенось; въ той же строкѣ вмѣсто: приклеить, напечатано: приклевать, и, на слѣдующей страницѣ, вмѣсто: Назаръ Андреевичъ, напечатано два раза: Назаръ Андреевичъ. Ошибкѣ этой позволительно быть на театральной афишѣ, а не въ Литературной Газетѣ, которая должна бы, по крайней мѣрѣ, пещись о правильномъ употребленіи буквы *ь*. Разбираемая нами статья оканчивается словами: «Нѣсколько забавныхъ сценъ оживляютъ эту шутку, и доставили ей успѣхъ.» Опять вина Г. корректора, пропускающаго, въ статьѣ главнаго лица

въ газетѣ, описки, которыя, пожалуй, припишутъ пезнавію Г-мъ Кони Русской грамоты. Въ одномъ и томъ же предложеніи, у Г. Кони глаголы въ различныхъ временахъ! Слѣдовало сказать: «Нѣсколько забавныхъ сценъ оживили эту шутку и доставили ей успѣхъ,» или «сцены оживляютъ шутку и доставляютъ ей успѣхъ.»

Второй части статьи, объ Эмиль *Лериванъ* (какъ пишеть это имя Г. Кони), не трогаемъ, за недостаткомъ мѣста въ вышней книжкѣ *Репертуара и Пантеона*. Не сомнѣваемся, что и въ ней могли бы мы указать Литературной Газетѣ на промахи, которые убѣдили бы ее, что прежде придирокъ къ другимъ изданіямъ, она должна попристальнѣе смотрѣть сама на себя, и присматривать за своимъ корректоромъ. Не дурно было бы ей обратить вниманіе на знаки препинанія въ своихъ столбцахъ, и сказать своему корректору, что есть случаи, въ которыхъ передъ союзомъ и непременно должно ставить запятую. Напримѣръ, на знаменитой 748-й страницѣ, въ третьей строкѣ снизу, въ 1-мъ столбцѣ, послѣ слова *человѣчество*, непременно должна быть запятая. Въ слѣдующемъ столбцѣ, во 2-й строкѣ, послѣ слова *преслѣдовали*, также; въ 17-й строкѣ, послѣ слова *фазахъ*, также; въ 33-й строкѣ, послѣ слова *честолюбца*, также. Почему въ 1-мъ столбцѣ въ строкѣ 13-й снизу, послѣ восклицательнаго знака слѣдуетъ прописная буква? Раздѣливъ оба эти предложенія, корректоръ разрушилъ смыслъ. Г. корректоръ долженъ также поучиться переносить слова изъ одной строки въ другую; на стр. 479-й, въ строкѣ 6-й, перенесено: *под-лишки*, вмѣсто *подлишки*; двумя строками ниже, перенесено: *про-ваша*, вмѣсто: *про-вашая*.
Уфъ! Берегъ!!

Убѣдилась ли теперь Литературная Газета, что въ ней, какъ и во всякомъ твореніи рукъ человѣческихъ, есть не остат-

V. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

На Французской сценѣ нашей явилась дебютантка — Г-жа Зюльма Ресту, игравшая донны въ двухъ трудныхъ комедіяхъ: *Les Jeux de l'Amour et du Hasard* и въ *l'Ecole des Vieillards*. Г-жа Ресту не имѣла большого успѣха.

— Эмиль Девриентъ продолжаетъ привлекать зрителей въ Михайловскій Театръ; вскорѣ, однако, онъ уѣдетъ отъ насъ, такъ какъ имя его уже появилось въ Вѣдомостяхъ, въ числѣ отправляющихся за границу.

— Бенефисъ Г-жи Сосницкой, въ Понедѣльникъ, 13-го Іюля, былъ единственнымъ примѣчательнымъ спектаклемъ въ теченіе первой половины Іюля. Давали драму *Мать Испанка*, соч. Н. А. Полеваго, и водевили: *Учитель* и *Выборы, или за споромъ дѣло стало*. Драма Н. А. Полеваго понравилась публикѣ, не смотря на нѣкоторыя въ ней длинноты.

П А Р И Ж Ъ.

Въ теченіе Іюня представлено на всѣхъ Парижскихъ Театрахъ 26 новыхъ піесъ, написанныхъ 36-ю авторами. Въ числѣ этихъ піесъ были: 1 трагедія, 2 оперы, 3 комедіи, 3 пантомимные балета и 17 водевилей. По возобновленіи игры 4 піесы, и въ Іюнь было 9 дебютовъ.

Premier Théâtre Français. *Un Veuvage,*

комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. актера Сансона, соединяющаго сценической талантъ съ достоинствомъ остроумнаго писателя. Новая комедія его имѣетъ всѣ достоинства прежнихъ піесъ, и хотя основа ея проста, однако, авторъ умѣлъ разцвѣтить ее множествомъ милыхъ подробностей. Г. Менаръ, сороколѣтній вдовецъ, и притомъ богатый человекъ, желая укрыться отъ преслѣдованій нѣжныхъ маменокъ, ловящихъ его для своихъ дочерей, ѣдетъ въ провинцію, къ другу своему Дюмону. Но тамъ на него нападаетъ жена друга, стараясь навязать ему дочь свою, которая, разумѣется, влюблена въ молоденькаго хватика; съ другой стороны онъ попадаетъ въ руки Г-жи Бофоръ, несносной женщины-писательницы, за которою онъ нѣкогда волочился. По счастью для Менара, дочь его пріятеля признается, что любитъ молодого Артура, онъ улаживаетъ ея свадьбу, отвязывается отъ Г-жи Бофоръ, и ѣдетъ искать уголокъ, гдѣ бы не старались обвить его новыми узами Гимена. Не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ Парижскихъ журналахъ объ этой піесѣ отозвались не совсѣмъ благоприятно, ее донынѣ играютъ постоянно.

Académie Royale de Musique (Grand Opéra) *Le Guerillero*, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Г. Теодоръ-Анна, музыка Г. Амбуаза-Тома, и

Le jolie fille de Gand, пантомимный ба-

летъ въ трехъ дѣйствіяхъ и девяти картинахъ. Музыка Адана.— Эти обѣ новыя піесы были играны въ одинъ и тотъ же вечеръ, и обѣ увѣялись полнымъ успѣхомъ. Содержаніе первой слѣдующее: Шайка Гверильеровъ, подѣ начальствомъ Фернанда, сражаются за права Жуана Браганцскаго, но негодуютъ на него, что онъ не является къ нимъ лично, и притомъ негодуютъ на Фернанда, что онъ болѣе занимается любовными объясненіями съ Терезою, нежели ими. Терезу эту, обрученную съ Францискомъ, онъ держитъ у себя въ плѣну, вмѣстѣ съ женихомъ ея. Между гверильерами доходитъ дѣло до возстанія, какъ вдругъ является самъ Король, Жуанъ Браганцскій; когда возстаніе прекращено, прибѣгаетъ Тереза, просить у Короля милости и защиты. Вмѣсто защиты, Король приказываетъ ее немедленно обвинять съ Фернандомъ, и когда женихъ ея говоритъ, что отецъ Терезы, умирая, соединилъ ее съ нимъ, раздаются выстрѣлы — что такое? Фернандо разстрѣлянъ, и Тереза, какъ вдова военнаго, получаетъ вновь честное имя и выходитъ за своего жениха. Король — совсѣмъ не Король, а другой гверильеросъ, братъ Терезы.— Содержаніе балета заимствовано изъ піесы, игранной недавно на Театрѣ Сентъ-Мартенскихъ Воротъ. Молодая дѣвушка размышляетъ выйти ли ей за двоюроднаго брата своего Бенедикта, или принять блестящія предложенія одного Маркиза. Между тѣмъ, она засыпаетъ, и видитъ во снѣ всю жизнь свою: она приняла предложенія Маркиза, живетъ въ роскоши, но на каждомъ шагу находитъ упреки и сожалѣнія; подружки ея счастливы, а она плачетъ, и наконецъ узнаетъ, что отецъ ея умеръ съ горя! Въ отчаяніи, она бросается въ воду — и пробуждается. Все это былъ сонъ, который ее спасъ отъ гибели! — Музыка Адана прелестна; костюмы, декорации и постановка роскошны.

Théâtre de l'Opéra-Comique. *Le Code*

noir, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба, музыка Клаписсона, молодого композитора, написавшаго нынѣ вторую оперу. Сюжетъ піесы заимствованъ изъ повѣсти Шарля Ребо, очень милъ, веселъ и едва ли не самый веселый изъ всѣхъ Скрибовскихъ либреттовъ. Въ партиціи, сказываютъ, находятся многія замѣчательныя качества; мелодіи въ ней игривы и почти всѣ оригинальны, и обработка выказываетъ мастера своего дѣла. Опера имѣла рѣшительный успѣхъ.

Second Théâtre Français. *Le 6 juin 1606*, піеса — кстаті (à-propos), въ которой выведены всѣ главныя дѣйствующія лица піесы Корнеля. Многія изъ нихъ прочитали лучшіе отрывки изъ своихъ ролей. Она была представлена 6-го Іюня, въ день рожденія (въ 1606 г.) великаго трагическаго писателя.

Théâtre de la Porte St. Martin. *Les Marocains*, водевилъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Поль-де-Кока, не выходитъ изъ сферы этого писателя. Дѣйствіе начинается въ публичномъ саду Тиволи, гдѣ одной гризеткѣ предсказываютъ, что она будетъ богата и важна. И точно, ее увозитъ какой-то Турка въ Алжиръ, куда за нею слѣдуетъ ея Парижскій любовникъ. Но, послѣ разныхъ смѣшныхъ сценъ, открывается, что Турка этотъ — разбогатѣвшій братъ гризетки, соединяющій ее съ возлюбленнымъ. Вся эта неправоподобная піеса написана, чтобъ въ нее вставить гимнастическія упражненія труппы Арабовъ, прибывшихъ недавно въ Парижъ. Ихъ прыжки, штуки, пируэты и т. п., сказываютъ, удивительны и совершенно въ новомъ родѣ.

Théâtre de la Gaité. *La veille de la Wagram*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Поль-де-Кока, совершенно въ другомъ родѣ, нежели предыдущая піеса его. Мальчикъ, спасенный солдатомъ, въ 1793 году, выросъ на бивуакахъ, и сдѣлался храбрымъ офицеромъ. Наканунѣ Ваграмскаго сраженія, онъ, отправляясь на любовное

свиданіе, теряетъ депешу, и за это приговоренъ къ смерти. Но по кольцу, его узнаетъ мать, простая крестьянка, а въ генералъ, приговаривающемъ молодого капитана къ смерти, узнаетъ обольстителя своего. Все кончается трогательною картиною.

Théâtre du Gymnase. Edouard et Clémentine, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, подражаніе драмъ Коцебу: Ненависть къ людямъ и раскаяніе, которую Г. Лорансенъ сократилъ, примѣнилъ къ нынѣшнему вкусу публики, и, особенно, изъ которой онъ вычеркнулъ всю излишнюю чувствительность, впадающую нерѣдко въ ребячество. Новый водевиль — совершенно миниатюра извѣстной драмы. Передѣлыватель, однако, сохранилъ въ главныхъ, сильнѣйшихъ сценахъ всю мысль автора, и теперь публика театра Гимназіи заливается слезами. Роль Клементины прекрасно играетъ Г-жа Вольнигъ.

Théâtre du Palais-Royal. Les deux Couromnes, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, не изъ рода піесокъ, составляющихъ обычный репертуаръ этого театра: это чопорная, чистенькая комедія, поставленная на сцену съ особеннымъ стараніемъ. Дѣйствіе начинается въ Ганноверѣ, въ дѣвичьемъ воспитательномъ монастырѣ, въ которомъ на себя обращаютъ вниманіе двѣ воспитанницы, Софія и Корнелія. Первая изъ нихъ дочь дворянина въ опалѣ, вторая дочь богатаго банкира, о которомъ вдругъ узнаютъ, что онъ обанкрутился. Обѣ дѣвочки, связанныя тѣснѣйшею дружбою, даютъ себѣ слово свидѣться черезъ пять лѣтъ. Въ это время утекаетъ много воды: Корнелія сдѣлалась знаменитою пѣвицею, и особенно хороша въ роли Царицы Египетской. Посреди торжествъ она не можетъ отвязаться отъ волокитства какого-то Надворнаго Совѣтника и еще какого-то музыканта, флейтиста. Надворный Совѣтникъ этотъ сдѣлался Королемъ Англійскимъ, и прислалъ ей драго-

цѣнные брилліанты и богатый экипажъ, но въ эту самую минуту, Корнелія вспоминаетъ про Софію, которая ее приглашаетъ къ себѣ ужинать; но Софія эта — Королева Англійская; Корнелія клянется позабыть Короля, и выходитъ за музыканта.

Théâtre de l'Ambigu-Comique. La Croix du pont, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, основанная на историческомъ происшествіи, измѣненномъ во многомъ для сцены. Тутъ есть и отравы, и смертный приговоръ, и всевозможныя пружины, придающія интересъ ужасной драмѣ.

Théâtre des Variétés. Le Nourisson, водевиль въ одномъ дѣйствіи, въ которомъ смѣются отъ начала до конца. У одной кормилицы остается на рукахъ, шестнадцать лѣтъ сряду, вскормленникъ, за котораго не платятъ ничего; у нее же другой питомецъ, за котораго платятъ, потому что матушка его, обвѣчавшаяся тайно, очень богата. Эту мамушку хотятъ выдать за мужъ, но все дѣло открывается вовремя, хотя послѣ тысячи разныхъ комическихъ сценъ.

Тотъ же театръ. *Le Tambour - Major*, водевиль, не во многомъ уступающій предъидущему, исполненный разныхъ недоразумѣній и фэрсовъ, потѣшающихъ низшій классъ публики, для котораго пишутся эти піесы.

Théâtre des délassemens comiques. Les Quatre quartiers de la lune, водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ, изображаетъ, отчасти въ смѣшномъ, отчасти въ трогательномъ видѣ, жите-бытье двухъ гризетокъ и ихъ обожателей, честныхъ ремесленниковъ. Піеска эта упрочиваетъ успѣхъ возникающаго театра.

Théâtre des Folies dramatiques. Au Croissant d'argent, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ — прелестная піеска, которою публика наслаждается не смотря на лѣтнюю жару.

ЛОНДОНЪ

Вотъ что сообщаютъ изъ Лондона о тамошнихъ театральныхъ событіяхъ въ послѣднее время: на театрѣ Королевы, былъ представленъ въ первый разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, il Barbierе Россини. Фредерико Лаблашъ занималъ роль Фигаро, Луиджи Лаблашъ—Бартоло, Гуаско Альмавивы, а Ронкони Допа Базиліо. На Геймаркетскомъ Театрѣ, давали новую пьесу Шеридана Ноульса, подъ названіемъ: *Rose of Arragon*. На Французскомъ Театрѣ, 7-го Іюня, былъ прощальный бенефисъ Г-жи Дежазе. Игра ея надолго останется въ памяти посѣтителей этого театра. На той же сценѣ, появился знаменитый Буффе, въ роли Гранде (*La fille de l'Avare*), и, какъ выражаются Англійскія газеты, тутъ же штурмомъ взялъ сердца всѣхъ присутствовавшихъ. Лондонцы называютъ Буффе царемъ комиковъ, и слѣдовательно, ставятъ выше Перле.

— Любимица Лондонской публики, артистка Ковентгарденскаго Театра А. Кембл, праздновала недавно обрученіе свое съ Г. Сарторисомъ, богатымъ Испанцемъ, поселившимся въ Англию. Впрочемъ, до окончательнаго оставленія сцены, она исполнить все, къ чему обязалась прежними контрактами. По этому, она, какъ видно изъ послѣднихъ заграничныхъ извѣстій, предполагала отправиться въ Дублинъ, гдѣ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, ей должно играть гостинныя роли.

— На дняхъ, въ Театрѣ Королевы въ Лондонѣ, данъ былъ концертъ въ пользу Гамбурга, на коемъ присутствовалъ Принцъ Албертъ.

— 1-го Іюля, на Сеяъ-Джемскомъ Театрѣ, въ первый разъ исполненъ *Stabat Mater*, Россини; исполненіе главныхъ партій приняли на себя члены Италіанской и Нѣмецкой Оперы: Г-жи Луцерь и Пачини пѣли партію сопрано, Маріо тенора, а Штаудигль баса. Композиція весьма понравилась, и двѣ пьесы изъ нея, по требованію публики, были повторены.

ГЕРМАНИИ.

Вѣна. Въ пользу актера Сталя, давали на Театрѣ *an der Wien*, въ первый разъ: *Сынъ просвѣщенія*, драму Ледля. Эта пьеса есть не что иное, какъ неудачная пародія прекрасной драмы: *Сынъ дикости*, имѣвшей весьма большой успѣхъ. Публика, увлеченная заманчивымъ ея названіемъ, собралась въ значительномъ числѣ, ожидала провести вечеръ пріятно, и обманулась въ своихъ предположеніяхъ. Пьеса вялая, безхарактерна, и языкъ дѣйствующихъ лицъ часто упадаетъ до выражений пошлыхъ, оскорбляющихъ непривычный къ нимъ слухъ.

— На Придворномъ Театрѣ давали въ первый разъ комедію Баурнфельда: *Промышленность и сердце*. Эта пьеса, въ четырехъ дѣйствіяхъ, была принята съ большимъ одобреніемъ. Главное дѣйствующее лицо — Францъ Бальдингеръ, фабрикантъ, знаменитость въ мануфактурномъ мѣрѣ. Обширнымъ и превосходнымъ производствомъ онъ снискалъ себѣ славу, нажилъ деньги и не знаетъ соперниковъ. Чуждый жадной корысти, гнушаясь несправедливостей, онъ, по необходимости, долженъ былъ вести значительный процессъ съ одною неумолимою красавицей, выигралъ его и, въ добавокъ, сердце не преклонной. Вотъ основа пьесы. Публика приняла новое произведеніе своего любимого драматическаго писателя съ громкими похвалами. Игра актеровъ не оставила требовать ничего лучшаго. Лева, роль Бальдингера, и Г-жа Фихтнеръ, роль Гермини, выполнили превосходно.

— На Леопольдштатдскомъ Театрѣ давали въ первый разъ, двѣ новыя пьесы: Космара *Любовь въ угловомъ домѣ*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, и Шадецкаго *Превращенные рекруты*, сельская пантомима въ одномъ дѣйствіи. Содержаніе первой изъ сихъ пьесъ очень просто, основано на ревности, затруднительномъ положеніи, смѣшиваніи одного лица съ другимъ, мистификаціи. Занимательность

нѣкоторыхъ сценъ, живой языкъ, быстрота дѣйствія и искусство актеровъ,нискали ей одобреніе публики. Во второй піесѣ ничего новаго; однако жъ зрители съ удовольствіемъ смотрѣли на Венгерское *pas de deux*, которое танцовали Марія Новотни и Каролина Менле; понравились также экзерциціи женщинъ - рекрутовъ.

— На Йозефштадтскомъ Театрѣ, Гг. Кунсты, отецъ и сынъ, собирають заслуженныя похвалы. Выѣстъ съ этими гостями, прибыла изъ Липца Г-жа Гейсманъ, поѣщавшая года за два и С. Путербургъ. Дѣлаются приготовленія къ представленію новой драмы: *Европейцы въ Африкѣ*.

— На Йозефштадтскомъ же Театрѣ, въ пользу актера Арбессера, давали въ первый разъ: *Таинственная дѣва изъ чужбины*, или *Талисманъ*. Это передѣлка извѣстной піесы Коцебу: *Маленькая цыганка*.

— На томъ же театрѣ, была дана трагедія Шенка: *Велисарій*, которую уже шесть лѣтъ не видѣли на сценѣ. Г. Кунстъ игралъ роль Велисарія.

— На Леопольдштадтскомъ Театрѣ давали комедію въ четырехъ дѣйствіяхъ: *Чудаки въ Вльпѣ*, заимствованную изъ правовъ Вѣнскихъ жителей; она особенно одобряется ими. На этотъ разъ привлекла ихъ еще игра прѣзжаго артиста Троста.

— *Мюнхенъ*. Пишуть оттуда: «Недавно появился на здѣшней сценѣ знаменитый артистъ и драматическій писатель Эдуардъ Девриентъ. Ожидаютъ также прибытія изъ Мангейма Г. Гертингера, признаннаго лучшимъ теноромъ въ Германіи.»

— *Франкфуртъ на Майнѣ*. Содержаніе тамошняго театра взяли на себя Гг. Гуръ, Мальсъ и Меккъ. Между артистами, многіе съ замѣчательными дарованіями. Для оперы: Г-жи Капитенъ, Рудерсдорфъ, Кратки, Гофманъ, Карстенъ и Гоцгейзеръ, Гг. Пишекъ, Хрудимски, Вигандъ, Баумгауеръ, Каспари, Норкъ, Гассель, Линкеръ,

Беръ и другіе. Для драмы: Г-жи Фрюауфъ, Линднеръ, Меккъ, Гофманъ и Вейднеръ, Гг. Безонъ, Вейднеръ, Меккъ, Лусбергеръ, Шнейдсеры, Грацъ, Галленшейнъ, Гассель, Линкепъ, Вигандъ, Венцель. Жители Франкфурта доселѣ роптали на бѣдность репертуара. Можно надѣяться, что новая дирекція устранитъ этотъ недостатокъ.

— *Штутгартъ*. Здѣшній театръ лишился одной изъ своихъ знаменитостей. Агнеса Шебестъ погнувила спину, выйдя за мужъ за извѣстнаго богословскаго писателя Страуса.

— Г-жа Штубенраухъ, любимая артистка тамошней публики, недавно пожала новыя лавры въ комедіи Гелля: *Кавалеръ Сент-Жоржъ*, передѣланной съ Французскаго.

— *Берлинъ*. Число лицъ, находящихся въ разныхъ званіяхъ при Королевскихъ Театрахъ, простирается до 1900. Управленіе ими принялъ Г. Кюстверъ. Онъ готовитъ поставить на сцену двѣ оперы: *Дондзетти* — *Фаворитку* и *Галеви* — *Королесу Кипрскую*.

— *Прага*. Воспитанниками здѣшней Консерваторіи, подъ управленіемъ Г. Гордичіани, исполнено было, съ блистательнымъ успѣхомъ, превосходное произведеніе Моцарта *Донъ Жуанъ*.

ИТАЛІЯ.

Талиони, какъ мы уже извѣщали, прѣехала въ Миланъ, и дастъ тамъ двадцать представленій въ театрѣ дела Скала. Для перваго представленія, отецъ ея, Филиппо Талиони, сочинилъ новый балетъ въ пяти актахъ, *Сатанелья*. Прѣздъ ея возбудилъ въ Миланѣ всеобщее вниманіе; прежніе почитатели ея таланта явились поздравлять ее съ прѣздомъ, и пожелали ей успѣха. — Въ Брешии (въ Ломбардіи) Француженка Элиза Фуше, воспитанница Миланской Консерваторіи, дебютировала съ величайшимъ успѣхомъ. Она пѣла пар-

тію Арзаса, въ *Семирамидь*, Россини. Публика показала удовольствіе свое всѣми, доселѣ употребительными въ театрахъ средствами: аплодисементами, восклицаніями *браво* и *viva*, вызовами на сцену, букетами цвѣтовъ, вѣнками, стихами, и пр., но все это показалось недостаточнымъ пламенному восторгу Италіянцевъ. Они прибѣгли къ новому средству,

неслыханному въ театральныхъ лѣтописяхъ: выпустили изъ кресель на сцену нѣсколько десятковъ бѣлыхъ голубокъ, которыя, полетавъ по залѣ, спустились на авансцену. Элиза Фуше плакала отъ радости и признательности. Не замѣнитъ ли она со временемъ незабвенной Малибранъ, которая до сихъ поръ не имѣетъ преемницы?

